

ՀԱՅԿԵՆԿԱՆ
ՆՈՇՆՈՒԹՅՈՒՆ

Ամերայտյան

Գրչիկ

4

1975

ПО ВСЕЙ
ВСЕЛЕННОЙ
ШИРИТСЯ
ШЕСТВИЕ
МЫСЛЕЙ,
СЛОВ
И ДЕЛ
ИЛЬИЧА!

В. Маяковский

Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, советскую власть—власть трудящихся...

В. И. ЛЕНИН.

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

4
АПРЕЛЬ

19 Издательство 75
ЦК КП Грузии

«ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

ქოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური უშრნალო

წელიწადი მე-19

№ 4

აპრილი, 1975 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,
Тенгиз БУАЧИДЗЕ,
Марк ЗЛАТКИН,
Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,
Серго КЛДИАШВИЛИ,
Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Владимир МАЧАВАРИАНИ,
Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,
Гурам ХАРАИДЗЕ
(заместитель главного редактора),
Владимир ХОМУТОВ
(ответственный секретарь),
Георгий ХУЦИШВИЛИ,
Эммануил ФЕЙГИН,
Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания

19-й

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ:**

ТБИЛИСИ, 380008, УЛ. ЛЕНИНА, 5

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —

93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка

(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —

93-31-43

Отдел поэзии и искусства

(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики

(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —

93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Макалатия Г. Н.

Корректор Галионджян Н. А.

© «Литературная Грузия», 1975 г.

Содержание:

ПОЭЗИЯ

ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. Равняться по Ленину! Перевод Сергея Каширина	5
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Деревня в зеркале. Песня Палиашвили в Грузии. Перевод Михаила Синельникова	6
ИРЭНА СЕРГЕЕВА. Поэту. «И поезд вез тебя к границе...» «Принесу я сердце на руках...» «Пасись, мой конь, не опасайся...» «Прекрасна, как во сне...» «Командует юность: «По коням!..» «Стихи — это искры...» Пианистке. Дом гостеприимного хозяина. «Не плачь, Тбилиси, я вернусь!..»	8
КАМИЛЛА КОРИНТЭЛИ. «Ты носила рваные галоши...» «...Есть у меня там сад...» Из цикла «Город мой»	9
ЛИЯ ТИХОНОВА. На вершине. К подвигу готова я.. Ранним утром	10

ПРОЗА

ДАВИД КВИЦАРИДЗЕ. Памятники земли не обременяют. Роман. Продолжение. Перевод Камиллы Коринтэли.	11
АЛИО АДАМИА. Большая и маленькая Екатерины. Роман. Окончание. Перевод Татьяны Соколовой-Рухадзе	27
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Солнце. Рассказ. Перевод Зуроба Ахвледиани	42

К 105-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

СЕРГО ТУРНАВА. Анри Барбюс о Ленине	50
---	----

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ГРИГОЛ ЧИКОВАНИ. Сердце коммуниста	52
--	----

30 ЛЕТ ПОБЕДЫ

МИХАИЛ ГОЛОВАСТИКОВ. Дети Победы	56
--	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. По трудному пути... . . . 59
ВЛАДИМИР ДЖИБУТИ. Героическое дело требует героического слова 67

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- ВАЛЕНТИНА БАЛУАШВИЛИ. Друг грузинской литературы 70

ПУБЛИЦИСТИКА

- ДАВИД МАЙСУРАДЗЕ. К новым высотам культуры . . . 77

НАУКА

- НА УРОВЕНЬ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ 82

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИКИ

- РЕВАЗ СИРАДЗЕ. Развитие древнегрузинской эстетической мысли (V—XVIII века) 87

В МИРЕ КНИГ

- ГУЛЬНАРА ГАФУРОВА. Сложнейшие проблемы — доступно, популярно 95

Ладо СУЛАБЕРИДЗЕ

Равняться по Ленину!

Сердце и разум
народов и рас —
Он жил и творил
для трудящихся масс.
Сердцем горячим
вера в народ,
Был он грозой
для царя и господ.

Сердце и разум
прозревших людей,
Равняйтесь по Ленину
в битве идей!
С нами он сеял
и плавил металл,
А в наступлении
знаменем стал.

Мы заслужили
великое право
Равняться по Ленину.
Ленину — слава!
С думой такой
собирай урожай,
Землю родную,
как сад, украшай!

Строй и твори
дерзновенной рукой,
Подвиг воспой
вдохновенной строкой.
Совесьь ничем
не запачкай свою,
К счастью шагая
в сплоченном строю.

Край наш привольный
велик и богат.
Всюду веселые
песни звучат.
Будь в горделивом
кипении дней
Сыном достойным
Отчизны своей.

Сердце и разум
народу отдай,
Землю родную
трудом украшай.
Свято храни
величавое право
Равняться по Ленину...
Ленину — слава!

Перевод Сергея КАШИРИНА

В одном из своих стихотворений Алеко Шенгелиа писал:

Воздухом отчизны опьяненный,
Заворожен раннею весной,
Я вхожу счастливый и влюбленный
В песню, не написанную мной.

Именно этой горячей, неиссякаемой любовью освещено все творчество грузинского поэта. О чем бы он ни писал — об историческом прошлом своей страны, о жизни своего поколения, о «труде, горячем, как сражение», или о «боях, настойчивых, как труд», о дружбе и братстве, он всегда помнит, что об этом надо писать с позиций сегодняшнего дня, видеть это глазами нашего современника, влюбленного в жизнь и созидание.

«Все поэты мира пишут стихи потому, что этого требует сердце», — сказал как-то Алеко Шенгелиа в беседе с японскими поэтами, гостившими в Тбилиси. И действительно, все его собственные стихи написаны по велению сердца, горячего сердца гражданина и патриота.

Настоящее искусство не знает границ, оно близко и понятно всем. И не удивительно, что стихи Алеко Шенгелиа знают не только в Советской Грузии. Первый космонавт Юрий Гагарин среди любимых своих стихов назвал и стихи Алеко Шенгелиа. Большая гордость!

Алеко Шенгелиа исполнилось шестьдесят лет. Желая ему здоровья и творческих успехов, мы знаем, что главная песня поэта, которая «не сложена еще», будет настоящим гимном Красоте, Добру, светлым идеалам человечества.

Алеко ШЕНГЕЛИА

Деревня в зеркале

В полутемном углу,
В тишине
деревенского дома,
Веки смутно смежив,
Неподвижно лежит инвалид.
Жизнь его — отголосок,
Осколок

военного грома,
Головня от костра...
Утомленное сердце болит.

Тень — на скулах сухих,
Сумрак в доме...
Тоскует калека,
Говорит:
«Отойди, отступись,
тесно сердцу в груди!

Дай мне чашу испить
Моего непрожитого века,
Подожди, не спеши,
Дай немного вздохнуть,
Отойди!...»

И в который уж раз
Смерть уходит,
Ступнями
Ступени

Прогибая...
И снова
Зеленого смеха волна
Охватила хребты,
И дождем проливным светотени
Расписала все стены,
Как легкою кистью, весна.
Одиноко и пусто,
Но гомон за окнами гулок...
И в настенное зеркало
Он
Осторожно глядит...
Видит
Двор и проселок,
далекий плетень и проулок —
Слабый луч бытия
И надежды незыблемый щит.

...На скамье у ключа
Мальчик с девочкой
сели в обнимку...

«Э-ге-гей, молодец! Нелегко тебе?
Ну, не робей!...»
И глаза отведя, улыбается старому
снимку,

Фотографии женской,
Глазам под серпами бровей...

«Я бы здесь не терялся.
Эх, молодость!
Помнишь, Кекела,
Как бывало когда-то,
Как ладилось дело у нас?..
Что же ты приумолк
И подружка твоя оробела?
Э-ге-гей, молодец,
Не робей!
Поцелуй же хоть раз!»

Вот арба показалась.
Кричит он
 проезжим вдогонку:
«Погоди, паренек!»
Задержалась арба у окна.
Разговор о страде...
Вот и парень целует девчонку,
И срывается с места, бежит и
 смеется она.
«Ты и впрямь молодец!..»
И глаза его повеселели,
Улыбаются вновь
Тусклой карточке
Дней голубых,
Так лукаво глядят,
Подмигнув
Лукобровой Кекеле.
...И уходит арба,
Скрип колес постепенно утих.

Виден в зеркале
 мир,
Отраженная в этом зеркале,
Вся деревня
 в глазах
 оживает...
Пусть годы прошли —
Есть огромная жизнь,
Есть Отчизны широкие дали,
Есть друзья и враги...
Голоса — и вблизи и вдали.

В полутемном углу,
В тишине деревенского дома,
Веки смутно смежив,
Неподвижно лежит инвалид.
Жизнь его — отголосок,
Осколок военного грома,
Головня из костра...
Утомленное сердце болит.

Шла война
 по пятам,
 словно тень,
И ее канонада
Настигала, врывалась в забвение
 и в забытье...
Он вернулся с войны,

Возвратился в свой дом виноградарь,
Но не смог приласкать
виноградник свой,
Поле свое.

Краснощекое лето
 проходит,
И следом за летом
Важно шествует осень,
 причудливо обнажена,
Нагота ее — прихоть,
Пусть вихрь ей потворствует в этом...
Но глядеть нестерпимо,
Как ранняя плачет
 весна.

Пробуждается рано
 крестьянское сильное тело,
Словно ивовый ствол.
Дышит свежей грозой небосвод.
Пусть надломлены ветви,
Листва с них давно облетела, —
Зеленеют побеги...
И пашня из дома зовет.

Дождевая вода,
 мать побегов,
 поет,

И упали
Капли,
 в пляску вступая.
Стремительный град засверкал...
И увидел калека
 в зеркальном бездонном овале
Отражение лужиц — осколки разбитых
 зеркал.

Будет ведро опять,
И расчешет
Косматые тучи
Небо
В зеркале ливня...
Так что ж мне звезда не видна,
В гуще звезд не сыскать
Одинокой звезды пятилучье...
Только в зеркальце этом
Мигает, мерцает она.

Виден в зеркале
 мир,
Отраженная в этом зеркале,
Вся деревня
 в глазах
 оживает...
Пусть годы прошли —

Есть огромная жизнь,
Есть Отчизны широкие дали,
Есть друзья и враги...
Голоса — и вблизи и вдали.

Песня Палиашвили в Грузии

Песня огромная,
 Песнь хоровая
 Плещет в строке самого Руставели,
 В цвете расплавленный цвет растворяя,
 Рокот за рокотом — струнная стая —
 Как за фазаном фазан полетели.
 Я — на горе...
 Усмиренный, покорный
 Терек
 Струится
 По сонным долинам...
 Но отзывается
 Грохот нагорный,
 Камень
 В провал обрывается черный,
 Ревом
 Ответили волны лавинам.

Ясно
 В небесной светающей шири,
 Дремлет под солнцем
 Реки мостовая.
 Слышу я голос Мзаго Суджашвили.
 Волны, очнувшись, пошли, заспешили,
 Не отставая,
 Не уставая.

Слышу:
 Шумит
 Карталинское поле,
 Слышу
 Садов пробужденных дыханье...

Я по стихам стосковался до боли.
 И виноградников
 Льется приволье...
 Может быть,
 Вместе
 Споем на прощанье?!
 Вот я иду по теченью Ингури,
 Я по долине бреду вдоль Риони,
 Слышу,
 Как плачут
 И ропщут чонгури...
 Счастлив сгореть
 В очистительной буре
 И раствориться
 В серебряном звоне.

С цокотом
 Двинулись белые кони,
 С топотом
 Песен идет кавалькада...
 То мотылек у волны на ладони,
 То ветерок за припевом в погоне,
 То пронесется
 Раскат водопада.

Песня огромная,
 Песнь хоровая
 Гулко рокоchet в строке Руставели.
 В цвете расплавленный цвет растворяя,
 Рокот за рокотом — струнная стая —
 Как за фазаном фазан полетели.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Ирэна СЕРГЕЕВА

Поэту

Когда твой каждый крик
 на грани песнопенья,
 не каждая строка
 заносится в тетрадь.

Всю жизнь свою
 ты должен умирать,
 чтоб выжило
 два-три стихотворенья.

* * *

И поезд вез тебя к границе,
 И за спиною был восток.
 И тихо, как ночная птица,
 границу молча пересек.

И снилось, что тебя спросили
 у этой роковой черты:

«Твой выбор — жизнь или Россия?»
 «Россия» — отвечала ты.

* * *

Принесу я сердце на руках —
 ты отлочишь маленький кусочек.
 Ты забудешь о моих стихах,
 даже шесть коротких этих строчек.
 Говорим на разных языках.
 Переводчик нужен, переводчик.

* * *

Пасись, мой конь, не опасайся
 ни шпор бокам, ни шор глазам.
 Несись, мой конь, земли касайся,
 но устремляйся к небесам!

* * *

Прекрасна, как во сне,
 звезда в окне горела.
 Меня она не грела,
 но душу грела мне.

* * *

Командует юность: «По коням!»
И годы бегут, как зверье.
Погоня, погоня, погоня.
И надо ускорить ее.
Но близится время такое,
что жаждешь, склоняя чело,
покоя, покоя, покоя
и больше уже ничего.

* * *

Стихи — это искры,
а ты — это камень.
И я — это камень.
Ты — камень молчания.
Я — камень отчаяния.
Стихи — это искры
между камнями,
рожденные долгими днями
разлуки.
Стихи — это искры
в ночи.
Молчи,
оправданий не надо.
Ты — камень.
Как сердце болит!
Ах, где эта капля,
что камень долбит?

Пианистке

Мне ангел Музыка явился —
лик в черном облаке сокрыл.
Он в дивной Грузии родился.
Казалось, Демоном он был.

Удар! Обвал. Скала дробится..
Удар... и мчится, все круша..
О, Музыка! В тебе томится
Тамары страстная душа.

Дом гостеприимного хозяина

Вино твое мы выпьем
и мясо мы съедим твоих баранов,
Кахетия! В начале ноября
земля твоя черна, листва багряна,
душа не исчерпается, дара.

Всех одари.
И песнь из нас исторгни.
И жизнь возьми,
сказав, что смерти нет.
Кахетия!
Хозяин наш, Георгий, —
твой земледелец, воин и поэт.

* * *

Не плачь, Тбилиси, я вернусь!
Сотри дожди с лица ли, с улиц!
Все, кто любил тебя, вернулись,
их слово помнят наизусть.
Тбилиси! Радость ты и грусть!
За что меня ты возвышаешь?
Один меня ты утешаешь,
Тбилиси! Я тобой клянусь!

Камилла КОРИНТЭЛИ

* * *

С. К.

Ты носила рваные галоши
И мечтала: «Кончится война!..».
На былинку ты была похожа,
На былинку в зареве огня.

Стылые голодные рассветы..
Затемнений злая череда..
Ты сходила ланью безответной
С сололакских круч по корке льда.

А под вечер опускались плечи,
Но светились радостью глаза, —
Черный хлеб, как праздничные свечи,
В дом несла ты.. Медлила слеза..

«Я сыта!» — ты твердо уверяла,
Чтобы нас хоть как-то накормить.
Чем жила ты, как существовала?..
За две жизни это не забыть.

* * *

...Есть у меня там сад,
Задумчивый, как память,
И тихая речная заводь,
И шумный водопад..
В беседке круглой — дикий
виноград.

И есть заветная скамья —
С нее мне видится Земля
И люди в бешеном движении
В неона голубом свечении..
О, если б войны вдруг пропали,
О, если б в мире осознали,
Как страшно нынче воевать!..
...Глициний пряная коса
Меня пьянит!
И, отрешившись от всего, гляжу,
Как на траве блестит роса,
И вслушиваюсь в птичьего голоса.
...Я ухожу домой,
Когда длиннее тени

Становятся в аллее
 И смуглая заря, вечерняя заря
 Стволы дерев ласкает...
 Как тишина звонка!
 И как неспешно выплывает
 За Нарикалой желтая
 огромная
 луна!..

На котором —
 бесчисленные следы
 каблуков...
 Так на сердце моем —
 Следы старых и новых рубцов.
 ...И вот уже загораются
 Голубовато-молочные лампы...

Из цикла „Город мой“

* * *
 ...А город огромный лежал
 В котловине меж древних гор,
 Как роза на чьей-то могучей ладони,
 И вечер с прохладой и звездами шел,
 Торопился на встречу
 С жаром каменных стен,
 Размякшего асфальта,

* * *
 Умирать мне — только в Тбилиси,
 В золотистом и теплом краю.
 Сберегут лазурные выси
 Беспокойную душу мою.
 Ну а жить мне — по всей планете,
 Кочевать от костра к костру,
 И входить в города на рассвете,
 И сердца приобщать добру.

Лия ТИХОНОВА

На вершине

Вершины покоряют,
 К ним совершают
 Восхожденья.
 И смелым —
 Как вознагражденье
 Мгновенья чистоты,
 И ощущение высоты,
 И ясность цели и победы!

Но спуск —
 Неотвратим:
 Жизнь на вершине —
 Невозможна...

Все лучшее
 И чистое
 На свете —
 Мгновенья
 На вершине этой.
 И стоит жить
 Лишь ради них!

В снах вдруг
 представляется война...
 ...И к подвигу готова я!

И страшно — отступить,
 И нужно позабыть,
 Что боли так боюсь я.
 Нельзя не победить,
 Иначе нечем будет жить,
 Да и зачем же...

Вот так я и живу,
 С Олегом мысленно сверяясь,
 И лишь тогда дышать могу,
 Когда по Зое я равняюсь.

К подвигу готова я...

Сколько раз мне
 в юности
 И теперь порою

Ранним утром

На седьмом этаже та стеклянная дверь,
 Как окно мое в мир и далекий
 и близкий,
 Я гляжу поутру в эту светлую щель
 На зеленые горы в лазоревой дымке.

И вдруг чудится мне — это сказочный
 зверь,
 Прикорнувший вдали так устало
 и сладко
 Под весенний напев, пробудивший
 свирель
 И напомнивший мне об альпийской
 фиалке.

ПАМЯТНИКИ ЗЕМЛИ НЕ ОБРЕМЕНЯЮТ

РОМАН

Володя рассказывал о себе. У него жена и три дочери. Дом, в котором живет семья, — еще дедом строенный, ветхий, с прогнившими стенами и кровлей, ветер и непогода свободно разгуливают по двум тесным комнаткам. Володя просил разрешения в райисполкоме — либо на постройку нового дома, либо на ремонт старого. Шурин Володи помог ему приобрести кой-какие стройматериалы, раздобыл Володя и цемент, и известку, и кирпич, и черепицу, но Раждэн Бодокиа в который уже раз с отказом выпроваживает его из своего кабинета. Да и в кабинет его попасть — дело не простое.

Словом, Джишқариани показал Гиге самодельный нож и объявил: «Нынче ночью я с ним расправлюсь, с этим Бодокиа».

Гига пошел на хитрость — не стал его ни разубеждать, ни уговаривать, будто и мимо ушей пропустил эти слова. А потом попросил ножик показать — и не отдал, стал расспрашивать, как Володя к Ковпаку попал, отвлек разговорами да расспросами и о себе рассказывал.

На прощанье Гига протянул ему тот нож, да Володя не взял — одумался.

— Завтра-послезавтра я сам пойду к Бодокиа, — сказал Гига.

Завтра-послезавтра пришли к Гиге бывшие партизаны, все, кроме Володи. Гига спал в это время. Гости его решили — соорудим-ка Бате шалаш. Опыт далеких лет пригодился — пока Гига спал, шалаш был готов.

Когда Гига проснулся и увидел шалаш, он растрогался. От души поблагодарил своих новых друзей.

— Нынче в моде иметь собственную дачу, — сказал Чхобадзе. — У кого куры денег не клюют, те строят роскошные дачи в горах либо на море. Вот и мы тебе особняк отстроили. Он, правда, немножко простоват, зато честными руками построен.

А Гиге пришла вдруг в голову мысль, которой он поделился с товарищами:

— Давайте-ка, ребята, выстроим дом нашему Володе, а?

— А разрешение? — спросил Сандро Берадзе.

— Я буду отвечать, — возразил Гига.

Он продиктовал учителю Георгию Мхеидзе такое письмо: «Уважаемый товарищ Бодокиа! Владимир Джишқариани — соратник Сидора Артемовича Ковпака, человек заслуженный. Нет у него крова над головой, и мы ему выстроили дом. Батя».

Все направились к Володе. Тут и выяснилось, что Гига Вардосанидзе — инженер-строитель. Он разметил строительный участок, начертил план будущего дома. Пригласили каменщика Вардэна и плотника Павлия. Помогли и соседи Джишқариани. И еду несли, и питье, и никакой работы не чурались. Словом, все приняли посильное участие в строительстве, и вскоре дом подвели под крышу.

В тот самый день, когда семейство Володи вселилось в новый дом, у калитки остановилась «Волга» Раждэна Бодокиа. Из нее вышли два молодых человека, молча прошли мимо ошеломленного Джишқариани и вошли в самовольно выстроенный дом.

Продолжение. Начало в №№ 2, 3.

Володя приблизился к машине. Сидевший рядом с шофером Бодокиа вылез, посмотрел на дом и сказал:

— Хороший дом ты себе выстроил.

— Да я что, это товарищи мои постарались. Только знайте, живым я из этого дома не выйду!

— А зачем тебе выходить?

Джишкариани растерялся.

Тут подошли те двое, доложили Бодокиа, что дом-де без разрешения построен и должен быть разрушен.

— Зачем рушить, возьмите дом на учет, сделайте план, и пусть человек живет, — сказал Бодокиа. И пошел к машине. Садясь в кабину, он, как бы между прочим, спросил у Джишкариани:

— Да, кстати, кто такой Батя?

— Батя? — Володя сперва растерялся, но быстро овладел собой и ответил довольно дерзко:

— Батя и есть наш командир.

— И сейчас?

— Ну да, и сейчас, — так же дерзко подтвердил Володя.

— Как будет случай, я должен познакомиться с этим вашим Батей, — сказал Бодокиа.

И машина укатила.

Ты: Новый дом Джишкариани украсил улицу Бесики. Володя из кожи вылез и приобрел мебель — ведь у них в семье и стула-то приличного не было. Ксения, его жена, оказалась бережливой женщиной — было у нее на черный день кое-чего припрятано, в тряпицу увязано. И пригодилось это, слава богу, на светлый день! Appetit приходит во время еды: Ксения, женщина тихая, в обращении с мужем даже робкая, вдруг стала требовательной и в один прекрасный день заявила категорически: хватит, с этого дня мы должны жить иначе. Что за нищенское существование мы вели! — сказала она. — Изволь найти другую работу, чем ты других хуже, хватит тебе киркой стучать, посмотри вокруг, поучись, как люди выискивают себе тепленькое местечко и устраиваются. Дома у них рояли стоят, магнитофоны. А я вот уже старею, и с той поры, как ты меня в жены взял, у нас гитары и той не было. Скажи, по советам, чем лучше меня, Ксенин Гоциридзе, эта рожка Туквадзе, а ведь она пешком два шага не делает, все на «Волге» раскатывает! А твои дети и твоя жена о горячем обеде мечтают. Этот твой бородач, видно, человек влиятельный, используй же его, пусть он пойдет с тобой куда надо, пусть выхлопочет тебе хорошую работу, а за домом и детьми я присмотрю.

Я: Поразительно!

Ты: Погоди, Володя должен ответить жене!

Я: Ну-ка, я слушаю.

Муж — жене: Ты не очень-то прыгай и не ставь мне ультиматумы! Уже забыла, как мы жили? Все забыла? Свое платье латаное-перелатанное забыла? Пчелы за цветы его принимали, так пестрело заплатами. И то забыла, как при виде гостя не знала, куда деваться от стыда, хворой сказывалась, чтобы угощать не пришлось, в доме ведь никогда ни черта не было... А денег накопила небось, от меня даже в секрете держала... Уймись, Ксения Гоциридзе, довольствуйся тем малым, что имеешь, дом-то хороший получила? Сиди теперь и помалкивай, и запомни — твой муж, бывший партизан, бывший разведчик, своим хлебом-солью торговать не станет и бесчестного поступка не совершит.

Я: «Вот тебе мое слово», — сказал Володя Джишкариани жене. И все же той ночью он глаз не сомкнул. Какая-то заноза осталась-таки в сердце от женных разговоров.

..А ведь тихая, безропотная всегда была Ксения, какая же муха ее укусила? Как она посмела говорить мне такие вещи? Убить ее мало!..

...Вообще-то говоря, трудно ее обвинять, бедняжку... Что за жизнь у нее была? Какую радость я ей дал? Трех детей родила... гм, хотя бы один из них мальчик был! Сын — надежда родителей... Сын — опора семьи... Да, но вместо которой дочери хотел бы я иметь сына? Вместо Цицино? Да разве я Цицино на сына променяю? Нет, Цицино моя радость! Додо? Додо? Ой, боже, как я могу подумать! Додо как ангел, моя любимая девочка! Лали? Тьфу, почему у меня язык не отсохнет, что я говорю! Скотина я nepoтpeбная, Лали ведь солнышко, а не ребенок!

Растите, мои дочурки, ума-разума набирайтесь, а придет время — дай бог каждой найти хорошего, достойного парня...

А Ксения?..

Восемнадцать лет она моя жена. И что хорошего она видела за эти восемнадцать лет? Заботы да лишения? А ведь она и сейчас еще молода и собой недурна... да просто хороша она собой! Ну, конечно, Ксения красивая женщина. И девчонки в мать пошли. А она даже гордится этим. Что ж, говорят — и говорят! — что девочка должна унаследовать мягкость, нежность матери, доброту ее и что-то еще... А от отца что? Твердость и прямоту. Да где уж там твердость!.. Теперь еще вот в мягкой постели сплю, нежусь... Эх!

А почему?

Да... Ксения отравила-таки меня. Одна ее стрела попала-таки в цель, и теперь уж прощай покой! Забрался мне в душу червячок, и хотя он пока тихо сидит, я чувствую, что скоро, очень скоро начнет меня грызть, и что мне тогда делать!..

Гм... «ваш бородач, видно, человек influentialный, используй его, пусть попросит за тебя, где надо, пусть устроит тебе теплое местечко, а я уж за хозяйством и за детьми присмотрю...»

Знала бы она, что этот «влиятельный человек» в хижине живет, своими же руками строенной, что свои полвека он провел в постоянных лишениях и трудностях, что он еще и женской ласки-то не знает... А?.. Разве можно этому верить? Но Гига врать не станет.

Володя глянул на жену. Ксения безмятежно спала. Одеяло сползло, виднелась ее полная грудь... Сколько времени спит он отдельно, на этой вот кровати... А что если перебраться к ней, приласкать ее, поцеловать?.. Нет, если я это сейчас сделаю, значит, скрутила она меня — и все! Да ну тебя, бесовка!

Он повернулся на другой бок, закрыл глаза... Что толку-то! Мысли одолевали, сна — ни в одном глазу...

А не слишком ли поспешно я заявил, что хлебом-солью не торгую, что в базарном ряду не стану, прихлебателем не буду... Что бесчестного поступка не совершу... Собственно, почему бесчестного? Кто-то ведь должен... Ай да молодец, Володя Джишкариани, вот это твердость, вот это стойкость! А на дьявола мне эта твердость?! Какое мне от нее добро? Не хватает, что ли, мучений? Александр Чхобадзе на пенсии, ему делать нечего, вот он и бегаёт взад-вперед, дело себе выискивает. Ему всюду нарушения да преступления мерещатся. Одна ласточка все равно весны не приносит, а уж Александр!.. Тоже мне ласточка! Пусть лучше дома сидит да за внуками смотрит. А Сандро Беридзе? Иасон Жоржоладзе? Како Цнобиладзе, Георгий Мхендзе?.. Все они люди хорошие, славные люди, и душевные, и прямые, словом, настоящие! Но что даст мне дружба с ними?

А Гига?

Вот это человек!

Ведь я в ту ночь совсем потерялся. И пропал бы, пропал бы ни за грош, если б не Гига. Если бы, к примеру, сказал он мне — «как хочешь, так и поступай, ты сам свое дело знаешь». А? И где бы я теперь был? А что случилось бы с моей семьей?

...Но разве один я мир переделаю?..

Много, очень много хороших, трудолюбивых людей у нас в городке, в районе и того больше. Трудятся они, думают и радуют о благе и процветании нашего района. Мало разве в городке у нас сделано? Почему я этого не вижу, слепые мои глаза!

Спросить меня, так на каждую тысячу честных людей должно приходиться два-три подлеца, потому что — на что годна жизнь, гладкая, как зеркало, никакого интереса! А эти подлецы, мерзавцы всякие, когда-нибудь да споткнутся и сломают себе шею...

Эх! Жизнь наша мчится, несется, как скаковая лошадь!.. Но что за мысли приходят мне в голову, а?

...Эти мерзавцы в первую очередь — враги своих детей: они приучают их к дармоедству, прививают ненависть к труду, подают им все наготове... Дом, машина, дача, институт, диплом, чего же еще душе угодно? Ради чего их детям трудиться, чего добиваться? Вот в чем главная их вина! А прощать эту вину — преступление. Мерзавцев надо презирать!

...Боже мой, откуда у меня все эти мысли?!

Почет и уважение — если существует справедливость! — Гиге Вардосанидзе. Он отошел от всех, закрылся в своей скорлупе, но жизнь сама подошла к его дверям и постучалась... Нет, без людей жить нельзя.

А женщина?..

Да где женщина, которая окажется под стать Гиге?

Что, если в один прекрасный день вместе с Верой Габуниа отправиться к Гиге? Разве покойный Порфилие осудит меня за это? Да нет, Порфилие не такой был человек...

Эх, пойду я завтра на работу, я должен как следует трудиться, должен по-кожи лезть, чтобы заработать.

Правда пойти?

Но почему именно я должен камни таскать и кирпичи, почему я должен рукавом пот утирать? Почему?

Может, попытаться и поискать местечко потеплее, поуютнее?... Ох, Ксения, и не совестно тебе, ишь, ведь, совсем одеяло сбросила! Подвинуся, подвинуся, бестыдница!..

Ты: До свиданья, старик! Я уже здесь лишний, только помешаю тебе. Но дам один совет: не очень-то возись ты с этим Джиншкарини, помни, что все-таки главный герой — Гига Вардосанидзе. Поди к нему, поговори с ним о том, о сем, с ним интересно говорить.

Я: А ты почему знаешь?

Ты: Был я у него. И о тебе сказал. А он засмеялся, этого, говорит, мне не доставало. Вы, говорит, писатели, странный народ: вокруг жизнь кипит, столько интересного, все заняты, работают, трудятся, а вы меня откопали и изучаете! Вообще-то, если придете в гости, рад буду, только, скажу наперед, принять вас достойно, угостить, как полагается, не сумею, так что не обессудьте. Хижина моя ничего себе построена, только нынче вечера знобкие, а вот дальше, как похолодает, не знаю что и придумать. Но, как бы там ни было, несчастным меня не считайте и грехов каких-то мне не приписывайте, я того не заслужил. А если и вовсе оставите меня в покое и удовлетворитесь этим визитом, я скажу вам спасибо.

Я: Интересно!

Ты: Да. Сложный характер. Может, сложнее, чем ты задумал. Сильный человек, с чувством собственного достоинства. Жалости к нему не чувствуешь, понимаешь ты! Хотя за что жалеть-то... Но все же... Ну как, навестишь его?

Я: Вместе с тобой. Впрочем, не знаю еще... Не могу обещать.

Ты: Я с радостью составлю тебе компанию. С самого начала, еще когда ты приглашал меня в советчики, я уже знал, что на окраине городка живет такой человек. Не сочи за бахвальство, но, понимаешь, я прочел очень много книг — и хороших и нехороших, таких, которые читаешь — и зло берет: что за чушь, думаешь, что за беспомощность! Но однажды и меня бес попутал — не смейся! — это все такие горе-книги меня с панталыку сбили. Неужели я не смогу написать лучше — или хотя бы так же! — подумал я. Да ты не смейся, говорю, и не воображай, что вы, писатели, с неба сошли: от неземного земное не родится. В том-то и весь смысл, и чудо все, что вы такие же, как все, и вдруг... Словом, чего греха таить, сел я писать, пишу — и рву написанное, пишу — и рву! Нелегкое оказалось это дело, скажу я тебе. И еще больше стал я вас уважать.

Сидишь — думаешь, ходишь — думаешь, работаешь — думаешь, отдыхаешь — думаешь, куришь — еще лучше тебе думается, и сам с собой споришь, и возмущаешься, и ворчишь... И когда, наконец, чувствуешь, что все, ты полон, нет, переполнен, и настало время сесть за стол и писать, писать, писать! — вот ты и саднишься тогда, и кладешь перед собой белый, как девственный снег, нетронутый лист бумаги и... Господи, да где же, куда же все это улетучилось?!. Сложна, трудна и горька порой ваша жизнь...

Лист бумаги чист, без единого пятнышка. Лист бумаги — пустыня. Вы должны населить ее, эту пустыню, людьми, создать им семьи, понастроить дома, города, села, фабрики, заводы, развести виноградники, насадить плантации. Людям вы дадите мысли, знания, характер, приобщите их к добру и злу, словом, все то дадите, что имеют они со времен Адама... И, может статься, ошибетесь вы, оступитесь, в чем-то изменит вам чувство меры, — все бывает! Писатель — человек. Лично я прошу вам это. И другие пусть простят. Потому что тяжел ваш труд...

...Послушай, что у тебя есть выпить?..

Август прошел без капли дождя. Пыльно и знойно было на улицах городка. В хижине Гиги вечерами бывало сравнительно прохладно, а днем он бродил по лесу, так что жара его не очень донимала.

В середине сентября полил ливень, и после этого сразу и неожиданно похолодало.

Когда Гига строил свое жилище, было уже тепло, но строил он на совесть — не на один день-то строил! — тесно сбивал доски, чтобы не было щелей. Тогда он заботился, хлопотал о жилище своем, а потом стали ходить к нему бывшие партизаны, и у Гиги появились новые заботы. О зиме он и не вспоминал.

Сентябрьский дождь его обрадовал. Он лежал и слушал стук капель по кровле и радовался и гордился, что кровля не протекает. Он лежал на спине

и смотрел на потолок из неотесанных бревен, и вспоминалась ему далекая Россия, далекое российское село, избенка, крытая соломой... И Федор Малявкин... Федор...

Когда Гига туда приехал, села-то и не было: была груда дымящихся развалин. Жители теснились в единственном, чудом уцелевшем саманнике. Здесь, как в грузинских деревнях, посередине был устроен очаг, на котором варили картошку. Потом картошку, слив воду, высыпали на жестяной поднос, молча, спокойно делили ее на всех. Делили поштучно. Ели тоже молча, сосредоточенно... Было много детей и много стариков...

С завидным упорством рубили старики лес, очищали стволы от ветвей, потом впрягались в ярмо и волокли многопудовые бревна по лесным тропкам — туда, где стояла когда-то деревня и было теперь пожарище...

Как умело, как споро клали бревенчатые стены, как старательно прокладывали мхом бревна и как медленно, но упорно росли дома, поднималась деревня...

Гига и сейчас не отказался бы от той избы, крытой соломой...

Похолодало, похолодало... Задули холодные ветры. По ночам не хватало тепла одеяла, — Гига стал укрываться и старым пальто.

Сегодня утром он головы не мог поднять, — кости ломило, знобило. Когда он, наконец, заставил себя встать, тело пронзила такая боль, что он едва сдержал крик. С огромным трудом подошел к дверям и вернулся обратно, держась за стенки. Сел на постели. И вдруг страшно ему стало. Упираясь руками в край тахты, он привстал, повернулся и повалился ничком на постель. Он плакал. Плакал, всхлипывая, как ребенок. Горячие слезы градом катились по впалым щекам. Один бог знает, какой огонь сжигает сердце мужчины, если он плачет такими слезами...

Прошло какое-то время.

Гига очнулся, резко приподнялся, встал. Нестерпимая боль опять сковала все члены. Но он сжал зубы, преодолевая боль отчаянным усилием воли, подошел к рукомойнику, снял с гвоздя полотенце, вышел за порог и направился к реке.

Холодная вода подействовала отрезвляюще. Он вымылся до пояса и пошел обратно, чувствуя себя будто бы лучше. Он решил, что одолел боль, одолел хворь свою непонятную. Но это только показалось — победа была кратковременной, просто сильный характер взял верх. Несколько шагов — и боль вернулась, с новой силой вернулась. Закружилась голова. Из последних сил добрал он до дверей, вошел и, оглянувшись, увидел, что по тропинке к дому идет человек. Это было как милость божья!

Незнакомец остановился неподалеку, оглядел хижину, улыбнулся. Подошел к самому порогу, заглянул.

— Здравствуй, дружище!

— Здравствуйте!

— Ты должен меня принять, — он засмеялся и стал оглядывать внутренность Гигиных хором.

«Верно, тоже бывший партизан. Что его в такую рань привело?» — подумал Гига.

— Пожалуйте, только повремените минутку, я здесь порядок наведу. Вы присядьте пока.

— Спасибо, — гость уселся на сундук.

Гига повесил на стену пальто, застелил постель. Каждое движение причиняло страшные мучения, но он кое-как прибрал комнату.

— Я Габриэл Чхиквадзе, — представился гость.

— Очень приятно.

Габриэл встал, прошелся туда-сюда, подергал спущенную с потолка проволоку, на которой висел над очагом котелок, потом выглянул в окно, повертелся еще по комнате и снова уселся.

— Вы не больны ли? — осведомился он.

— Кажется, я действительно нездоров, — признался Гига.

Габриэл вытащил сигареты, предложил Гиге. Гига поблагодарил, но отказался.

— Я, дорогой мой мальчик, был приятелем покойного Бесариона, — проговорил Габриэл, зажег сигарету и взглянул на Гигу.

У Гиги при этих словах дрогнуло сердце. Он не ожидал услышать имя отца, он был уверен, что этот человек тоже, как и Александрэ Чхобадзе, бывший партизан, что он сейчас расскажет свою биографию, а потом заговорит о Водокна или о подобной личности.

— Много раз бывал я в вашем доме, но ты, конечно, меня не помнишь — я выглядел тогда совсем иначе, а ты был ребенком. И с тех пор прошло очень уж много времени... Бесарион был старше меня, но мы были большими друзьями.

Когда умерла твоя мать, я не отошел в сторону, подобно некоторым вашим родственникам, я хоронил ее, бедняжку... Может, и не следовало тебе говорить об этом, но, с другой стороны, ты должен знать... Да... Мне от тебя ничего не нужно, можешь мне поверить, я просто очень рад, что ты вернулся в родные края. Почему ты от людей прячешься, вот что ты мне скажи!

— Я? Я не прячусь.

— А зачем же ты, имея такую чудесную усадьбу, живешь в лесу?

— Ну, это не совсем лес, батоно Габриэл, это опушка, и мне здесь нравится.

— А дальше?

— А дальше посмотрим.

— Чего же смотреть, ты уже на человека-то не похож!

— Это борода вас так напугала?

— Нет, глаза.

Наступило молчание.

— Вчера я заглянул в ваш двор, — опять заговорил Габриэл. — Цветет там все. Дядюшка и тетюшка твои благоденствуют. У крылечка — новенькая «Волга»... Лаврентий в нее садился... Так-то... Встреться он мне на дороге, я сказал бы ему пару слов... Тебя я впервые увидел на похоронах Порфиля Брегадзе, потом мой близкий друг Александр Чхобадзе рассказал мне твою историю. Я, знаешь, люблю правду в глаза говорить, и скажу тебе: неправильно ты поступаешь. Ты такой человек, такой путь прошел — и вдруг отшельником заделался! Куда это годится?

— И это вам Александрэ сказал?

— Ах, Александрэ говорил, что ты герой, настоящий командир... над кем командирствуешь-то?

— Над кем мне командировать, я вон со своими делами не могу урваться.

— Почему же?

У Гиги голова болела — раскалывалась, ему не до разговоров было, так плохо он себя чувствовал, и вообще Габриэл со своими расспросами и нравоучениями его уже раздражал.

Да, но почему же?.. В конце концов, почему он приехал сюда? Не потому ведь, чтобы поглядеть на тот платан?.. Оставался бы уж в России, с этими чудесными людьми... Кто звал его? Кто помнил? Кто ждал? Кому здесь он был нужен?

Приехал. Будто бы плечи стал расправлять — да и скрутила его болезнь. Плохи, плохи его дела...

Где бывшие партизаны? Вот уж целая неделя, как никто из них к нему не заглядывал. С Джиншариани-то что случилось, он-то отчего не идет? А этот, Габриэл, чего ради явился?..

— Не выпьете ли стаканчик водки?

— С удовольствием.

Гига, опять превозмогая себя, через силу подошел к сундуку, достал бутылочку водки, стаканы, немного мяса и хлеба и, закрыв сундук, разложил все это сверху.

У Габриэла сердце защемило, он сам подтащил сундук ближе к тахте. Гига разлил водку по стаканам. Чокнулись, пожелав друг другу здоровья. Водка огнем обожгла Гигу, тяжело было ему пить, но он не подал виду.

Габриэл отпил чуточку и раскашлялся, видно, поперхнулся. Гига подал ему воды, но Габриэл выпил сперва водку.

— Очень крепкая, — сказал он. — Но тебе хорошо сейчас водочки. Выпил — и лучше стало, верно?

— Да, кажется. Голова болит, но, наверно, тоже пройдет. А вы, случайно, не врач?

— К сожалению, нет, я бухгалтер в отставке, — засмеялся Габриэл. — Тем не менее кое-что я в этом смысле и могу дать совет: ложись и вызови врача.

— Нет, врач мне не нужен... пройдет. Я, знаете, в жизни не болел. Кроме ранений, конечно.

— Это и плохо.

— Почему?

— Для таких людей головная боль и та страшна. Я принесу тебе лекарство, я уже вижу, что с тобой. Ты не удивляйся, что я к тебе пришел и такие речи веду. Мы с Бесарионом очень дружили, и мне невмоготу смотреть, как всем его добром, трудом и потом нажитым, завладел этот негодяй.

— Это не негодяй, батоно Габриэл...

— Да, знаю, он младший брат твоего отца, родной твой дядя... — Он оглядел комнату. — Но он негодяй и разбойник! Бессовестный, бесчестный. Живет-не тужит в доме твоего отца, а сюда хоть разок заглядывал?

— Нет.

— Тыфу! Где твоя справедливость, господи, почему ты всем одинаково даешь руки, ноги, глаза и сердце — сердце!.. Молчи, Гига, не возражай мне, не то уйду, как пришел, и не повернусь в эту сторону! Нет, недостойн он зватья твоим дядей, недостойн. А знаешь ты, что, когда всем нам было тяжело, когда весь народ поднялся за родину, этот выродец Лаврентий и так и этак юлил да извивался, и не пошел-таки на фронт. Не пошел! Непригодным оказался, слышишь ты? Ты вот сидишь в своей хижине, знать ничего не знаешь, что на белом свете делается. Такие, как твой дядюшка, «молодцы», во время войны хворые да немощные, сейчас процветают, вдвое поперек себя толще стали, а Александр Чхобадзе от худобы насквозь светится. А? Каково?

В анкете сейчас графа такая есть: участвовал ли в Великой Отечественной войне и что сделал, награды имеешь ли и сколько. Прежде в анкете надо было перечислить, какие такие награды, а теперь покороче — сколько и баста... А образование? Из тех, кто войну прошел, редко встретишь, чтобы высшее образование имели — когда и как им было учиться! А твой дядюшка и ему подобные важно заявляют, мол, закончил такой-то институт, я такой-то специалист. Специалист! Такие дипломы получали не через учебу, не через знания, нет, иными стежками-дорожками шли! И вперед вас вышли. О том я и плачу, о том и горюю! Кто-то должен этими делами заняться, кто-то должен разобраться во всем, все по местам расставить, вот что я скажу! И тогда, если я не доживу, ты-то доживешь до добрых плодов.

— Вы были на войне, батона Габриэл?

— Нет. У меня был такой вес, что они меня не брали. Кое-как зачислили в запасной батальон, местный. Я еле таскал винтовку, тяжелая была, как сейчас помню, и искал в этом лесу десант... Так-то, брат. А твой отец? Кто его заставлял бросить больную жену и в таком возрасте братья за оружие? Никто. Никто, кроме собственной совести. Он не мог сидеть спокойно дома, не будучи инвалидом, в то время как весь народ сражался за свою родную землю и его собственный сын воевал на передовой. И он пошел на фронт. Пошел и не вернулся. Твоя несчастная мать голодала, — а кто не голодал тогда? Впрочем, твой дядюшка умудрялся и тогда набивать свое брюхо, однако он ни разу не заглянул в дом своего брата и не протянул его жене руку помощи, даже словом не поддержал. А ты что за такой Иисус Христос объявился? Послушай меня, я тебе как отец говорю: ступай ты отсюда, из этой халупы, войди в свой дом и живи в нем. Пойди, покажись на люди, с соседом будь по-соседски, с недругом — достойным врагом. Жизнь есть борьба, — эту истину не я открыл и не я утверждаю. Без меня открыли. Уступать без борьбы — глупость. Не предавай родного очага, разожги в нем огонь и поддерживай его. Таков закон жизни. Да, твой дядя отстроил отцовский дом, увеличил его и в ширину, и в высоту, и дом, и двор украсил, в крепость превратил, красивую ограду поставил, ну и что же, ты возьми да и потребуй свое, то, что тебе по всем человеческим и божеским законам положено. Я никому не враг, упаси меня бог от вражды да тяжбы, только я добро и зло различать умею, и тут ты меня не собьешь! А еще я тебе вот что скажу, доброе дело в сточную канаву бросать нежное.

Они молчали некоторое время. Потом Гига заговорил, заговорил медленно, раздумчиво, словно сам с собой рассуждая:

— Уметь делать добро — это большое достоинство... Это счастливый дар, батона Габриэл... и если кто-то или что-то подтолкнет нас сделать доброе дело для кого-то, другого, вовсе не обязательно, чтобы этот другой знал, что кто-то заботится о нем или... или не мешает его благополучию... Добро, о котором на весь свет раззваниваешь, ничего не стоит.

Габриэл сверлил его своими ясными, живыми, с лукавинкой, глазами и размышлял: «Уж не связался ли он с какими-нибудь сектантами?». Впрочем, и Бесарион был человек на редкость добрый, щедрый, простодушный... кому мог, чем мог всегда с радостью помогал, займы даст — а долг никогда не спросит, вернут — хорошо, нет — и на том спасибо. «Каждый по своей совести живет, — говаривал он в таких случаях. — Если я человеку помог, так то мне самому хотелось, душа моя того просила». Яблоко от яблони далеко не падает...

Габриэл Чхиквадзе вышел от Гиги не очень-то довольный. Он был попросту недоволен. Недоволен тем, что ушел в общем-то ни с чем, все его слова были для Гиги как горох об стенку. «Жар у него, еле дышит, и ни лекарства, ни еды... постели приличной и той нет, а заупрямился, ни за что, говорит, судиться не буду и вообще ничего не хочу...»

И как только он живет, совсем один, в этой лесной хижине... Сказать правду, обвинять его трудно: человек на все рукой махнул, во всех изверился... Жалко его, ведь ему именно сейчас и нужна помощь и поддержка, сейчас друзья нужны... Хороший он, видно, парень, дай бог ему здоровья и долгой

жизни... и своей семьи. Ох, мне бы до того дня дожить, когда Лаврентий придет, чтобы убраться из чужого дома!.. Во что бы то ни стало я должен добраться, чтобы справедливость восторжествовала, черт побери! Этот мерзавец Лаврентий не будет процветать в доме несчастного Бесариона! В конце концов я пойду в райком! К первому секретарю. Нового секретаря все взахлеб хвалят, а спросить Силована Русадзе, так этот человек не сегодня-завтра чуда совершит, весь район облагодетельствует. Дай-то бог! Что ж, он сын такого человека, что должен быть образцовым секретарем. Я ему расскажу, как все было... Прямо не верится, что они дети одной матери, Лаврентий и Бесарион. Эх, не зря, видать, говорится, что из одного и того же бревна и весло получается, и топорище. Ах, черт, как же я забыл ему сказать!.. Совсем из головы вон, а?.. Но возвращаться не стоит. Да-а, про машину он ничего не знает. Про то, как его дядюшка приbedнялся перед бывшим нашим секретарем райкома, как плакался, мол, брата и племянника я в Великую Отечественную войну потерял, сам-то я был тяжело болен и об их семье заботился, единственный кормилец остался, потому меня на фронт ни за что не взяли, прошу теперь на имя погибших выделить мне одну «Волгу». И получил ведь, паскудник! «На имя погибших»! Ведь каков подлец, а? И я забыл про это рассказать!

Я обязательно пойду к первому секретарю, уж ему-то все скажу, все! Не прихватить ли с собой Силована Русадзе?.. Как-никак старый большевик, бывший партизан, человек порядочный в высшей степени... но как ему втолковать все это? Целый день надо ему долбить, авось дойдет до его ушей и не вылетит, тогда уж он в лепешку разобьется, но пока дойдет!.. Как начнет он свои расспросы — кто да что за человек, да чей сын, чей внук, откуда приехал, зачем в хижине живет, если у него совесть чиста... Ах, господи, господи!..

Шел старый бухгалтер Габриэл Чхивадзе, месил грязь по размокшей от давешних дождей дороге, думал, спорил сам с собой и воображаемыми собеседниками, ругал их и больше всего — себя, и все слышался ему надтреснутый голос Гиги Вардосанидзе и виделись грустные, лихорадочно горящие глаза...

Габриэл пришел к Александрэ Чхобадзе. Александрэ на балконе занимался со своими внуками — уроки они готовили, Александрэ был так увлечен, что и не заметил прихода гостя, пока Габриэл до самой лестницы не дошел и не окликнул его. Тут Александрэ кинулся навстречу Габриэлу, пригласил его на балкон. Дети обрадовались, что занятия, слава богу, кончатся.

Александрэ извлек свои огромные карманные часы на цепочке, поглядел на них и объявил:

— Идите, играйте! Не очень-то далеко убегайте, сейчас придет мама и стравит вас в школу.

Дети проворно собрали тетрадки, книжки, чернильницы и помчались во двор.

— Прямо беда эта вторая смена, — посетовал Александрэ. — И никакой надежды на то, чтобы что-то изменилось. Присаживайся, Габриэл! — Он подвинул гостю стул.

Оба уселись

— Я очень рад тебя видеть, — продолжал Александрэ. — Пять дней из дому не выхожу, мальчик мой в командировку уехал, невестка на работе, и сижу вот, сторожу дом и этих сорванцов. Совсем они мне голову закрутили. Какой тяжелый труд — преподавание, и как мало мы ценим педагогов! Погоди-ка, я хоть фруктов принесу и водочки!

Он встал, но Габриэл остановил его, не надо, дескать, я по делу к тебе, на минутку, и ни пить, ни есть не хочу. Но Александрэ все же принес высокую фарфоровую вазу с фруктами и подкрашенную каким-то красным сиропом водку.

— Ты знаешь, откуда я сейчас иду? — многозначительно спросил Габриэл.

— Нет, не знаю, — признался Александрэ.

— Я иду сейчас от вашего Бати.

Рука Александрэ с рюмкой замерла на полдороге, и он резко вскинул голову. А это означало, что Александрэ проявляет большой интерес к словам собеседника.

Напиток был сладкий и в меру крепкий, приятный, Габриэл выпил с удовольствием.

— Болен ваш командир-то, — сказал он. — Сердце у меня сжалось, как я все это увидел.

Александрэ на этот раз не поднял головы, но слова Габриэла поразили его в самое сердце. Он некоторое время молча барабанил своими сухонькими пальцами по столу, потом в упор вопрошающе посмотрел на Габриэла — «а

не врет ли этот болтун?», потом глянул на калитку и проворчал: «И куда она запропастилась, эта женщина!», встал и вошел в комнату.

Габриэл взял яблоко, очистил его ножиком, откусил. В калитку вошла молодая женщина, дети бросились к ней, она их приласкала и тут заметила гостя на балконе. Заторопилась к нему. Габриэл встал, почтительно приветствовал невестку Александрэ, осведомился о здоровье. «Спасибо, хорошо, — отвечала та. И забеспокоилась: — Ой, я сейчас все принесу, как же так...», «Да нет, ничего не надо, — сказал Габриэл, — мы сейчас уходим...» В это время появился переодетый в выходной костюм Александрэ.

— Вы уходите, папа?

— Да. Дети уже выучили уроки и позавтракали, так что... а я скоро вернусь.

— Ну, если вы сейчас так торопитесь, возвращайтесь, по крайней мере, вместе с батона Габриэлом, — сказала невестка.

— Спасибо, спасибо, но мне надо будет домой, мои внуки в первой смене, и если я, как и Александрэ, не стану над ними с палкой в руке, они за весь день в книгу и не заглянут. Пошли, пошли, Александрэ!

— Да уж ты меня прости, Габриэл, что так тебя выпроваживаю, и не угостил толком, но раз такое дело стряслось...

— А что случилось, папа? — заволновалась невестка.

— Эх, заболел тот парень!

— Кто, Гоги?! Телеграмму получили?...

— Да нет, какая телеграмма, он еще и не доехал поди!

Невестка с облегчением вздохнула — раз не Гоги — и, не осмеливаясь более расспрашивать свекра, попыталась сама догадаться, чья же болезнь так его озаботила. Внезапно ее осенило: ведь «этим парнем» свекор называет их командира, бывшего партизана, человека необычного и заслуживающего всяческого уважения.

— Моя помощь там не нужна, батона Габриэл!

— Ты за детьми присмотри, — ответил вместо Габриэла Александрэ.

Они ушли.

— Лежит он? — спросил Александрэ.

— Нет, но ему плохо. Да где там лежать, в этой халупе-то!

— Ох, повесит мало Лаврентия Вардосанидзе! Кипятком их залить, всю семейку!

— Побойсь бога, дети-то при чем!

— Не дети это, а прыщички, дрянь. Впрочем, младший еще куда ни шло, но старший коня папочки, разбойник и негодяй, вся школа от него плачет. А Лаврентий-то в школу и со школы на машине его возит, представляешь себе? С ума сойти можно! Да, ну так что сказал Гига о всем доме?

— Ничего. Не согласен. Мне и тут хорошо, мол. Куда же ты направляешься?

Александрэ остановился. Действительно, куда он идет? Чем он поможет? Нужен врач.

— Знаешь, Габриэл, если ты торопишься, иди домой, а я пойду, поговорю с нашими, приведем Гиге врача...

— Куда я тороплюсь? Куда?

Оба направились к скверу. Не доходя до сквера, встретили Како Цнобиладзе и Сандро Беридзе. Сообщили им новость. Все вместе стали думать, какого же врача позвать к больному. Спорили. Потом решили отправиться к Гиге, посмотреть что да как, а после уже за врачом идти.

— Может, Веру Габунна пригласить? — предложил Чхиквадзе.

Александрэ вскинул голову, соображая, кто это Вера Габунна, а Како Цнобиладзе хлопнул в ладоши — «кого же лучше найдем!»

— Не будет ли она дома? — сказал Александрэ.

— Не будет дома, пойдем к ней в больницу! Веди нас, Александрэ! — Габриэл легонько подтолкнул приятеля и вдруг застыл, разинув рот.

По ту сторону площади шел Гига. Все уставились на него в полнейшем изумлении.

Гига, видимо, заметил их и, обойдя площадь, направился к ним. Александрэ, а следом и все остальные, чуть не наперегонки, бросились навстречу. Один только Габриэл отстал от друзей. Он страшно разволновался при виде Гиги, вытащил из кармана платок, прижал к глазам. «Постарел я, черт возьми...» — пробормотал он.

«Прав Габриэл, на нем лица нет», — думал Александрэ, пожимая руку Гиге.

— Я ищу аптеку, — стараясь говорить бодрым голосом, пояснил Гига друзьям.

До аптеки было шагов двадцать. Не будь здесь Габриэла, Гига об аптеке и не заикнулся бы, просто пошел бы своей дорогой.

...Проводив Габриэла, Гига лег в постель. Во рту у него пересохло, он облизывал запекшиеся губы и тихо стонал. В висках стучало, словно кто-то долбил по вискам молотком. Когда боли в суставах ненадолго стихали, домогали слова Габриэла. И мерещилось ему, будто молотком стучал сам Габриэл.

Временами он приходил в себя. Сокрушался, что выпроводил пожилого человека с отказом, отмахнулся от его советов. А между тем, — он сейчас чувствовал, — это было не последнее его слово, он не раз еще вернется к разговору с Габриэлом, будет размышлять, раздумывать...

Жар, видно, усилился, он закрыл глаза... Хижина поплыла, начала качаться из стороны в сторону... Его стало мутить от этого раскачивания. Он открыл глаза, вскочил с постели, выбежал из хижины. Неподалеку стояло каштановое дерево, Гига подошел к нему, обнял ствол, пылающей щекой приник к прохладной коре. Прохлада была так приятна. Он погладил рукой дерево. Закинув голову, посмотрел вверх. Листва еще сохранилась. Он вдруг потрянул дерево изо всех сил, ветки качнулись, осыпались листья. «Вот тебе!» — вскричал он злобно, дико захохотал, лесное эхо повторило хохот и унесло в даль.

Шатаясь, он вернулся в хижину, повалился на постель, закрылся с головой одеялом. Незаметно для себя уснул. Сон был тревожный. Он что-то бормотал, вздрагивал, стонал, кого-то звал, кого-то просил о чем-то. Потом успокоился. Проснулся весь в поту, но ему было легче. Он встал, налил себе водки, но не выпил — залах почему-то вызвал у него отвращение.

«Кто я? К чему я пригоден, кому нужен? Забытый всеми, полуживой, Жизнь — сплошной обман... Мне стало казаться, что я кому-то нужен, появились будто бы друзья, товарищи — да в том-то и дело, что «будто бы», что «стало казаться...» Вот уже неделя, никто из них не идет... Почему? Может, они решили, что ошиблись во мне, что ни к чему им такой человек, как я?.. Ну да, так оно и есть! Эх, что теперь говорить, жизнь моя подошла к концу...»

Но почему ты глянул на сундук, Гига Вардосанидзе?

Револьвер?..

Покончить с собой, что ли?

Ох, нет. Трудно это сделать. Самоубийство было бы сейчас своего рода счастьем, но кто тебя поймет! Скажут — малодушный, трус, скажут, а то и вовсе сумасшедший... Сосновый гроб роскошью сочтут — сколотят четыре доски, и твои же друзья, — только они! — из жалости, из великой милости понесут тебя на кладбище и заруют в безымянной могиле. Потом Волода Джикариани либо Иасон Жоржоладзе стянут мраморную плиту с чьей-нибудь богатой могилы (как для Порфиля сделали. И лежит ведь по сей день та плита, никто ничего не сказал), и положат эту плиту тебе на грудь, и Александрэ Чхобадзе гвоздем выцарапает твое имя, фамилию... Нет, «Батя» он на плите не напишет... Э, да для чего тебе револьвер, и без револьвера конец близок.

Но ты все же открыл сундук? Все же вынул оттуда завернутый в тряпку револьвер? А помнишь, как торжественно дарил его тебе командир партизанской бригады? ...Достоин — и носи его, а если когда-нибудь поднимешь, так только на изменника Родины и народа...

Так что же, разве ты изменник?!

Он подержал револьвер в руках, вздохнул, положил его обратно.

Как знать, может, настанет еще более черный день...

Он надел пальто, рукой пригладил бороду и, не прикрывая даже двери, ушел, зашагал по дороге к городку.

* * *

— У меня страшно болит голова, может, найдется у вас какое-нибудь лекарство? — сказал Гига девушке в белом халате.

— Вот, возьмите, это лучшее средство, — девушка выписала чек, за которым потянулся было Александрэ, но Гига его опередил и сказал, что пока у него есть деньги на лекарство.

Купив порошок и поблагодарив девушку, он вышел из аптеки.

Александрэ стал приглашать всех к себе, в первую очередь — Гигу: отметим, мол, нашу встречу. Гига отказался, отговорившись каким-то делом.

«Ого! Дело?.. Уж не за тем ли делом он идет?» — встрепенулся Габриэл, но не подал виду. Габриэл заметил и то, что Гига еле стоял на ногах. «Куда он собрался в таком состоянии? — думал он. — Может, все же запали ему в сердце мои слова?»

Гига распрощался с товарищами и пошел своей дорогой.

Александрэ долго смотрел ему вслед, и когда он скрылся за углом, нулся к Како Цнобиладзе и сказал:

— Найди Джишкарини, Жоржолодзе, Мхеидзе и того, ну, которого с боты сняли, как его?..

— Геденидзе, что ли?

— Да, да, Геденидзе! И через два часа чтоб все были у меня, ясно? — велел он и зашагал, но, пройдя немного, остановился, окликнул Габриэла: — Эй, Габриэл, ты уж извини, у нас дело!

«Все они кричат, что у них дело, прямо удивительно! Теперь, верно, и эти двое — пьяница Како и заика Берадзе — заявят мне, что у них тоже дело. Черта с два! Я-то чем хуже?!»

— Будьте здоровы, партизаны! — воскликнул он.

— Куда спешишь, Габриэл?

— А это вы спешите, больно деловой народ вы, оказывается. А я, милые мои, приду домой через полчаса или к вечеру, решающего значения не имеет. И мне никто слова сказать не посмеет. А вы торопитесь, слышали ведь, что вам приказал ваш Александрэ. Если надумаете, как этому горемыке подсобить, бог вам в помощь, нет — так все равно бог с вами, а я себе пошел!

Габриэл был обижен, а в такие минуты он предпочитал уединение и одиночество.

«Вы только посмотрите на этого высохшего кузнечика! Меня и за человека не посчитал, а? И командует-то как, а? Смех да и только! Тоже мне, генерал нашелся, и кому — Како, красноносому дурню, приказывает! Хотя, если разобратся как следует, не мог ведь он мне такие приказы давать? Не мог. Не посмел бы. Ох, и бестия, ох и хвастун ты, Лексо Чхобадзе! Только не таких мы видали, не таких в ручей окунали!» — вспомнилась ему где-то услышанная поговорка то ли пословица.

И, разделавшись мысленно с приятелем, Габриэл обрел утраченное было душевное равновесие, рассмеялся даже и уже спокойно продолжил путь.

«Но вот что интересно, — продолжал он размышлять. — Куда пошел Вардосанидзе? Еле дышал человек, еле ноги передвигал... Да куда ж идти-то, домой пошел, в эту свою халупу побрел, уляжется в постель, — прости господи, какая ж это постель! — и будет ждать у моря погоды, Александрэ ведь сказал, чтоб через два часа эти к нему явились. А за два часа человек двадцать раз помрет! Собственно говоря, отчего бы мне самому не отправиться к Вере Габунни и не повести ее к больному? Пока эти лоботрясы будут по городу мотаться, я возьму да и приведу врача.

Вера, говорят, очень хороший врач, и собой хороша... Хе-хе, весьма даже хороша... Лицом что ясное солнышко... Гм, а уж пост-то она долгий блюдет... Ах, я старый дурак, что это я плету?! Правду говорят, что у меня язык паршивый. Хотя, впрочем... впрочем, что такого я сказал? В конце концов, Вера действительно такая красивая, такая обходительная, один вид ее, верно, лучше любого лекарства на больного действует. А кроме того, никому не известно, какими глазами они друг на друга посмотрят. Так что давай, Габриэл, действуй!

Ох, Габриэл, Габриэл, ну твоё ли это дело, чего ты лезешь куда не следует, шестьдесят пять лет на свете прожил, а ума не нашёл! Иди себе домой, там ждет тебя горячий вкусный обед, ждут тебя твои внуки, сорванцы, постреляты, пойдй, поешь, приласкай ребятишек, потом приляг на тахту, нацепи на свой длинный нос очки и читай себе четвертую страницу газеты (передовицу-то утомительно, небось, читать!).

Матушки! Никак сама Вера Габунни мне навстречу идет?! Ну не чудеса? Такое если в книжке прочтут, бедного автора насмех поднимут — ну и выдумщик, дескать, врет и не краснеет! Ну, будет философствовать, вот она, Верочка Габунни, стала передо мной, как лист перед травой!»

— Здравствуй, калбатано Вера!

— Доброго здоровья, батано Габриэл!

— Не спрашиваю, и так вижу — здорова и живешь хорошо.

— Благодарствуйте, батано Габриэл. Живу, как мне приличествует, работаю, сынишку воспитываю, так и проходит жизнь, так и старею. А вы вот, батано Габриэл, выглядите как нельзя лучше!

— Ой, боже, какое время тебе стареть! — пропустив мимо ушей такие приятные слова, воскликнул Габриэл. — Куда смотрят наши мужчины, этукую красавицу да умницу, как ты, днем с огнем не сыскать, но у них бельмо на глазах, вот что!

— Что вы, батано Габриэл! — Вера смущенно улыбнулась и поправила ладошкой волосы.

— Да, да, дорогая Вера, я правду говорю. И еще тебе вот что скажу: всему свой срок, и тебе вышел срок горе горевать, не век тебе вдовой ходить,

посмотри вокруг, ты женщина современная, интеллигентная, не чумичка как
какая-нибудь! В могилу мать за ребенком не идет, чего же ты себя тиранишь?
Эти черные одежды тебе уже не к лицу, сними их, послушай старого Габриэла!

— Нет, батона Габриэл, второй раз вы мне такого не говорите!

— Скажу, и второй, и десятый, и тринадцатый раз скажу, пока не по-
слушаешь!

— Уж в тринадцатый не говорите, — рассмеялась Вера. Смех очень был
ей к лицу.

— Тыфу, черт! Ну, ладно, ладно... — Габриэл галантно подхватил Веру
под руку. — А я ведь к тебе и шел, дорогой доктор. В городе у нас немало
хороших врачей, но мы выбрали тебя.

— Кто это «мы»?

— Товарищи Порфилю, бывшие партизаны.

— А кто заболел?

— Гига.

— Кто?

— Гига Вардосанидзе, бородач.

— А-а, знаю, он приходил тогда, соболезнавал мне, я по бороде его и
запомнила. Где он живет-то?

— В хижине, у леса.

— В хижине?! Как так в хижине? Дома у него нет?

— Дом-то есть, но это длинная история, дорогая Верочка, я тебе расска-
жу как-нибудь в другой раз, а сейчас, окажи милость, пойдем к нему, я тебе
буду очень благодарен.

— Ну конечно, разве меня надо об этом просить! Я врач, батона Габри-
эл, а врач во всякое время по первому зову обязан пойти к больному, где бы
этот больной ни находился! Только на минутку зайдем ко мне, я взгляну на
сына, а главное, возьму все, что мне может там понадобиться.

Они быстрым шагом направились к Верину дому.

«На сорочниках его не было, этого бородача, — вспоминала Вера. — Я,
помню, просила Александрэ Чхобадзе, чтоб он всех товарищей Порфилю поз-
вал, никого бы не упустил. Да, и я подумала, наверное, он живет не в нашем
городе, а приехал на похороны или случайно здесь оказался в те дни... Так я
его больше и не видала и не вспоминала, конечно...»

Вера работала ординатором в городской больнице и жила — не роскоше-
ствовала, но как подобает человеку интеллигентному. Была у нее двухком-
натная уютная квартирка в доме для служащих больницы.

Веру очень удивляло и раздражало одно обстоятельство: до того, как она
стала замужней женщиной, на нее никто и не смотрел, никто вроде и не за-
мечал. Правда, за спиной у нее не было состоятельных родителей, писаной
красавицей она тоже не была. Но ведь недурна была, совсем даже недурна, и
держать себя умела, и профессию хорошую имела...

Закончив медицинский институт в Тбилиси, она могла бы там и остаться,
здесь, в городке, кроме одного-двух родственников у нее никого не было, ро-
дители давно умерли, Веру вырастила старшая сестра, которая жила своей
семьей в Тбилиси. Но Вера предпочла столице этот тихий, милый ее сердцу
городок — все же это были родные края.

Руководство района обрадовалось молодому специалисту. Веру направи-
ли в горбольницу. Работа увлекла ее. Она допоздна оставалась в больнице,
присматривалась к тому, что и как делали старшие коллеги, училась у них,
набиралась опыта. Ни о чем, кроме своей работы, кроме своих больных, она
не думала — больница целиком завладела ею.

Но как-то раз один не столь уж молодой лысеющий врач несмело сказал
ей: — Если вы согласитесь, Вера... я буду вам надежным другом, вот вам
моя рука...

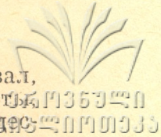
Она согласилась, но супружество не оказалось удачным. Они разошлись.

Порфилю Брегадзе Вера встретила в доме своей подруги. Биография это-
го человека заинтересовала ее. Застенчиво, как свойственно, исподволь,
сильным, большим людям, Порфилю рассказывал ей о себе. Почему стал рас-
сказывать ей, полужнакомой женщине — он и сам не знал.

Сперва в ней пробудилось сочувствие к нему, к его нелегкой судьбе, по-
том он стал ей нравиться. К обоим пришло это незаметно, исподволь.

И они поженились. В городке по поводу их женитьбы много судили да
рядили — оба они были на виду. Но, во всяком случае, Вера об этом своем
шаге никогда не сожалела.

Умер Порфилю, но у Веры остался сын — ее надежда и радость. Теперь-
то вокруг нее засуетились местные кавалеры. Одно слово — вдова, да моло-
да, да хороша! Кто ей дружбу предлагал, дескать, можешь на меня во всем по-
ложиться, дорогая Верочка, ты давно мне в душу запала, да другие меня

обскакали! Кто хвостом за ней ходил, как собачонка, в глаза засматривал, ласки выпрашивал. Кто предлагал на дачу вместе ехать — мол, устала душа моя, поедем, отдохни! А то еще и такие были, которые плакались, кать, несчастный я мученик, жена у меня ведьма, и лицом страшна, и душой черна, и не любил я ее никогда, ты одна мой свет, только улыбнись, а я эту мою пигалицу сей же час брошу и к твоим ногам припаду! И на собственной машине подкапывал к больнице этакий красавец-удалец, Веру поджидал-подстораживал, только ей отвратительны были и машина, и ее владелец.

Отмахивалась она от всех этих поклонников, как от назозных мух.

...А в душе-то пустота была, душе было сиротливо...

Одна радость, но великая была: сынишка подрастал, Зурико. Славный такой рос мальчуган, разумный, шустрый, смысленный, материно слово никогда не переступал. Вера сумела сочетать большую любовь к сыну с большой строгостью и требовательностью (а мальчику нужна строгость, ой как нужна!).

...Но иногда, проведив сына в школу, она невольно останавливалась перед зеркалом, горько усмехнувшись, приглаживала рукой седину на висках, и так грустно ей становилось, и жалко-жалко себя...

В больнице ласковую, но строгую мать сменяла заботливая, но тоже строгая, даже порой суровая, доктор Вера. Несмотря на строгость, на суровость эту ее, и медперсонал, и больные души в ней не чаяли. Вера не знала, что такое усталость, если нужно было больному какое-то редкое дорогое лекарство, сама доставала, на свои деньги покупала.

Внимательная, вдумчивая, терпеливая, хорошо знающая свое дело, она пользовалась всеобщим уважением и любовью.

...Габриэл к Вере домой не зашел, — «ни к чему, — сказал он, — лучше я тебя здесь подожду, так ты еще быстрее выйдешь».

Вера не настаивала, побежала по лестнице. Вошла к квартиру, обняла сына, прошла в кабинет, собрала свою сумку, глянула на гардероб — подумала, не переодеться ли, да Габриэла постеснялась — ждет ведь человек на улице, еще подумает что-то...

— Я иду к больному, а ты будь умницей и не скучай, я скоро вернусь, — наказала она сыну, целуя его.

— Странный, должно быть, человек этот ваш Гига, — сказала Вера.

— Возможно, — согласился Габриэл. — Но он тебе понравится. Это, знаешь, человек с характером!.. Сколько я уговаривал его уйти из этой хижины, но он ни в какую! Нет — и все.

— Почему же так?

— Ах, дорогая Вера, это поразительная история! Есть у человека дом, отцовский дом, прекрасный двор, словом, есть своя усадьба, а он живет бобылем в какой-то развалюшке, в стороне от всех...

— А семья?

— Нет, семья у него нет. У него здесь никого нет, кроме, ты меня прости, мерзавца дяди. Семью Гиги война разорила, дорогая моя Вера. Сам он мальчишкой ушел на фронт, за ним и отец его, отец погиб, а мать, бедняжка, померла. Слыхала поговорку — в заброшенной церкви черт хозяйничает? Вот так и с Гигиным домом вышло — дядюшка в нем поселился.

— Почему он не потребовал свое?

— А ты спроси!

Вера молча шла рядом с Габриэлом. Ритмично стучали по асфальту ее каблочки. Ветер кружил в воздухе сухие желтые листья. От этого кружения все было в желто-золотистых тонах.

— Напомните мне фамилию вашего друга, батона Габриэл! — через некоторое время проговорила Вера.

— Вардосанидзе. А что?

— Да нет, просто так...

Вера поблдечала. Они миновали последние дома городка, свернули на проселок. Теперь Габриэл шел впереди, Вера — за ним.

...Так, значит, Гига — племянник Лаврентия Вардосанидзе! Хорош дядюшка, ничего не скажешь... Как он жену свою поносил, а?... «Только ты, Верочка, будь ко мне благосклонна»... Да-а, удивительно все же, как бывает в жизни...

Они шагали по неширокой тропе. Вера увидела впереди, где тропа сворачивала к лесу, хижину.

Дверь была растворена. Габриэл с облегчением вздохнул — он все боялся, — вдруг придут они к Гиге, а его дома не окажется, неловко будет перед Верой, в какую даль зря тащил... Он и сам устал, мечтал сесть, передохнуть. На стук Габриэла никто не отозвался.

— Можно? — спросил он, на всякий случай, с порога и вошел. Гига лежал ничком. Услышав голос и шаги, он поднял голову, но в глазах рябило, и он не разглядел, кто пришел.

— Это я, Габриэл, привел тебе врача.

— Габриэл?.. Врача?..

Габриэл увидел лежащие на сундуке нетронутые таблетки, которые Гига купил в аптеке.

Гига встал с тахты, но не устоял на ногах, его качнуло, да так, что, не поддержи его Габриэл, он бы упал. Габриэл усадил его на тахту, разул, раздел, уложил в постель. Гига безвольно, молча подчинялся ему. Потом Габриэл поднял валявшееся в изножье тахты пальто, повесил его на место, огляделся — что еще надо прибрать, чтобы можно было ввести женщину. И, не обнаружив ничего неподобающего, кликнул Веру.

Гига заволновался — зачем, дескать, беспокоились, у меня ничего страшного, обыкновенная простуда... Но в душе он очень обрадовался приходу Габриэла. Давеча с огромным трудом дотащился он из города до дому и уже калялся, что никому из товарищей не сказал, как ему худо.

Но появление Веры, которую он, правда, не узнал, его страшно смутило. «Извините, ради бога... извините»... — бормотал он, сгорая со стыда.

Габриэл придвинул поближе к кровати сундук, одновременно служивший и стулом, и столом, и сундуком. Вера уселась и, нащупав у больного пульс, стала считать.

Гига опять пробормотал что-то в извинение.

— Лежите спокойно, вам совершенно не за что извиняться, — с улыбкой проговорила Вера.

Затем она взяла аппарат Ривароччи и измерила Гиге давление. Оно оказалось нормальным.

— Сколько лет вашему другу, батона Габриэл? — спросила Вера.

Гига улыбнулся, почему-то вдруг развеселился.

— Сколько вам лет? — обратилась к нему Вера.

— Да пятьдесят будет, — ответил за него Габриэл.

— Чуть-чуть больше, доктор.

— Борода делает вас старше, — улыбаясь, заметила Вера.

Она взяла термометр, встряхнула его несколько раз и положила Гиге под мышку.

— Простите, доктор, что... — начал было Гига, но Вера его прервала.

— Не разговаривайте! — велела она.

— Это не моя вина, я никого не просил приводить врача.

— А я сама, своей волей пришла. Так ведь, батона Габриэл?

— Да, да, конечно!

Гига посмотрел на Габриэла, потом на врача.

Вера попросила у Гиги термометр, поглядела на ртутный столбик и покачала головой.

— У вас очень высокая температура. Вам нельзя здесь оставаться, — сказала она и встала.

— У меня что-нибудь заразное?

— Не знаю.

— Если так, то поскорее оставьте меня наедине с моей болезнью, мы с ней поборемся — кто кого! — сказал Гига будто в шутку, но в голосе его сквозили беспокойство и в то же время — твердость. Это-то и понравилось Вере Габруниа.

— Я вам назначаю пенициллин, а вы шутите.

— Температура у меня выше сорока, доктор?

— Тридцать девять. Знаете, я не могу оставить вас здесь, просто не имею права. При такой высокой температуре возможны осложнения, воспаление легких или еще что-нибудь... Я пришла за вами машину. Там, в больнице, мы примем все меры, и, самое большее, через неделю вы будете здоровы.

— Спасибо, доктор, спасибо за вашу заботу, к сожалению, у меня нет возможности отблагодарить вас достойно, но когда-нибудь я это сделаю. Однако принять ваше предложение я не могу. А высокая температура у меня и раньше бывала, как-нибудь выдержу.

— Раньше вы были моложе.

— А я бороду сбрую, доктор, сразу помолодею, — пошутил Гига.

Габриэл все это время стоял молча и с удовлетворением прислушивался к ответам Гиги. Однако ему хотелось принять участие в разговоре, да и не подобало ему быть просто свидетелем, а что сказать — он и не знал. Он должен был поддержать Веру — сказать, что доктор, мол, заботится о твоём, Гига, здоровье, о жизни твоей, и нельзя не прислушаться к его советам, тем

более, когда доктор — такая очаровательная женщина... Но какой смысл это говорить, если заранее знаешь, наверняка знаешь ответ!

— Пенициллин обязательно нужно делать, доктор? — спросил он сто всего того, что хотел было сказать.

— Да, обязательно.

— Ну так мы найдем фельдшерницу...

— Зачем? Не нужно никого нанимать. Есть больница, в больнице и врачи, и фельдшерницы есть, и санитарки. Я только температуру измерила больному и давление, а это далеко не все, что ему нужно! — Вера снова уселась на сундук и, чувствуя, что здесь, может, только уговорами да лаской чего-то добьешься, решила действовать не спеша.

— Я понимаю вас. Вам неловко, но почему? Кто не болеет, кто застрахован от болезни, да и что в этом постыдного?

— Я из этой хижины никуда не уйду, доктор! — решительно и твердо проговорил Гига.

— Воля ваша, — Вера поняла, что это его последнее слово.

— Не сердитесь и не обижайтесь, мне будет очень неприятно, если вы уйдете в обиду на меня. Не такой уж я дикарь... просто я человек одинокий, может, потому и с какими-то своими причудами, но у кого их нет, причуд... Да и к тому же, доктор, честное слово, я намного лучше чувствую себя сейчас, у вас легкая рука.

— Измерить температуру и давление даже ребенок может.

— А я вот впервые вижу этот аппарат, все думал — что это вы будете делать? — признался Гига.

Оба рассмеялись.

— Я где-то вас видел, только никак не припомню — где и когда.

— Это, вероятно, из-за температуры вам кажется.

— Вы думаете, я ошибаюсь?

— Не знаю... — Вера обернулась к Габриэлу, словно спрашивая его — сказать Гиге или не сказать, кто я.

«Нет, лучше не говори», — едва уловимым жестом ответил ей Габриэл.

— Ваш друг ведет себя не по-джентльменски, батона Габриэл, — вслух сказала ему Вера, — врачу, в конце концов, можно отказать, но женщине? Скажите же ему что-нибудь, может, он прислушается к вашим словам, я буду только рада! Вы молчите? Хорошо, я сделаю еще одну попытку, батона Гига, и вы скажете свое последнее слово.

«Ого, она знает мое имя!.. Впрочем, что удивительного, Габриэл ей сказал...»

— Но все-таки, где я вас видел, дорогой доктор? — пропуская мимо ушей слова Веры, повторил Гига.

— Что ж, признаюсь, и я в вашем положении, — засмеявшись, сказала Вера. Она нагнулась к Гиге, взяла его руку за запястье. Гига замер — такая нежная рука коснулась его руки. — Но сейчас у вас, кажется, нет жара, — проговорила Вера. Она раскрыла свою сумку, вынула из нее какие-то таблетки, потом налила в стакан воды и протянула все это Гиге.

Гига проглотил одну таблетку, запил ее водой и заявил, что он уже здоров. Вера положила таблетки на сундук и велела пить по одной через каждые два часа.

— Постараюсь навестить вас завтра, — пообещала она, протягивая Гиге руку на прощанье. — Не обольщайтесь тем, что вам стало лучше, — добавила она. — На моем месте другой поступил бы иначе. До свиданья!

Она вышла из хижины.

— Какая женщина, а?! Я пойду провожу ее и вернусь обратно, — сказал Габриэл.

— Я вам очень благодарен, батона Габриэл. Если не умру...

— Да ладно, бога ради! Конечно, не умрешь! — и, подмигнув Гиге, Габриэл поспешил за Верой.

Гига остался один. «Где я ее видел?.. Когда и где?..» — думал он.

Когда Вера в сопровождении Габриэла вышла на проселок, она сказала ему:

— Ваш друг больше нуждается в человеческом тепле, чем в лекарстве.

* * *

Живет в нашем городке еще один человек, с которым я хочу тебя познакомиться. Прошу любить и жаловать — Валико Геденидзе. Участник Великой Отечественной войны. Солдат Красной Армии, а потом — красный партизан. за храбрость удостоенный медали «Партизан Великой Отечественной войны». Да, было, было... а теперь Валико работает в системе Общепита, буфетчиком

в столовой. Впрочем, работал.. Потому что работал Валико не за страх, а за совесть, работал честно, завсегдаги столовой, — это были, в основном, рабoчие, строители, потому что находилась столовая возле большой стройки. Не любили Валико, взаимоотношения у них сложились дружеские, хорошие. Не редко ребята пользовались у Валико кредитом, рассчитываясь в получку.

Но... В один не совсем прекрасный день нагрянула ревизия. Инспектор Общепита, сам взяточник и аферист, заявил, что за обед у одной из посетительниц взято лишних 30 копеек, составил акт, который эта женщина не подписала, заявив, что инспектор клеветает. Инспектор пригрозил ей, мол, пожалеешь!

Словом, Валико Геденидзе сняли. Вопрос его рассматривался на заседании месткома. За столом сидело 11 членов месткома, Валико крылся на чем свет стоит. Один из прозных судей, директор самого большого ресторана города, утопавший в нечестно нажитых деньгах, особенно горячился: Геденидзе, мол, осрамил всех работников торговли, опозорил таких честных людей, «как мы», — так он сказал.

Председатель месткома, тоже не ангел, толстый, с красным лицом, с огромной бородавкой на носу, — во время войны он не только пороху не нюхал, но не был даже в районном оборонительном батальоне, — важно кивал головой, — ах, мол, негодяй Геденидзе, опозорил нас!..

А Геденидзе молчал, ошеломленный всем происходившим, и только недоумевал, как эти люди, побывавшие на фронте, — а их среди членов месткома было большинство, — как могли эти люди потерять совесть, почему они не отличают зло от добра...

С той поры Геденидзе стал гостем «скамьи пенсионеров». Сидел-посиживал под пахучей липой да поглядывал на широкие окна административного здания. «Вот войду к самому главному начальнику и расскажу все как есть», — думал Геденидзе, да никак не мог решиться на такой шаг.

Иасон Жоржоладзе решил повести его к Бате — «он поможет», — сказал Иасон.

«Ох, утопающий за соломинку хватается», — подумал Геденидзе. И пошли они сперва к Александрэ Чхобадзе. Но Александрэ огорошил их сообщением о болезни Вардосанидзе.

Втроем отправились они к Гиге. Гига лежал в жару. Володя Джишкарцани хлопотал над ним, прикладывая ко лбу холодные примочки.

Пришли и остальные партизаны. Решили срочно укладывать Гигу в больницу.

Александрэ полез в сундук за документами Гиги. Нашел паспорт, партбилет. И еще — пистолет: «Смелому партизану Георгию Бесарионовичу Вардосанидзе — комбриг Константин Заслонов».

Гигу уложили в больницу. Лечащим врачом его стала Вера Габуниа. У него оказалось тяжелейшее воспаление легких. Положение было угрожающим, но сильный организм Гиги, тщательное лечение и заботливый уход сделали свое — болезнь отступила, и Гига медленно пошел на поправку.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Продолжение следует

Алио АДАМИА

Большая и маленькая ЕКАТЕРИНЫ

РОМАН

А разговор наш будет происходить приблизительно так:

В школе только что начались занятия, но у директора нет первого урока, и он сидит у себя в кабинете.

Когда я открою дверь, Шарангия окинет меня внимательным взглядом.

— Вы дочь Екатерины?

— Да, — холодно скажу я и посмотрю ему в глаза.

— Здравствуйте, товарищ Хидашели, — отчеканит Шарангия и опять оглядит меня с головы до ног.

— Здравствуйте, товарищ директор. — Нет, раз я знаю его имя, я скажу ему: — Здравствуйте, батона Шадиман. — Я сделаю ударение на его имени и тоже измерю его взглядом.

— Садитесь, — Шадиман предложит мне кресло.

Я сяду и опущу голову, приготовившись слушать.

Пауза.

— Товарищ Екатерина! Если я не ошибаюсь, вы уже пять месяцев не ходите на работу. Как вы считаете, долго еще это может продолжаться? — с явным неудовольствием скажет Шадиман и достанет из ящика стола журнал.

— Это правда. Не надо проверять, — подтвержу я.

— И это называется, вы работаете, да? — ехидно скажет Шадиман и берет журнал в ящик.

— Да, так...

— Ну, если это так, — перебьет меня Шарангия, — то вся эта история как-то некрасиво выглядит. Вам это не кажется?

— Но мои уроки не пропускались...

— Я знаю, — опять прервет меня Шарангия, — что вас на уроках заменяет Лия Гургенидзе. В ведомости расписывается вы, а зарплату получает Лия. Вы думаете, что это только формальное нарушение закона? — удивленно спросит он.

Мне станет неловко, и я ничего не смогу ему ответить.

— Ну, хорошо, допустим, мы закроем на это глаза, но как один учитель может преподавать родную литературу и язык в четырех классах? И в пятом, и в шестом, и в седьмом, и в восьмом? В это нельзя поверить! — убежденно скажет Шадиман. — Уверяю вас, что нельзя поверить!

— У Лии Гургенидзе большой опыт...

— Не сомневаюсь! — повысит голос Шарангия. — Но каким бы способным и опытным педагог ни был, — с расстановкой произнесет Шарангия, —

Окончание. Начало в №№ 1, 2, 3.

а преподавать в пятом, шестом, седьмом и восьмом классах параллельно, да еще литературу и язык! Это из ряда вон выходящий случай, просто невероятный!

— Вы позвали меня для того, чтобы сказать мне это? — холодно скажу я и встану.

— Я хотел узнать, когда вы выйдете на работу.

— Я уже просила завуча освободить меня, но...

— И хорошо сделала калбатоки Кетэван, что не освободила, — прервет меня Шадиман. Он встанет и внимательно посмотрит на меня. — Я бы сделал то же самое. Но всему свое время, товарищ Екатерина. Нельзя, чтобы и дальше так продолжалось. Я прошу вас с завтрашнего дня вернуться в школу.

— Я оставлю вам заявление. Хотите подпишите его, хотите дайте приказ о снятии меня с работы. А в школу вернуться я не могу.

— Почему? Мое назначение...

— Да дело не в этом, — теперь уже я прерву Шадимана. — У меня, уважаемый директор, такое горе, что с моим настроением заходить в класс просто нельзя!

Шадиман поймет мой упрек. Он сразу не найдет, что мне ответить, и задумчиво пройдет по кабинету.

«Я даже не спросил, как она живет после смерти матери, как она переносит свое одиночество, чем я могу помочь ей. Дочь первый раз пришла в школу, носящую имя ее матери, такая грустная, с таким печальным лицом, словно несчастье только случилось, а я сразу: вы уже, товарищ Хидашели, пятый месяц не ходите на работу, но в штате числитесь, в ведомости расписываетесь, а вашу зарплату получает Лия Гургенидзе. Я знаю, что ваши уроки не пропустились. Но их качество? Можно ли, чтобы в стольких классах преподавал один учитель, и притом родную литературу и язык? Невозможно, да, да, невозможно... Вы должны завтра же вернуться в школу...»

Но теперь уже поздно извиняться, вопрос должен решиться окончательно. Шарангиа подойдет ко мне ближе, стараясь заглянуть мне в глаза, но я отвернусь.

— Профессию решили менять? — немного испуганным голосом спросит он.

— Обязательно! — решительно скажу я.

Пауза.

— Что же делать? Библиотекарем работать пойдете?

— Нет!

— Ну, тогда что же вам предложить? — удивится Шадиман.

— Как что? У вас ведь есть магазин, столовая... — со злостью скажу я и ехидно усмежусь.

— Столовая? — тихим, очень тихим голосом спросит Шадиман, оглянется вокруг, и его румяные щеки станут еще краснее.

— Наша столовая ничем не хуже хергской, — с улыбкой скажу я. Эта моя улыбка как ножом по сердцу полоснет Шадимана, и он вздрогнет. Я покажусь ему отвратительной, и он повернется ко мне спиной.

«Здорово она меня подколола! Думает, я не догадался. Мол, ваши дела у меня как на ладони, товарищ Шарангиа, да, как на ладони! Вы грешник! Если вы школу променяли на столовую, как вы думаете, я этого же сделать не могу? Нет, не так: еще вчера вы были директором ресторана, а сегодня стали директором школы и уже наставляете других, учите меня уму-разуму? Вы забываете, что двадцать лет к школе близко не подходили? Конечно, забыли, так я вам напомню. Обиделись? Не в бровь, а в глаз попала? Ну, извините. Я дочь Екатерины Хидашели и люблю прямой разговор: я не могу признать вас преемником моей матери, и работать с вами я тоже не смогу!»

— Вы взволнованы, Эка, — как можно ласковее скажет Шарангиа. — Хорошо, отложим наш разговор на другой раз.

— Нет, наш разговор закончен, батона Шадиман!.. Вы завтра же можете принять кого-нибудь на мое место. Заявление я оставлю в канцелярии. До свидания...

Не дождавшись ответа Шарангиа, я уйду.

Я почему-то убеждена, что именно такой будет наша встреча.

Ну и пусть. Что будет, то будет!

А сейчас надо спать.

Уже пропели вторые петухи, но я еще успею выспаться, ведь рассвет в Хемагали наступит, когда петухи пропоют третий раз.

«А теперь — спать», — сказала я себе и, укрывшись с головой, закрыла глаза, а левую руку подсунула под подушку... И только тут я догадалась, почему так холодно ногам — шерстяные носки-то лежали у меня под подушкой...

У нас в деревне лучше всех вязала шерстяные носки моя мама, и сколько соседей были благодарны ей за это. А теперь я заменила ее: на рынке в Херге я купила шерсть и расчесала ее, расчесала точно так, как это обычно делала мама. Я и раньше помогала ей сучить нитки, но она выговаривала мне за то, что я делала их слишком толстыми. Я же уверяла ее, что носки из толстых ниток теплее. Меня поддерживали Александрэ и Гуласпир Чапичадзе, Абесалом Кикнавелидзе и Кесария. Мама моя сдалась и потом с удовольствием вязала нитками, которые сучила я. Так вот, в этом году я связала несколько пар носков, точно таких, какие вязала моя мама, и подарила их Гуласпиру, Александру, Абесалому, Кесарии и Дудухан... Признаюсь, что я связала носки и для Реваза Чапичадзе, но не подарила ему, оставила их себе. Я надеваю их, когда мне холодно, и радуюсь при мысли, что на мне носки Реваза. Они мне немного велики, но как только я их надену, мне становится тепло, и я засышаю.

И вот достала я их из-под подушки, надела, и сразу мне стало так приятно, я согрелась, и мне захотелось спать...
До свидания, приятного сна и вам.

Только я открыла ворота школы, как прозвенел звонок. Вовремя пришла, подумала я, идя через двор. В школу я вошла, когда коридоры уже опустели и стих шум в классах.

Дверь директорского кабинета была приоткрыта, и я заглянула внутрь. Со стены на меня смотрела моя мама.

Я вздрогнула и зажмурилась.

Да ведь не во сне же я, подумала я, но когда открыла глаза, передо мной опять стояла живая мама.

За письменным столом, склонившись над бумагами, сидел Шадиман Шарангиа, а на стене за его спиной висел большой, просто огромный портрет моей матери.

Я без стука вошла в кабинет и так и застыла у дверей, глядя на портрет.

Гордо выпрямившись, стоит на нем мама.

На ее левой ладони — раскрытая книга.

Правая рука вытянута вперед.

Между приоткрытыми губами виднеется полоска зубов.

Голубое в белый горошек платье.

Волосы с проседью и молодое лицо.

Я представила себе — мама объясняет ученикам новый урок.

Глаза у нее веселые.

У мамы действительно были такие улыбчивые глаза, окруженные сеточкой мелких морщин. Когда она улыбалась, то улыбалась каждой своей морщинкой.

Шадиман почувствовал, что меня заворожил мамин портрет, и продолжал сидеть, не поднимая головы, словно не замечая моего прихода. Он выжидал, довольно долго выжидал, а потом поднял голову и сделал при виде меня удивленное лицо, мол, как это я не заметил, когда вы вошли. Он встал и, подойдя ко мне, крепко пожал мне руку. Потом он закрыл дверь кабинета и показал мне на кресло рядом со своим.

Мы сели.

Пауза.

Я сижу и смотрю на портрет моей матери. Теперь, с близкого расстояния, я могу рассмотреть ее лучше. Приглядевшись внимательнее, я заметила, что в ее улыбающихся глазах, где-то в самой их глубине таится печаль... Эту печаль она глубоко хоронила в своем сердце, скрывала от всех, и от меня тоже, но глаза выдавали ее. А я знала, что печаль эта — я.

— Похожа? — спросил Шадиман Шарангиа.

Пауза.

Я могла бы сказать, что здесь не просто портретное сходство, в картине видна душа моей матери. Мама много пережила на своем веку, но жизнь ее не согнула. Гордая она была. Вот такой она и изображена на этой картине. Но эти слова показались бы высокопарными, и поэтому я просто сказала:

— Очень похожа. — И посмотрела на Шадимана.

Довольно худой, бледный, даже слишком бледный, но лицо не болезненное. Высокий лоб. Выющиеся, уже начавшие сесть волосы. Белая сорочка, черный галстук, серый пиджак.

— Это потому, что Русудан близко знала вашу мать, — ласково сказал Шадиман.

— Какая Русудан? — удивилась я.

— Русудан Диасамидзе, жена нашего Реваза Чапичадзе. Неужели вы ее не знаете?

— Как же? Конечно знаю.

— Картину Реваз вчера привез из Тбилиси. Раму тоже Русудан сделала, — все тем же ласковым тоном сказал Шадиман.

Мне стало стыдно, и я покраснела. Я почувствовала, как краска начала заливать мне лицо, а с портрета матери на меня смотрят глаза Русудан Дия самидзе. И мне показалось, что она мне улыбается, улыбается чуть приоткрытыми губами и веселыми глазами, но в улыбающихся глазах Русудан сквозит грусть, идущая откуда-то из самой глубины ее души.

— Завтра вы приступите к работе, Эка, — как-то просто, по-домашнему сказал Шадиман. И, не дождавшись моего ответа, он встал и вышел из кабинета.

Я опешила.

Он сказал мне это таким тоном, что невозможно было возразить...

А моя мама радуется моему возвращению в школу. Посмотрите на нее, и вы сами убедитесь в этом. Она повеселела, и, кажется, исчезла грусть, таившаяся в глубине ее глаз.

Мне стало спокойнее, словно камень с души свалился, и во всем теле появилась необыкновенная легкость. Кровь отхлынула у меня от лица, а на глаза навернулись слезы, теплые слезы радости. Я всеми силами крепилась, чтобы не расплакаться. Нет, не заплачу, я должна радоваться, ведь завтра я возвращаюсь в школу. А как это радует маму! И я улыбаюсь ей: — Да, мама, завтра я раньше всех приду в школу, но не раньше тебя... Как бы рано я ни пришла, ты уже будешь здесь.

— Извините, что я вас оставил одну, — сказал вернувшийся в кабинет Шадиман, кладя передо мной два классных журнала.

— Вы спутали классы, батоно Шадиман, — извиняясь, сказала я и отодвинула журналы.

— Вы думаете, я ошибся? — удивился Шадиман. Он взглянул на журналы, а потом, улыбнувшись, пожал плечами.

— Это журналы девятого и десятого классов, батоно Шадиман, — тоже с улыбкой ответила я.

— Как раз те, которые вам нужны.

— В этих классах моя мама...

— Да, я знаю, — перебил меня Шадиман. — Разве я могу не знать, что в этих классах преподавала большая Екатерина? Вот вы и замените вашу маму...

— Я заменю мою маму? — очень удивилась я.

— Да, да, именно вы и замените! Собственно, почему это должен сделать кто-то другой? Разве вы не можете? Да если бы вы это и сказали, я бы не поверил, — убежденно сказал Шадиман и, положив передо мной классные тетради, добавил:

— Возьмите их домой и просмотрите, чтобы у вас было представление о ваших теперешних учениках... Вы будете классным руководителем в десятом классе.

Я встала.

— Знаю, что этот класс тяжелый, но я помогу вам.

Шадиман Шарангиа говорит со мной таким тоном, что я ничего не могу возразить ему. Он меня и не просит, и не приказывает мне, как-то незаметно убеждает в том, что дело надо сделать именно так, потому что он заранее взвесил и для дела так лучше.

— Не забудьте, Эка, завтра у вас первый урок в десятом классе, — сказал Шадиман и, проводив меня до дверей, крепко пожал мне руку.

Когда я вышла со школьного двора, прозвенел звонок. Я заторопилась. Воротник пальто был у меня расстегнут, со стороны Санисле дул прохладный ветерок, но я холода не почувствовала.

На дороге кое-где лежал снег. В этом году зима в Хемагали стоит в общем-то теплая, правда, в начале ноября снежило, да и недавно, уже после Нового года, шел снег, но не долго, так что сейчас на крышах его почти не осталось. Я старалась наступать на островки снега на дороге, но следов моих не оставалось. Когда я шла в школу, все было припорошено снегом, и следы мои были очень отчетливы. Я, что ли, стала легче?

До дому я дошла, даже не почувствовав усталости.

Остановившись около скамейки возле наших ворот, я сверху посмотрела на контору совхоза. Мы говорим контора, а это большое светлое трехэтажное здание с большим двором. На втором этаже, на восточной стороне, в крайней комнате, окно которой выходит прямо на наш дом, сидит Гуласпир Чапичадзе, щелкает на счетах, покуривая свою «Приму», и иногда вспоминает мечя: «Дома маленькая Эка одна, наверное, сидит одна-одинешенька у камина, вяжет носки и... Жалко маленькую Эку!»

Большая комната, что рядом с комнатой Гуласпира, это кабинет директора.

За письменным столом сидит Реваз Чапичадзе, перед ним большая амбарная книга. Он перелистывает ее и что-то записывает в свой блокнот... Если к директору пойдет Гуласпир, они поздороваются, и Реваз протянет Гуласпиру сигареты, но тот откажется, сказав, что предпочитает «Приму», и сядет рядом с Ревазом.

— Что нового в Тбилиси? — спросит Гуласпир.

Я знаю, что Гуласпир всегда задает этот вопрос вернувшемуся из Тбилиси Ревазу.

— Ничего особенного...

— Как Русудан? Татия?

— У них все хорошо. А у нас есть новости?

— Наконец-то директора школы...

— Знаю, — перебьет Реваз. — Шадиман Шарангиа.

— Ты его знаешь? — спросит Гуласпир Реваса.

— Знаю, достаточно давно знаю. Больше ничего нового?

Пауза.

— Ничего, — скажет Гуласпир и встанет.

Гуласпиру известно, что брат жены Реваса назначен преподавателем физкультуры, но этого-то он Ревазу не скажет. Может быть, Ревазу будет неприятно это слышать. И Гуласпир промолчит.

Произошло еще что-то, но этого Гуласпир не знает, а Реваз ему не говорит: вчера Реваз привез из Тбилиси портрет моей матери, написанный женой Реваса, Русудан. Вчера же вечером Реваз, Шадиман Шарангиа и Звиад Диасамидзе повесили его в кабинете директора школы... Не могу понять, почему они мне об этом вчера не сказали.

А вот что случилось сегодня утром, не известно ни Гуласпиру, ни Ревазу. Если бы они узнали об этом, то, я уверена, они немедленно пришли бы поздравить меня и подбодрить. Смотри, Эка, держись, мол, не осрами имя своей матери. Да, Гуласпир и Реваз не знают моих новостей, сидят в комнате, курят и нехотя беседуют.

...Я вошла во двор, и мне показалось, что мой дом повеселел. Бегом поднявшись по лестнице, я вошла в комнату матери, развела в камине огонь и села за мамин письменный стол.

Классные журналы моей матери...

Вот они лежат передо мной, и теперь они мои.

С нежностью и благоговением я начала листать их.

По несколько раз перечитала я имена и фамилии учеников. Большинство из них я хорошо знаю, потому что преподавала им в пятом и шестом классах.

Завтра утром на первый урок в десятом классе со мной вместе войдет Шадиман Шарангиа и представит меня ученикам...

Внезапно я почувствовала усталость.

Я думала, что еще рано, но, оказывается, уже стемнело, и огонь в камине погас.

Я постелила себе и легла.

Завтра я раньше всех приду в школу... Нет, раньше мамы не смогу, она встретит меня там... Да, мама будет ждать меня, и поэтому я раньше всех приду в школу. Прежде чем войти в класс, я загляну в кабинет директора. Шадиман Шарангиа, который будет уже на месте, не удивится моему приходу. Я посмотрю на портрет матери. Ее улыбка станет еще радостнее, она посмотрит на меня любящим взглядом, а я улыбнусь ей и смело пойду на свой первый урок к десятиклассникам.

VI

Еще Эпикур и Демокрит утверждали, что для здоровья человека необходимы регулярные физические упражнения, наставлял нас Звиад Диасамидзе. Физическая культура — основа основ всех наук. Например, педагогика и космонавтика не могут обойтись без физической культуры, и вам не хуже меня известно, что в здоровом теле здоровый дух. Ни сельское хозяйство, ни промышленность, ни одна область науки и техники не сделает и шагу вперед без физкультуры. И так далее и тому подобное. Он так много нам наговорил, так долго и настойчиво нас убеждал, что все наши учителя решили заниматься физкультурой.

Хорошо еще, что до конца марта занятия проходили в зале и никто не мог нас видеть. Уж очень смешное зрелище мы собой представляли.

Я никогда не забуду наш первый урок.

Звиад Диасамидзе выстроил по росту сорок две женщины и дал команду: — По порядку рассчитайсь! — Мы рассчитались. Потом он велел нам стать смирно и медленно прошелся вдоль шеренги туда и обратно, внимательно глядя на нас. Потом он отступил назад и еще раз все так же внимательно оглядел шеренгу.

— Калбатано Мариам, вот вы, одиннадцатый номер, вы очень расслабились, расправьте плечи, грудь — вперед!

У Мариам, учительницы географии, слишком пышный бюст, который она старается скрывать от нескромных мужских взглядов.

— Выпрямьтесь как следует, — строго сказал Звиад Диасамидзе. — Скрывать вам нечего.

Тут и там раздалась смешки.

— Ничего смешного здесь нет! — холодно сказал Звиад. — А вот вы, товарищ Эка, — обратился он ко мне, окинув меня критическим взглядом с головы до ног, — что вы раскорячились? Некрасиво ставить так ноги, да еще женщине.

Я покраснела и поставила ноги вместе.

Звиад еще некоторое время смотрел на меня, потом подошел и, нагнувшись, схватил меня за лодыжки и плотно прижал мои ноги одну к другой... Отступив назад, он снова посмотрел на меня.

— Так стоять вы можете?

— Могу, — смущенно сказала я.

— У вас стройные ноги, а вы так стояли, что я было подумал, вы — кривоногая... Женщина всегда должна следить за тем, как она стоит, и при ходьбе стараться не делать больших шагов. Еще Аристотель говорил, что женская походка — это целое искусство, а некоторые из вас, вы уж меня извините, ходят неподобающими дамскому полу огромными шажками. Ну, посмотрите, красиво ли это?

И Звиад закатал до колен штанины брюк, гордо вскинул голову, выпятил грудь и, кокетливо улыбаясь, сделал несколько огромных шагов.

Это и вправду было смешно, и мы расхохотались. Звиад тоже не выдержал и рассмеялся.

— Теперь вы все стоите правильно, — сказал он, глядя на нашу шеренгу. — Между прочим, установлено, что разница между организмом женщины и организмом мужчины заключается и в том, что мускулы женского тела составляют только двадцать три процента его общего веса, а у мужчин — больше сорока пяти процентов, поэтому женщины должны больше заниматься физкультурой... Мы начнем с самых простых упражнений: ходьбы на месте, упражнений для рук, хождения убыстренным шагом и, если вы сможете, легкого бега. Всего заниматься будем пятнадцать минут. Но это в первые дни, потом мы постепенно усложним упражнения. А теперь начнем.

Мы потопали ногами, по несколько раз развели руки в стороны и вытянули их вперед, а потом вверх, три раза быстрым шагом обошли зал и немало побегали.

Занятием мы остались довольны, очень довольны.

— Дней через десять мы начнем делать больше упражнений для ног. Например, вот такие, посмотрите. — И Звиад сделал мах в сторону сначала левой, затем правой ногой. Потом он проделал то же самое, поднимая поочередно ноги вперед. Соединив ноги вместе, он нагнулся и коснулся руками кончиков пальцев ног. — Для этого упражнения платя не годятся, во всяком случае, заниматься в них будет очень неудобно, и поэтому я прошу вас сшить себе спортивные костюмы. Если вы не умеете шить и вязать, то напишите мне ваши размеры, и я привезу костюмы из Тбилиси.

На следующий день мы сообщили ему свои размеры, и через неделю все были одеты в фиолетовые с белой полоской костюмы и белые кеды.

Сначала мы чувствовали себя неловко в таком наряде, но вскоре так привыкли, что и придя домой сразу переодевались в спортивные костюмы.

Наступил апрель, и Звиад перенес занятия на воздух, во двор. Специально, чтобы посмотреть на нас, приходили рано утром ученики. Они часто смеялись тому, как неумело мы выполняли упражнения, но мы не обращали внимания на их насмешки и сами от души смеялись над собой, но занятий не прекращали.

Потом Звиад научил нас играть в волейбол. Как только мы усвоили азы этой игры, к нам присоединился Шадиман Шарангиа. Он играл за одну команду, а Звиад за другую. Мы так увлекались волейболом, что часто оставались играть и после занятий.

Звиад научил учителей правильно отдыхать и развлекаться, да и только ли учителей?

В школе он заставил своих учеников полюбить физкультуру больше других уроков. Они занимались легкой атлетикой, гимнастикой, баскетболом, теннисом, волейболом, но самым главным все же оставался футбол. Мальчишки ведь из-за него с ума сходят. Звиад создал в нашей школе пять футбольных команд и не принимал в них не только двоечников, но даже троечников. И результат такой постановки дела не замедлил сказаться.

В деревне теперь все хемагальские мужчины играют в футбол во дворах, на придорожных полянках, на поляне для посиделок. На стадионе в мяч играют дети, подростки, юноши, мужчины, достигшие преклонного возраста, и... девочки. Да, именно девочки, в белых трусах и майках с номерами, играют в настоящий футбол.

Кроме нас, Звиад Диасамидзе занимается физкультурой и с работниками дирекции совхоза, лаборатории, медпункта, почты, пекарни, со служащими селью и отдельно с домохозяйками. У него много ассистентов и помощников. Но главной заботой Звиада Диасамидзе все-таки является сборная футбольная команда нашей деревни — «Сатевела», в которой играют, главным образом, совхозные шофера и трактористы. «Сатевела» приступила к тренировкам в феврале, а в апреле уже выиграла первую встречу у итхвисской «Лозы», да еще на стадионе в Итхвиси. Все Хемагали ездило смотреть эту игру. На сорока четырех грузовиках отправились хемагальцы в Итхвиси и, победив, с песнями вернулись домой. В следующее воскресенье итхвисская «Лоза» будет нашим гостем, и у Звиада сейчас хлопот по горло.

Пока что хемагальцы и итхвисцы ездят друг к другу дальней дорогой, хотя нас разделяют всего каких-то шесть километров. Мы, хемагальцы, сначала добираемся до Мотэхили, а потом по дороге Херга—Итхвиси едем в Итхвиси. Аналогичным путем попадают к нам и итхвисцы. Сейчас для транспортировки итхвисского и хемагальского винограда между нашими деревнями прокладывают новую, короткую дорогу, и тогда мы окажемся очень близко друг к другу. Инициатором этого строительства является Константинэ Какубери. Однажды Реваз Чапичадзе в шутку сказал ему, мол, товарищ Константинэ, вы проводите эту дорогу, чтобы не простаивал итхвисский винный завод. Вы, вероятно, уверены, что в Хемагали будут собирать столько винограда, что потребуются его механизированная доставка, потому что на собственном горбу крестьяне его не перетаскают. Какубери много смеялся, а потом упрекнул Реваса: — Какой ты человек, Реваз, не мог не припомнить мне давнишний грех...

...В тот день вся деревня была на стадионе.

— Обязательно приведи учителей, — попросил меня Звиад. — Я для вас готовлю сюрприз, но пока это секрет.

А мне давно известен секрет Звиада: он создал две женские футбольные команды и тайно тренирует их на окраине деревни, на лужайке около Сатевелы. Я знаю даже названия этих команд: команда работников дирекции совхоза и лаборатории называется «Мечта», а команда девочек нашей школы — «Ласточка». И до начала матча между итхвисской «Лозой» и нашей «Сатевелой» Звиад устраивает встречу этих молодежных команд.

Да, все Хемагали на стадионе. Ни один ребенок, ни один старик или старуха не остались дома. Я сижу рядом с Кесарией и Гуласпиром. Приехали и поклонники футбола из Херги. Итхвисцев понаехало полным-полно, мол, и мы ничем не хуже хемагальцев, на пятидесяти машинах прибыли.

На стадионе был настоящий праздник. Когда включили радио, в репродукторе раздался бас Звиада. Сначала он обратился к гостям с приветствием, конечно, от имени хемагальцев. — Очень хорошо, — сказал он, — что в нашей деревне физическая культура стала такой популярной. — Он сказал много лестных слов в адрес итхвисцев, физкультурников из Итхвиси, итхвисского стадиона и зрителей.

И, наконец, сюрприз: — В странах Европы, — сказал Звиад, — в Англии, Италии, во Франции, Венгрии и Чехословакии, в странах Латинской Америки и многих других в футбол давно уже играют и женщины. Причем играют красиво и технично. Они принимают участие в розыгрыше первенств и кубков своих стран. А было ли когда-нибудь, чтобы грузинские женщины и девушки отставали от представительниц прекрасного пола других стран? Они всегда были хорошими наездницами, умели стрелять из лука и отличались еще многими другими достоинствами... Мы, хемагальцы, уже создали свои женские футбольные команды и теперь вызываем на соревнование итхвисцев. Чтобы не быть голословными, мы сейчас докажем, что это свершившийся факт. До начала встречи команд «Лоза» и «Сатевела» состоится товарищеский, так сказать, показательный матч между нашими женскими командами «Мечта» и «Ласточка».

Репродуктор умолк, и на стадионе в судейской форме появился Звиад Диасамидзе. Остановившись в центре поля, он свистнул, и на поле выбежали игроки «Мечты» и «Ласточки». Команды выстроились, приветствовали друг друга, судья бросил жребий, и игра началась... До конца матча не утихали аплодисменты и одобрительные возгласы зрителей...

На мельнице у меня была оставлена кукуруза на помол, и поэтому со стадиона я зашла на мельницу, чтобы взять муку. Конечно, дядя Ростом тоже был на футболе, но не сказал об этом, так что мою кукурузу только начали молоть. Я знаю, что дяде Ростому не нравится женский футбол и он сердился на весь белый свет. Он быстро смолот мою кукурузу, я взяла свою муку и не спеша пошла домой.

На полянке для посиделок мне захотелось отдохнуть. Как всегда, в лучах заходящего солнца играл всеми цветами радуги Санисле.

Расстелив на траве свой головной платок, я села и стала смотреть на горы. Вдруг я услышала чьи-то шаги, оглянувшись, увидела шедшего ко мне Реваза Чапичадзе.

Меня это почему-то не удивило.

Реваз подошел и сел рядом со мной на траве.

— Ты на стадионе была, Эка? — выждав какое-то время, спросил он.

Я ничего не ответила.

— Странная красота, — сказал Реваз, показывая рукой в сторону хребта Санисле.

— Эти слова...

— Возможно, — перебил меня Реваз, — я всем говорю это... Когда у меня выдается свободное время, в такие вот вечера я прихожу сюда и подолгу сижу и смотрю на горы. Приглядишься внимательнее — край хребта серебристый, чуть ниже он уже какого-то другого цвета, а еще ниже изумрудный. Это действительно странно.

Пауза.

— между нами все кончено! — холодно сказала я и посмотрела Ревазу в глаза, думая: только бы не покраснеть.

— Что должно быть кончено? — удивленно переспросил Реваз, глядя на меня пронизательным взглядом, а потом вдруг усмехнулся.

Пауза.

— А все-таки? Что кончено? — снова спросил он.

Я внимательно посмотрела на него, и мне он показался далеким и чужим. Впервые в жизни Реваз показался чужим. Мне стало грустно, и сердце сжалось как от боли. Я всегда был сам по себе, а ты сама по себе, было написано на его лице. Потом выражение лица Реваза изменилось, и оно стало любящим, ласковым и печальным. С губ сбежала насмешливая улыбка, и грустным голосом он сказал:

— Ведь ты, Эка, жила в забытой богом деревне, была совсем одинокая, и вот приехал я, старше тебя, но еще молодой, и ты дала сердцу волю. Я сразу же это почувствовал, Эка!

Я, про себя: «Да, это правда. Я словно заново родилась, стала мечтательницей, а у мечты-то такие легкие и сильные крылья, и она унесла меня далеко, даже слишком далеко».

Молча сидим мы, и я все так же внимательно смотрю в лицо Ревазу, ласковое и любимое, и мне снова слышится его грустный голос.

— Я думал, что со временем у тебя, Эка, это пройдет, но ошибся. Ты еще сильнее привязалась ко мне и полюбила меня, а я испугался и отступил...

Я, про себя: «Это тоже правда. Постепенно я поняла, что моя мечта несбыточна, и все-таки любила тебя: когда я объясняла урок, я видела перед глазами тебя, когда я шла на мельницу, ты шел рядом со мной, и до того, как заснуть, я подолгу шепталась с тобой... Теперь уже это все в прошлом, и между нами все кончено...»

Не произнося ни слова, сидели мы на траве, глядя на горы Санисле в лучах заходящего солнца.

Едва солнце скрылось за горами, как подул прохладный ветерок, мне стало холодно, и я встала. Поднялся и Реваз.

— До свидания, — сказала я и, взяв свою поклажу под мышку, ушла.

— До свидания, — сказал Реваз.

С легким сердцем направилась я к дому. У меня словно гора с плеч свалилась и грусти как не бывало.

Оглянувшись, я увидела, что Реваз быстро уходил в противоположную сторону.

Сегодня начались летние каникулы.

А завтра я поеду в Тбилиси...

Я никому не сказала, что собираюсь в Тбилиси, и вам говорить не хотела, но, видно, радость скрывать трудно.

В Хергу я поеду первым рейсом автобуса, в шесть часов утра. Правда, иногда он опаздывает, но завтра этого не случится, и он уйдет точно по расписанию. Автобус помчится с такой скоростью, что пассажирам покажется, что они летят.

Я ничего не скажу шоферу, но он по моему виду поймет, что я спешу по делу и что у меня от радости сердце не на месте. И он заставит свой автобус нестись на предельной скорости, а испуганные пассажиры из уважения ко мне ничего шоферу не скажут и будут делать вид, что такая езда для них дело обычное, что автобус всегда так летит из Хемагали в Хергу.

Когда кончится Сатевельское ущелье, мы проедем Мотэхили и выберемся на прямую дорогу, шофер еще раз посмотрит на меня и прибавит скорость.

В Хергу мы приедем рано, и я, волнуясь, начну ходить по перрону вокзала в ожидании поезда, и вот, увидите, поезд Кутаиси — Тбилиси прибудет на хергский вокзал раньше положенного времени. Как только я сяду в поезд, электровоз даст сигнал и тронется с места. Какое там тронется, он рванется вперед и помчится на всех парах. Наверняка машинист, увидев, что я нервно хожу по перрону, догадается, что я очень спешу, и заставит свой поезд лететь стрелой.

Поезд нарушит график и привезет меня в Тбилиси раньше времени.

И вот я уже сижу в машине, мчащейся по коджорской дороге, приближаясь к дому, где живет мой сын. Нет, я не приближаюсь к нему, я уже доехала.

Просторный двор огорожен железным забором.

В середине его — белый двухэтажный дом.

От ворот до самого дома тянется платановая аллея.

Солнце уже высоко, но в аллее тенисто, потому что у местных платанов очень крупные листья, и они дают много тени.

Остановив машину у ворот, я бегу аллеей, и вот передо мной этот дом.

В нем живет мой сын. Его зовут Алмасхан, а фамилия... Да, его фамилия Хидашели!

До того, как я снова начала работать в школе, я и одной ночи не оставалась в доме одна. Дудухан, Коки или Аснат по очереди ночевали у меня, и я к ним очень привыкла... Да так привыкла, словно мы — одна семья: мы вместе завтракали, вместе ужинали.

В тот день, когда я вышла на работу, вечером ко мне пришла Аснат, а накануне ночью тоже она «дежурила», и это меня, честно говоря, удивило.

— Сегодня мама хотела прийти, но у Коки разболелось горло, и у него температура, — грустно сказала она.

— У Коки температура? Значит, потому он не был сегодня в школе, — подумала я и отправила Аснат домой.

— Пойди, помоги маме, а у меня есть свои дела, — показала я на стопку тетрадей на столе. — Сегодня мне спать, скорее всего, не придется.

Видно было, что Аснат обрадовалась, сказав «хорошо», она ушла. Когда она закрыла за собой калитку, мне почему-то стало очень страшно. Я быстро заперла дверь на засов, выключила свет и легла в постель.

Долго я лежала с закрытыми глазами, но заснуть не могла. Да и какой же тут сон, когда только-только стемнело.

Я опять встала, зажгла свет, разожгла камин и пододвинула к нему маленький столик. Выбрав из кучи тетрадей Кокину, я пересмотрела ее, а читать у меня сил не было.

Мне захотелось есть, но в доме еды не оказалось, а идти в кухню я не решилась. Наоборот, я еще раз проверила, хорошо ли заперта дверь на засов. Да, она и ставни заперты надежно, чего мне бояться, подумала я и чуть было не рассмеялась, но смех замер у меня на губах. Вдруг мне стало холодно. Я положила в камин буквое полено и опять стала листать Кокину тетрадь.

...В прошлом году, как раз в один из последних дней января мы с мамой под вечер так же сидели у камина. Мама читала, а я смотрела на огонь и думала. Сказать, что я помню, о чем я тогда думала, будет неправдой. Может быть даже, я думала о Ревазе Чапичадзе. Возможно... Нет, не помню. Зато я никогда не забуду, о чем мы в ту ночь говорили с мамой.

Мама закрыла книгу и, повернувшись лицом к камину, осторожно положила мне на плечо руку.

— Знаешь, Эка, какая бы я была счастливая, если бы у меня был внук? И ты была бы счастливой, и твой ребенок... Все равно, был бы это мальчик или девочка... Скажем, мальчик. Почему ты удивилась? (Хотя я совсем не удивилась. Я все думала о чем-то своем, продолжая смотреть на огонь. Мне казалось, что мама читает мне сказку). Да, годовалый мальчик.

Мама совком ударила по шипевшему полену.

— Значит, мальчик! А как мы его назовем? — серьезно спросила она.

— Как хочешь, — неохотно ответила я.

— Как я хочу? — словно удивилась мама. — Я назову его ... сейчас, сейчас, да... Я назову его Сандро! Хорошее имя Александрэ!

Я почувствовала, что краснею, и опустила голову.

— Итак, моего внука зовут Сандро. Ему уже год. Сейчас мой умный мальчик сидит у меня на коленях. Он знает, что уже поздно и ему пора спать. Да, Сандрикела ляжет и заснет, но перед сном мы его обязательно выкупаем. Он любит плескаться в теплой воде и все время гукает — агу, гу-гу...

Мама говорила так убедительно, точно и вправду у нее на коленях сидел и ворковал ее годовалый внук. Глаза ее светились такой радостью и она казалась такой возбужденной, что я испугалась.

— У Сандро ведь есть отец? Конечно, есть. А как зовут его отца? — спросила мама и якобы несколько раз подбросила малыша. — Ну, так как же зовут отца Сандро?

Я чуть было не проговорила и не сказала: «Реваз», но вовремя спохватилась и удержала готовое сорваться с языка имя.

Пауза.

— Эка, как зовут твоего мужа? — опять серьезно спросила мама.

— Не пора ли нам спать? — переменяла я тему разговора.

— Еще рано, — с новыми силами начала мама. — Сначала мы выкупаем Сандро, ты положишь его в люльку, покормишь и споешь ему, чтобы он заснул. А уж потом и мы ляжем... Так как зовут отца Сандро?

— Как хочет моя мама! — неохотно ответила я.

— Как я хочу? — переспросила мама, глядя мне в глаза.

Я опять покраснела и опустила голову.

— Я назову его отца...

Пауза.

— Сейчас я найду имя для отца Сандро, да, да, сейчас! Отца Сандро зовут... Да, твоего мужа зовут Алмасхан! Да, да, имя отца Сандрикелы Алмасхан. Хорошее имя. Мне нравится, а тебе?

— Хорошее имя. Мне тоже нравится, — подтвердила я.

— Так вот, Алмасхан сейчас в кухне, — уверенно говорит мама. — Он греет воду для Сандро. Ты откроешь дверь и крикнешь: — Алмасхан, неси воду! Чтобы ему было слышно, ты крикнешь громко, но не сердито... С мужем всегда говори ласково, Эка! — Она погрозила мне пальцем. — Алмасхан ответит, что сейчас принесет. И голос у него тоже будет громкий, но ласковый.

Мама помолчала, а потом окинула взглядом комнату.

— Посмотри, вон там в углу (она показала рукой), кажется, стоит деревянное корыто. Чему ты удивляешься? Разве Гуласпир не принес его для Сандрикелы? Давай сюда наше корыто. Мы поставим его около камина, нет, че так близко, вот здесь! — Мама передвинула маленький столик. — Хорошо, вот на него и поставим. Теперь неси воду, она у двери. Я тебе говорю, Эка, давай сюда корыто и воду.

Мама разыгрывает спектакль и уже совсем вошла в роль, да и меня вовлекает в свою игру.

Я встала и пошла в угол комнаты, якобы за корытом. Потом поставила его туда, куда велела мама, и взяла у двери большой кувшин с водой. Я сделала вид, что с трудом могу поднять его и донести до места.

— Эка, открой Алмасхану дверь, слышишь, он идет!

— Слышу, — покорно сказала я и, подойдя к двери, открыла ее. Алмасхан «вошел», и я снова закрыла дверь. Он принес в большой кастрюле горячую воду. Я помогла ему, и мы приготовили воду для купанья сыча. Я попробовала воду рукой.

— Не горячая? — спросила мама.

— Нет, как раз хорошая, — все больше входила я в роль.

— Сейчас я окуну ему ножки, — сказала мама и сделала вид, что раздевает ребенка и осторожно опускает его в воду.

— Да, Сандрикела умный мальчик. Как только он коснется ногами воды, он всем телом начнет тянуться вниз, словно прося, чтобы его опустили в воду. Я поставлю его, Сандро по грудь окажется в воде и, радостно гукая, начнет бить по ней ручонками.

Не стоит в углу деревянное корытце, не видно большого кувшина с водой, не горит в кухне огонь, не висит над ним на цепи кастрюля, и Алмасхан не греет воду для Сандрикелы.

Я осталась у камина одна, размышляя о том, зачем моя мама разыграла такой спектакль, но ничего придумать не смогла и тоже отправилась спать.

В маминной комнате пробили часы, и я очнулась. Раздув угли, я снова устроилась за низким столиком.

Я уже давно собиралась написать это письмо, но не решалась. А теперь, вспомнив мамину импровизацию, набралась смелости и написала его.

...Так и так, мол. Я педагог. Живу в Хемагали. Одинокая. У меня есть то-то и то-то. Очень хочу взять на воспитание ребенка. Прошу сообщить мне ответ как можно скорее.

Перечитала я свое письмецо, и у меня всякий страх прошел. Я повеселе- ла и вышла на веранду.

Шел снег.

Весь мой двор был покрыт ослепительно белым снегом. Я глянула в сторону кухни — там белела только крыша. Я вытянула руку, и на мою ладонь стали падать большие пушистые хлопья. Снег показался мне теплым-теплым.

Ответ пришел спустя полтора месяца, когда я уже потеряла всякую надежду. Писала мне директор детского дома Кетэван Канчавели, прося прислать документы, подтверждающие то, что было сказано в моем письме, и сообщить, кого я хочу взять — мальчика или девочку, какого возраста и когда смогу приехать за ребенком.

Письмо и справки я отправила на следующий же день. Я писала, что хочу усыновить мальчика, годовалого, и приеду за ним десятого июня.

Ответ я получила скоро. У нас есть такой мальчик, — писала Кетэван Канчавели, — если бы у меня самой не было пятерых детей, я непременно взяла бы его. Зовут его Гоча. Как раз десять дней тому назад ему исполнился год. Он такой хороший мальчик, такой хороший... Да вы сами убедитесь в этом, когда приедете.

В тот же день, когда я получила это письмо, я достала свою колыбель и вымыла ее водой с мылом. Когда она высохла, то стала казаться выцветшей и не понравилась мне, поэтому я снова отнесла ее на чердак. Вечером я пошла в гости к Кесарии и Гуласпиру. Они очень обрадовались моему приходу и, конечно же, оставили меня ужинать. Потом Гуласпир проводил меня до дома, и, когда мы остановились у моих ворот, он на всякий случай спросил, не нужно ли мне чего.

Пауза.

— Мне нужна колыбель, дядя Гуласпир, — решительно сказала я.

— Колыбель? — вздрогнул Гуласпир и внимательно оглядел меня.

— Да, колыбель, только из липы, и шире, чем была моя, — так же решительно продолжала я.

— Шире, чем твоя? Твою колыбель я делал, и она как раз хорошего размера.

— А сейчас мне нужна пошире, — убежденно сказала я.

— Да для кого тебе? Обещала, что ли, кому-нибудь?

— Мне нужно, — опять решительно сказала я, боясь покраснеть. Я могла, конечно, сказать, что мне нужно для кого-то, что, мол, обещала, но я не решилась лгать, из-за сына.

— У меня как раз есть сухие липовые доски, Эка, — тихим голосом, ласково сказал Гуласпир. — Тебе когда надо?

— Как можно скорее.

Гуласпир опять оглядел меня с головы до ног и, прощу прощения, очень внимательно посмотрел на мой живот. Он зажег спичку, якобы собираясь закурить, но я догадалась, зачем он это сделал.

— Да, я для себя хочу. За месяц ты сделаешь?

— Даже быстрее, — сказал Гуласпир и, прощаясь, крепко пожал мне руку. Гуласпир шел медленно, видно было, что он о чем-то задумался.

...И вот легкая липовая колыбель стоит у меня в комнате. Чувствуется, что сделана она с большой любовью. Стоит и как будто улыбается. Да, не просто смеется, она ласково манит ребенка: а ну-ка, ляг, мол, и посмотри, как я тебя буду качать и как тебе сладко будет спать...

Своего сына я назвала Алмасханом. Сандро и Реваз тоже хорошие имена, но если бы я назвала мальчика одним из них, пошли бы бесконечные сплетни... Так что я остановилась на имени Алмасхан. Завтра, десятого июня, Алмасхану Хидашели исполнится год и три месяца. Он пока еще живет в детском

доме недалеко от Тбилиси под присмотром Кетэван Канчавели. У него под подушкой лежит моя фотография, фотография его матери. Да, в ожидании своей матери маленький Алмасхан прячет ее фотографию под подушку.

— Скоро твоя мама придет, а сейчас спи, — как можно ласковее говорит Алмасхану Кетэван и нежно гладит его по волосам. — Чем скорее ты уснешь, тем скорее придет твоя мама, — уговаривает она его, и Алмасхан послушно закрывает глаза и засыпает.

Я тоже не лучше!

Фотографию Алмасхана Кетэван прислала мне на первомайские праздники. Я знала, что она лежит в письме, и открывала конверт со страхом. Сначала я взглянула на фото одним глазом, одним прищуренным глазом, а потом широко открыла оба глаза и жадно посмотрела на карточку. Теплая волна радости подкатила к сердцу. Алмасхан оказался таким, как я мечтала: ясное личико, живые глаза с лукавинкой... Ушки маленькие, лоб высокий. Долго еще я разглядывала фотографию и так и сяк, а потом завернула в шелковый носовой платок и спрятала у себя на груди. И сразу же по всему телу разлилось приятное тепло.

В тот день я много, очень много раз доставала из-за пазухи фотографию Алмасхана, а перед сном положила ее под подушку, и мы заснули вместе с моим мальчиком. Утром я снова спрятала ее себе за платье и хотела взять с собой в школу, но испугалась, что не удержусь и захочу на нее посмотреть во время урока, поэтому уже от ворот я вернулась домой и спрятала ее под подушку.

Днем, если только я дома, я чуть ли не каждую минуту стараюсь посмотреть на фотографию, а вечером, в семь часов (я знаю, что в это время Алмасхана укладывают спать), я достаю ее из-под подушки, подношу близко к глазам и, не в силах удержаться от улыбки, прижимаю ее к щеке, шепчу:

— А теперь спи, сынок!

Алмасхан подмигивает мне, а спать и не собирается.

— Что, ждешь маму и поэтому не спишь? Вот я, твоя мама, здесь! Да, я твоя мама! Хочешь, я спою тебе? «Пой», — глазами отвечает мне Алмасхан. Я кладу фотографию на грудь и, прикрыв глаза, начинаю тихо петь колыбельную. Алмасхан притихнет, прижмется к моей груди, закроет глаза и уснет. Засну и я, и мы будем так крепко спать, что нас не разбудит ни крик петухов, ни лай собак. Мы проснемся только тогда, когда высоко поднявшееся солнце заглянет в нашу комнату.

* * *

И этот день настал.

Сегодня петухи начали кричать спозаранку, да и солнце взошло раньше обычного.

На самом деле сегодня утро раннее.

Сверток с одеждой Алмасхана совсем легкий.

А вот корзина тяжелая. Она у меня битком набита. В ней и хачапури, и дзыпята, и молодой сыр, три бутылки инжирной водки, зелень из моего огорода, сушеный инжир и очищенные грецкие орехи.

Автостанция в двух шагах от моего дома, так что я как-нибудь дотащу до автобуса свою ношу.

Рассвет я встретила на ногах.

Распахнув дверь большой комнаты, я вышла на веранду. Трава, яблоневые и грушевые деревья в моем дворе ласково приветствовали меня. Я тоже улыбнулась им и спустилась во двор. Трава мне показалась мягче обычного. Взяв в кухне подойник, я пошла в загон к корове. Гута лежала, жуя жвачку, но как только я вошла, она, словно догадавшись, что я спешу, промычала и встала. Я подошла к ней и подпустила к ней теленка, а потом вывела ее за ворота. В тот вечер она оставалась на попечении Дудухан.

Я взяла сверток и корзину. Мне было очень тяжело, но через двор я прошла быстро.

У ворот я увидела Коки.

«Наверняка это Дудухан сказала Коки, что я еду в Хергу. Странная она женщина».

— В Хергу? — спросил Коки.

— В Хергу! Ты чего так рано поднялся? Мама велела?

— Я на Сатевелу иду.

— Рыбу ловить?

— Да.

— Голыми руками? — удивилась я.

Пауза.

— Сеть и удочки Сандро возьмет, — солгал Коки и отвернулся, стараясь не встретиться со мной взглядом.

— Я знаю, что у Сандро хорошая сеть, — сказала я и улыбнулась. Коки покраснел. Легко подняв мою корзину на плечо, он пошел вперед. «Наверняка Дудухан заставила его встать в такую рань. Мол. Эка едет в Хергу, и ты ей должен помочь. Может быть, Дудухан и то известно, что я еду в Тбилиси? Она как-то застала меня за шитьем штанов для Алмасхана и, удивившись, спросила, для кого они. Я тогда ничего ей не ответила, и Дудухан покраснела. А однажды, под вечер, когда я тихо напевала колыбельную, неожиданно над моей головой появилась Дудухан и, улыбаясь, спросила, кого это я баюкаю. Я перестала петь. Как ты хорошо поешь, Эка, почему ты замолчала? Если я помешала, я сейчас же уйду. — И Дудухан собралась уходить. Я не отпустила ее, и мы весь вечер молча просидели на веранде... Наверное, Дудухан о чем-то догадывается».

Я быстро дошла до автостанции.

Там стоял Гуласпир, который очень удивился, увидев меня.

— В Хергу? — спросил он.

— Да! — сказала я, краснея.

Гуласпир достал из нагрудного кармана рубашки пятирублевую бумажку и протянул мне.

— Не поленись, Эка, купи мне «Приму» второй фабрики. Я только из-за этого и пришел сюда. Хотел попросить кого-нибудь, — словно извиняясь, сказал Гуласпир.

— Обязательно, — сказала я, беря деньги.

Гуласпир улыбнулся, и я тоже ответила ему улыбкой.

— Ты тоже едешь в Хергу? — теперь уже Гуласпир обратился к Коки.

— Нет. Коки идет на Сатевелу рыбу ловить, — вместо Коки ответила я, а он залился краской.

— Так, с пустыми руками? — удивился Гуласпир.

— Сеть и удочки Сандро возьмет с собой, — опять вместо Коки сказала я, а он в подтверждение моих слов кивнул головой.

— Моих усачей не выловите! — насмешливо сказал Гуласпир. — Я тоже скоро приду.

— Ты иди, Коки, а то Сандро ждет тебя, — ласково сказала я и поцеловала его.

Коки ушел.

— У них и сети, и удочки. Да разве в реке что-нибудь останется? Хорошо еще, что в Сатевеле не глушат рыбу динамитом, — грустно сказал Гуласпир, глядя вслед быстро удалявшемуся Коки.

Постепенно собрались пассажиры, и подошел автобус.

Я сказала Гуласпиру, что, может быть, вернусь только на следующий день и тогда передам сигареты с шофером. Гуласпир улыбнулся, да так, словно хотел сказать, а я, мол, знаю, что ты до завтра не приедешь.

«Наверное, Гуласпир тоже о чем-то догадывается. Ведь он не один раз спросил меня, для кого мне нужна колыбель. Когда же я говорила, что для меня, он хитро улыбался и с любопытством поглядывал на мой живот... О чем-то он догадывается, но наверняка ничего не знает. Я же ни в чем не призналась, а ему откуда знать правду! А еще иронически улыбается! Мол, между прочим, я немного в курсе твоих дел, но раз ты сама ничего не говоришь, я тоже буду хранить молчание...»

Мы поехали.

Пассажиры молчат, некоторые дремлют.

Напротив меня сидит женщина с ребенком. Это мальчик, наверное, не старше года. Он спит, и, может быть, поэтому так тихо сидят пассажиры и так осторожно ведет автобус шофер.

Я знаю, что эта женщина работает в совхозной лаборатории, но мы не знакомы, и поэтому я не решаюсь заговорить с ней. Мне показалось, что при встрече она улыбнулась мне, но в этом нет ничего удивительного: я старше, и это, очевидно, было простым знаком вежливости...

Ребенок проснулся, посмотрел на меня еще полусонными глазенками, потом улыбнулся и, открыв глаза, сказал: мама... Так когда-нибудь назовет и меня Алмасхан, подумала я, и сердце мое радостно забилось.

И вдруг весь автобус словно ожил. Тут и там послышался кашель, пассажиры начали переговариваться между собой. А кто-то даже осмелился закуригь, но сидевший рядом мужчина велел соседу потушить сигарету, потому что, мол,

в автобусе едет ребенок. Куривший смутился и, открыв окно, выбросил недокуренную сигарету.

Мальчик захотел есть, и у пассажиров лица стали непроницаемыми, словно они ничего не видели. Мать мальчика дала ему грудь, и ребенок жадно припал к ней.

Дорога спустилась к Сатевеле. Малыш отпустил материнскую грудь, и слышался его голосок. Мальчик развеселился. Сидя на коленях у матери, он внимательно оглядел сидевших в автобусе людей и громко сказал: ма-ма, та-та, и залился смехом, показывая два передних зуба. Пассажиры заулыбались, малышу и хором повторили: ма-ма, та-та... Весело мальчику, смеются все в автобусе... Я вспомнила, как мама говорила когда-то, что если смеется ребенок, то смеется весь дом. Завтра вечером, перед сном, я выведу Алмасхана во двор погулять, поиграю с ним, и, если он засмеется веселым смехом, ему ответит и наш двор, и дом, и даже кухня... Да, весело нам с Алмасханом, и радуется и смеется все вокруг нас...

...Осторожно, плавно ведет автобус шофер, лепечет что-то малыш, и в его лепетании мне слышится песня любви, в плеске волн Сатевелы мне чудится песня любви, поют ее и выстроившиеся в ряд вдоль дороги шелестящие на ветру акации, этот автобус и эта дорога. И мое сердце с утра поет о любви. Я люблю всех — Дудухан, Кюки и Аснат, Кесарию и дядю Гуласпира, Сандро, Реваза, Татию и Русудан, Александрэ Чапичадзе и Абесалома Кикнавелидзе, Шадимана Шарангиа и Звиада Диасамидзе, но пусть они меня простят, больше всех я люблю Алмасхана. Это он заставил мое сердце заново запеть песню любви.

...Алмасхан станет взрослым, женится, и я как собственную дочь полюблю свою невестку... Я еще не совсем постарею, когда у меня появятся внуки. Их у меня будет шесть, три девочки и три мальчика. Старшей будет внучка, ведь это лучше для матери, она поможет ей вырастить младших братьев и сестер.

С рождением первой внучки я оставлю работу в школе. Проводив сына и невестку на работу, я буду дома возиться с внучкой. Назову я ее Екатериной — в честь моей матери. Потом у моей внучки появятся сестры и братья, в доме всегда будет достаток и счастье, и никогда не прекратится род большой Екатерины Хидашели.

Я знаю, что надоела вам своими рассказами. Простите меня, больше я не напишу ни строчки.

У меня теперь есть сын, и писать мне уже будет некогда.

Всего вам хорошего!

Перевод Татьяны СОКОЛОВОЙ-РУХАДЗЕ

ნოდარ დუმბაძე
Солнце

•
Р а с с к а з
•

В ШЕСТЬ ЧАСОВ утра оно взошло и золотой диадемой увенчало гору Эрцаху.

— Здравствуй, Эрцаху!

— О, Творец! Где ты? Истомилась душа в ожидании!

— Я здесь! — сказала Солнце.

— Мороз сдавил меня своими обручами, трещит голова, дышать уж нечем! Всю ночь я не смыкала глаз! Помоги!

— Терпенье!..

Солнце поднялось выше, диск его засиял, засверкал, и вдруг с неба хлынул поток света и тепла. Ледяные обручи на челе Эрцаху закрипели, потом напряглись, напряглись и... лопнули. Эрцаху вздрогнула.

— Слава тебе, Творец! — воскликнула Гора, вытирая со лба холодный пот. Светило улыбнулось. Вокруг его царственного ока легли мелкие морщинки.

— Слава тебе! — повторила Эрцаху и умолкла.

Солнце поднималось все выше. В ущельях, балках, расселинах склонов Кавкасион нарастал великий шум. Гремели, грохотали низвергавшиеся с головок окружающих высей лавины. Клубы пара и снежной пыли окутали Эрцаху...

Потом туман рассеялся. Прояснилось. Гора протерла глаза и украдкой взглянула на Солнце. Оно было уже высоко.

— Началось! — проговорила Гора.

— Что? — спросило Солнце.

— Рождение!

— Кого?

— Детей и внуков моих — Кодори, Псоу, Келасури, Гализги!..

— И все они — твои?

— Мои и сестер моих.

¹ Кодори, Псоу, Келасури, Гализга — названия рек.

— Да умножится род ваш! — благословило Солнце Гору.

Эрцаху улыбнулась:

— О нет, Творец! В нашем роду — наоборот: детей у нас — великое множество, внуков — меньше, правнуков и того меньше, и, наконец, — единственный великий потомок — Море!

Море — огромное, необозримое, необъятное — мирно спало у подножия Жавкасиони.

— Море! — вспомнило Солнце.

...Мальчуган гнал со двора козу на выпас. Обернувшись, чтобы закрыть жалитку, он вдруг увидел Солнце и Эрцаху.

— Мам! — крикнул мальчуган. — Взгляни на гору и солнце!

Мать кипятила молоко. Она взглянула на озаренную солнцем гору, и молоко тут же убежало.

— У, чтоб тебе повылазило! — крикнула в сердцах женщина вдогонку сыну.

— Да ты что, баба, ошалела? Ребенок только проснулся, а ты уже проклинаешь его! — отозвался муж.

— Погляди-ка на Эрцаху! — тихо сказала женщина.

Муж тут же во дворе мотыжил кукурузу. Сощурился глаза, он взглянул на чудо, давно ставшее привычным.

— К погоде, — проговорил он и продолжал работу.

Море все еще сладко дремало, шурша белыми ресницами по прибрежному шеску.

— Шшррр... Шшррр... Шшррр...

— Утро доброе! — приветствовало его Солнце.

— О, Светило? Доброе утро!

— Что ты делаешь?

— Три дня тому назад утонул человек... Исчез... Все во мне так и кипело, бурлило от волнения! Его не было видно нигде! Но, наконец, он все же нашелся. И тогда только улеглось мое волнение...

— Кто же он?

— Не знаю... Никто его не искал... Мои волны вынесли его на берег... Потом пришли два человека и унесли его куда-то...

— Куда?

— Не знаю... Ведь я не могу следовать, как ты, за людьми! — улыбнулось Море.

— Началось! — сказала вдруг Солнце.

— Что? — спросило Море, широко раскрыв веки.

— Люди пришли!

Люди шли к морю в одиночку и группами. Раздевались. Бегали. Кувыркались. Гонялись друг за другом. Обнимались. Ели. Пили. Собирали пестрые камушки, ракушки. Жгли щепки и хворост. Или же просто стояли у берега и ливыряли в море камни. Потом, когда солнце начинало припекать, люди укрывались под раскрытыми зонтами, в сооруженных наспех из простынь палатках. И тогда Солнце не видело их.

— Пока меня нет, они неделями смотрят в небо, ждут не дождутся моего появления... А стоит мне показаться, как они начинают прятаться от меня под своими зонтами, шалашами, палатками... Почему они поступают так странно? — сказала Солнце.

— А в чем ином поступают они не странно? — спросило Море.

Солнце поднялось высоко-высоко. И люди с этой высоты казались Солнцу мелкими, еле различимыми существами...

Со двора обнесенной каменной оградой дачи выбежал старик, неуклюже затрусил по дороге. Добравшись до другой дачи, он словно подшошенный опустился на лежавший у ворот валун и крикнул:

— Приди ко мне, Человек, сын мой при смерти!

Вышел со двора человек и утешил пришедшего:

— Не бойся!

— Как же мне не бояться, если он умирает?!

Тогда тот, подавший надежду человек, побежал куда-то и привел с собой много других людей. Трое из них направились к больному.

— Профессора пришли! — сказал кто-то.

— Неужели?!

Молчание и надежда воцарились в доме.

— На что жалуетесь? — спросил больного первый врач и сам же устыдился своего вопроса: больной уже был не в силах говорить...
— И давно он так? — спросил у молодой испуганной женщины второй врач и сам же устыдился своего вопроса: больной страдал уже немало лет...

— Воздуха!... — простонал больной.

Распахнули окно.

— Закройте заднюю дверь! На сквозняке он простудится! — сказал третий врач. Сказал, опасаясь, как бы потом люди не упрекнули его в молчании. И, поняв это, он тоже устыдился своих слов...

— Откройте окна, двери, разломайте стены... Дайте мне воздуха!.. Дышать дайте!.. — опираясь на плечи молодой жены и верного друга, больной метался, рвался, бился, просил лишь одного — воздуха.

Отец отозвал в сторону первого врача.

— Скажите, ради бога, что с ним?

— Положение, конечно, тяжелое, но если вовремя принять меры... — солгал врач.

— А как вы думаете, доктор? — обратился отец к другому.

— Мм... Если срочно доставить его в Москву... — солгал и другой.

— Да что за болезнь такая? Как она называется? — спросил отец третьего.

— Это — смерть! — вырвалось у него.

— Как? Как вы сказали? — переспросил изумленный отец.

— Смерть! — повторил врач.

— А... А лекарства? Ведь...

— Единственное лекарство от этой болезни — смерти! — Врач надев шапку и вышел. Остальные последовали за ним.

— Ну что? Что они сказали? — бросилась к отцу молодая женщина.

— Сказали, что все будет хорошо! — солгал отец.

— Что там происходит? — спросило Море у Солнца.

— Умирает Человек.

— Как — умирает? А что делают врачи?

— Врачи ушли! — пожало плечами Солнце.

— Побудь с ним ты!

— Но мне нельзя останавливаться!

— Побудь с ним! — повторило Море.

— Чем я ему помогу? Ведь его покинули даже люди?

— Люди!.. Люди очень часто и легко покидают друг друга... Но ты можешь спасти его! Побудь с ним!

— Не могу... Единственное, что в моих силах, — вернуться к нему завтра в это же время..

Солнце покинуло комнату, перешагнуло через перила балкона и удалилось.

— Уходишь? — спросило Море.

— Ухожу, — ответило, не оборачиваясь, Солнце.

— Любовь — это лишь чувство близости, ставшее привычкой, и только! — изрек юноша и прикрыл теплым белым камушком пуп лежавшей навзничь девушки.

— Вы так думаете? — спросила девушка, не открывая глаз, и грациозным движением красивой руки сбросила камушек.

— Достаточно! Есть пять калорий! Теперь ложитесь вверх спиной! — хриплым голосом объявил репродуктор.

Девушка перевернулась.

— Это не я думаю, а так оно и есть! — юноша дрожащей рукой погладил девушку по спине — от шеи до обворожительных округлостей.

Девушка быстро присела, из-под наведенных черной тушью ресниц метнула в юношу взгляд голубых глаз.

— Ого, какой вы быстрый!

Юноша вздрогнул, увидев ее упругую загоревшую грудь и коричневые соски.

— Я, я? — проговорил он глупо.

— Да, вы! — повторила девушка и взглянула на Солнце.

Не устояв перед соблазном, Солнце сжало горячими своими руками плечи и бедра девушки. Та вскочила, возбужденная, взбудораженная. Тогда Солнце обхватило ее грудь. Девушка задрожала.

941036340
0000000000

— Пусти ее! — крикнуло Море.

Солнце улыбнулось.

— Отпусти ее ко мне! — попросило Море.

— Бери! — Солнце слегка подтолкнуло девушку. Она бросилась в Море. Сотни алчных, горящих глаз провожали ее.

— Ах, вот это — жизнь! — простонала, млея от удовольствия, девушка.

— Вот это — жизнь! — подтвердило Солнце.

— Вот здесь, батюшка, раздевайтесь здесь! Тут народу меньше...

Милиционер опустился на песок и указательным пальцем смахнул выстушивший на лбу пот. Молодой священник огляделся, снял с головы фиолетовую скуфью, бросил ее на песок, потом снял с шеи тяжелый серебряный крест, положил его рядом со скуфьей и прикрыл их белой рясой.

— Остались бы уж на Синопском пляже, людей там было не больше! — проговорил священник то ли обиженно, то ли с иронией.

— Море без людей в такое время не бывает! — ответил милиционер. Он начал раздеваться, в душе проклинал начальство: «Вот не было заботы, так подавай! Ухаживай тут за попом!..»

Милиционер вошел в воду.

— Теплая? — спросил священник.

— Кипяток! Спускайся, батюшка! — Милиционер приготовился нырнуть.

— Слышь, поди-ка сюда, ради бога! — позвал его священник. — Убери их отсюда, неловко как-то... — И он искоса взглянул на лежавшие рядом рясу, милицейскую фуражку и револьвер.

Милиционер нехотя вылез из воды. Подумав немного, он прикрыл фуражку брюками, а револьвер — гимнастеркой.

— Так сойдет?

— Зачем ты его тащил с собой? — спросил священник, войдя в воду.

— А что же мне делать, батюшка? У тебя — крест, у меня — револьвер. Мой крест — оружие!

— Крест сатаны! — перекрестился священник и быстро с головой окунулся в воду. Спустя минуту он вынырнул, щурясь от удовольствия.

— Вот это — жизнь!

С золотым крестиком на груди, чернобородый, со спадавшими на плечи мокрыми, длинными волосами, он напоминал сбежавшего из дому хиппи. Милиционер же — стройный, аккуратно подстриженный, свежесбритый — выглядел вполне респектабельно.

— Смотри-ка, батюшка, какие девушки строят тебе глазки!

Священник обернулся. В нескольких шагах от них группа обнаженных девчат весело переговаривалась, вызывающе поглядывая на молодого священника.

— За монаха, что ли, принимают меня?!

Милиционер рассмеялся.

— Девки — как куропатки! Нам бы их сейчас, а, батюшка?

— Мм-м... Не отказался бы! — улыбнулся священник. «Отличный парень, сукин сын! Приспичило же дураку идти в милиционеры!» — подумал он и бросился в воду.

«Отличный парень, сукин сын! Приспичило же дураку идти в священники!» — подумал милиционер и последовал за ним.

— А семья-то у тебя есть, батюшка? Жена, дети? — спросил он, подплывая к священнику.

— Пока нет.

— Ты что, святой дух?

— Святой дух — один на свете! — ответил священник и лег на спину.

— А говорили — три?! — усмехнулся милиционер.

— Как это — три?! — священник быстро перевернулся в воде.

— А так! Отец, сын и дух святой! — гордо отпарировал милиционер.

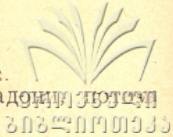
— Так это — триединое божество, трое в одном лице, парень!

— Так не бывает, батюшка!

— Бывает! Видишь солнце? Оно ведь тоже триедино: диск, нимб и свет. Понял? Три неразделимые части одного целого! Понял?

— Конечно! — улыбнулся милиционер.

Священник молча вылез из воды и лег на раскаленный песок.

— Как тебя звать, батюшка? — спросил вдруг милиционер.

— Нодар. — Священник взял камушек, поиграл им на ладошке и размахнулся и бросил его в море.

Милиционер прыснул.

— Ты чего? — спросил священник.

— Я думал, ты — Онуфрий, или Лука, или еще кто в таком же роде... Калистрат, что ли! А ты, оказывается, Нодар! — И он закатился смехом.

Глядя на хохотавшего милиционера, священник заулыбался. Потом они встали и хлопнули его по плечу:

— Ладно, одевайся!

— Побудем еще, батюшка!

— С удовольствием бы, да скоро начало конференции... — Священник стал одеваться. Из-за поворота выехала черная «Волга». — Вот видишь, уже и машина подошла!

— Еще немного, батюшка!

— Да говорю тебе, с удовольствием остался бы здесь хоть до утра, но мне выступать на конференции!.. Пошли!

Облаченный в рясу, с огромным крестом на груди, священник рядом с милиционером, уже надевшим форму, почему-то напоминал арестанта.

— Вот печет, черт бы его взял! — проворчал милиционер.

— Это ты про солнце?!

— Не про луну же!

— Перекрестись сейчас же! Перекрестись и попроси у бога прощения! — приказал священник.

Милиционер удивленно взглянул на него. «За кого он меня принимает?» — подумал он, поправляя фуражку. Священник понял свою оплошность и примирительно произнес:

— Негоже роптать на светило... Ведь оно — вечный образ солнечной ночи!

— Это что еще за чертовщина — солнечная ночь?

Священник обмер.

— О, господи! Прости его, грешного, ибо по глупости своей не ведает слов своих!

— Нет, серьезно, батюшка, что такое солнечная ночь?

— Бог!

— Как же это — и солнце, и ночь?

— Да. Есть солнце. И свет его настолько ярок, что в глазах человеческих темнеет от него. Потому — ночь.

Милиционер недоверчиво улыбнулся.

— Взгляни на солнце! — приказал священник.

Милиционер поднял голову и с минуту смотрел на сияющий диск солнца. Не выдержав, он зажмурился.

— Ну? Смотри, смотри!

— Не могу, батюшка!

— А ты заставь себя!

Милиционер повиновался. Лучи солнца раскаленными лезвиями вонзались в зрачки его глаз, но милиционер терпел.

— Ну, какого оно цвета? — спросил священник.

— Медного.

— Погляди еще!

После минуты нестерпимой боли милиционер закрыл глаза рукой. Закрыв и вскрикнул.

— Потемнело! Батюшка, солнце потемнело!

Священник молча направился к машине..

— Слышишь? — спросило Море.

— Слышу! — ответило Солнце.

— Это правда?

— Глупости! Разве Человек может постигнуть меня?

— Ты же его сотворило! — улыбнулось Море.

— Неправда! В сотворении его я не принимал никакого участия! Он существовал до моего пришествия, и не я — он сам нарек себя Человеком! Я и не ведаю — кто он, когда и откуда он появился!

— Дельфин, Дельфин! Я — Чайка! Справа от вас — большой косяк! — передали радиограмму с вертолета на сейнер.

— Я — Дельфин! Вас понял! — ответили с сейнера. И тотчас же в воду стала опускаться огромная сеть. На лазурной морской глади запрыгали белые поплавки.

— Уходите подальше, за вами гонятся люди! — предупредило Море рыбный караван. Косяк круто изменил направление.

— Дельфин! Косяк уходит влево! Берите курс против солнца! Курс — против солнца! — предупредили с вертолета рыбаки.

Сейнер развернулся, стал против солнца и полным ходом пошел наперерез отступавшему косяку.

— Опускайтесь ниже! Глубже! — звало Море, но было уже поздно. Косяк оказался в сети.

— Поздравляем! — передали с вертолета.

— Спасибо! — ответили с сейнера.

— Конец! — испустило стон Море.

Подняли сеть, и море окрасилось кровью раздавленной собственной тяжестью рыбы. Над палубой, крича, закружились голодные чайки. К берегу заспешили любители рыбы.

Солнце золотой рукой извлекло из сети пригоршню рыбы и сверкающими серебряными монетами рассыпало ее по палубе.

— И так каждый божий день! — пожаловалось Солнце Морю, окуная в воду окровавленную руку.

— И так каждый божий день! — вздохнуло Море.

В промежутке времени с часу до четырех люди на берегу моря исчезли, словно земля их проглотила. Потом они вновь вылезли из своих нор и стали заниматься тем же, чем и занимались с шести утра до часу.

Солнце возлежало на легких белых облаках и искоса поглядывало на мир. К вечеру, когда Солнце совсем уже собралось было на покой, Море тихо сказала:

— Человек, которого ты покинуло утром, умер...

— Как, кончился? Исчез? — помрачнело Солнце.

— Нет. Люди не исчезают и не кончаются.

— Что же осталось от него?

— Несчастный отец и несчастная жена.

— И больше ничего?

— Остался эскиз незаконченной фигуры. Маленький, незаконченный

эскиз...

— Чья фигура?

— Не знаю. Она без головы...

— Как она выглядит?

— У фигуры стройный стан, длинные, вскинутые вверх, красивые руки. Поет она, танцует, плавает, готовится к полету или хочет кого-то обнять, — не знаю... Может, спешит к кому-то или от кого-то бежит, — не знаю...

— Что это за фигура?

— Об этом никто не узнает. Свой замысел Человек унес с собой.

— Люди сами не ведают, чего хотят, — сказала Солнце.

— Не говори этого! — возразило Море.

— О чем он просил перед смертью? — спросило Солнце.

— О воздухе! — ответило Море.

— И что же?

— Дали.

— И что же?

— Не хватило!

— Не хватило воздуха? — удивилось Солнце.

— Не хватило! — вздохнуло Море.

Солнце молча скрылось за облаком.

Море слегка взволновалось.

Перед тем, как отойти ко сну, Солнце еще раз взглянуло на Землю. Но оно стояло слишком низко, чтобы в толпе ожидавших заката людей разли-

жить мужчин и женщин. Люди, похожие друг на друга, лежали на песке и от горячих тел поднималось легкое зыбкое море.

Тогда Солнце протянуло длинную золотую руку, коснулось ~~Солнце~~ берегу бревна и спросило у Моря:

— Ты сейчас его вынесло, или я до сих пор не замечало его?

За последние пять лет бревно это так примелькалось Морю, что вообще уже не привлекало его внимания. Сейчас Море взглянуло на него и рас- смеялось:

— Это — не бревно, Солнце, это — Человек!

— Спроси его, что он здесь делает?

— Не стоит... На каждый мой вопрос он отвечал просьбой... Нет пре- дела его желаниям...

— А что он просит?

— Когда-то просил у меня хорошей погоды. Потом — дрова. Затем он выпрашивал рыбу, песок, соль... Просил землю... И вот уже тридцать три го- да он просит возвратить ему сына. Где я его возьму?!

— Раз ты отнял у Человека сына, ты же и должно вернуть его!

— Не я! Сына у него отнял другой, а взвалил вину на меня!

— Скажи ему — я желаю с ним говорить.

— Человек! — Море влажной рукой тронуло его голую ногу. — С тобой ~~хочет~~ хочет говорить Солнце!

Человек промолчал.

— Ты слышишь меня, Человек? Я — Солнце, и я желаю говорить с тобой!

— Говори, я слушаю тебя! — ответил Человек, искоса взглянув на Све- дило.

— Тебе понятен мой язык?

— Понятен язык и твой, и Моря.

— Почему же ты не отвечаешь ему?

— Все, что хотелось сказать, я сказал ему в дни своей молодости... Те- перь я прошу его лишь об одном — вернуть мне сына!

— Ты просишь о невозможном!

— Я не прошу милостыни, я требую свое!

— Ты горд, Человек! — сказало Солнце.

— Да! Горд и могуч! — ответил Человек.

— На что же ты способен?

— А ты?

— На все! Я могу осушить море, выжечь степь, превратить в пустыню лес, погасить жизнь...

— А еще? — улыбнулся Человек.

— Еще? На, гляди!

И Солнце вдруг обернулось красным обожженным горшком, потом — оп- рокинутым кувшином, затем — грибом; потом оно превратилось в зайца; потом — в волка, пожиравшего того зайца; потом — в слона, тигра, льва; одно мгновение Солнце красовалось в облике царской короны и, наконец, снова стало Солнцем.

— Я вскоре уйду, и мир поглотит тьма. Знай, Человек, тьма — это то- же я! Я — это все! — сказало Солнце и устало прилегло на краю небосвода.

Человек улыбнулся.

— Чему ты улыбаешься? — спросило Солнце.

— Все — это я! — ответил он.

— Да? А чем ты это докажешь?

— Стоит мне захотеть, и ты исчезнешь, Солнце! Ты существуешь во мне. Одно мое движение, и тебя не станет. Вот! — Человек закрыл рукой глаза. — Все! Тебя уже нет!

— Ты нагл, Человек! — воскликнуло Солнце.

— Да! — согласился Человек. — Но я сказал не все. Я могу размель- чить, разделить, раздробить тебя! Вот! — Человек указательными пальцами оттянул веки. И Солнце вдруг почувствовало, как в глазах Человека оно рас- колосилось на мельчайшие сверкающие осколки. И у Солнца сперло дыхание.

— Отпусти меня, Человек! — взмолилось Солнце.

Человек отвел руки от глаз.

Солнце вздохнуло полной грудью.

— А что я тебе говорил? Вселенная — это Человек, и ты служишь ему. Ты сейчас уходишь от меня, уходишь к моему брату — Человеку, а завтра вернешься сюда, чтобы служить мне.

— А если я не вернусь? — спросило Солнце, и в голосе его не было уверенности.

— Вернешься! Ровно в шесть утра ты придешь сюда и весь день будешь служить мне!

— Ты слышишь? — обратилось оскорбленное Солнце к Морю.

— Слышит! — ответил вместо Моря Человек.

Дремавшее Море слышало все. Но ему было лень отвечать. И Море прикинулось спящим.

Солнце взбесилось. Назло Человеку оно готово было сейчас же вернуться обратно, но Время — великий, неумолимый властелин всея и вся — брало свое: Солнце уже наполовину скрылось в воде...

И тогда, спеша высказать свое, Светило воскликнуло:

— Человек! Всему на свете определено свое место! Корова знает, что она должна жить и пастись на земле; дельфину известно, что для жизни ему дано море, а для птицы — рыба; птице велено летать в воздухе и спать на деревьях, пресмыкающимся — ползать на животе и жить в норах... И лишь ты один рыщешь, бродишь, скитаешься, не находя себе места, не зная покоя! Угомонись, Человек! Живи иль на суше, иль в воде, иль в воздухе! Что ты за существо, Человек?! Откуда ты взялся?! Чего желаешь?! К чему стремишься?!

Человек не слышал этих слов Солнца, ибо оно почти уже скрылось за горизонтом.

В последний раз краешком глаза окинуло Светило опустевший берег. Рядом с Человеком стояло его маленькое подобие — Человечек.

— С кем ты разговаривал, дед? — спросил Человечек.

— Сам с собой, внучек! — ответил Человек.

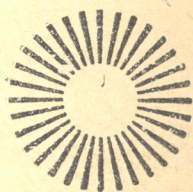
— Гляди, дед! Солнце светится зеленым светом!

— «Да будут счастливы узревшие зеленый луч солнца!..» Так гласит народная молва! — сказал Человек и ласково погладил Человечка по голове.

Там, где только что скрылось Солнце, еще несколько мгновений мерцало зеленое сияние. Но, кроме ребенка, никто из людей его не заметил...

На другой день ровно в шесть часов утра Солнце взошло и золотой диадемой увенчало гору Эрцаху.

Перевод Зураба АХВЛЕДАНИ

ОБЩЕИЗВЕСТНО, что В. И. Ленин с большим интересом читал романы, повести, рассказы, очерки и публицистические статьи Анри Барбюса. Он вообще давал его произведениям высокую оценку.

Анри Барбюс, в свою очередь, с самого начала интересовался деятельностью В. И. Ленина. Еще в годы первой мировой войны он следил за антиимпериалистическими статьями В. И. Ленина в зарубежной прессе. Особенно важно отметить, что эти статьи оказали определенное влияние на идейное формирование писателя.

В 30-х гг. нашего столетия коммунистическое движение во Франции оживилось; оно вступило на путь марксизма-ленинизма. В связи с этим Анри Барбюс решил в понятных широким массам формах изложить основные положения марксизма. Вместе с немецким писателем Альфредом Курелла Барбюс организует перевод на французский язык ленинских «Писем к родным» и прилагает к этой книге очерк о В. И. Ленине.

В книгу вошли письма Владимира Ильича к родителям, написанные с 1894 по 1917 год. Они переведены на французский язык Пьером Моранжем и Мишелем Матвеевым. Эта книга была выпущена в 1936 году парижским издательством «Ридэр». Ей предпослан написанный Барбюсом очерк о В. И. Ленине, состоящий из пяти глав: «Ленин» (стр. 7—23), «Профессиональный революционер» (стр. 23—35), «Политический деятель» (стр. 35—55), «Ленин-теоретик» (стр. 55—72), «Ленин-философ» (стр. 72—83).

В первой главе анализируются письма В. И. Ленина с 1894 по 1917 год. Писатель придает им международное значение, поскольку в них получила отражение повседневная деятельность вождя, его внимательное и заботливое отношение к людям. Это дает возможность лучше понять некоторые до сих пор малоизвестные черты ленинского характера. «Человек, написавший эти письма, — говорит автор, — всегда был подлинным вождем и вдохновителем рабочего движения».

Во второй главе характеризуется революционная работа В. И. Ленина, приводятся много интересных фактов из его революционной деятельности, указывается, что Владимир Ильич был олицетворением профессионального революционера: «Ленин был и остается образцом выдающегося профессионального революционера. Скажем больше: Ленин был отцом этой профессии».

Далее Анри Барбюс разъясняет, что значит быть профессиональным революционером. «Таким образом, — пишет он, — профессиональный революционер — это человек, тесно связанный с движением угнетенных масс, который, в большинстве случаев сам будучи выходцем из их кругов, усвоил марксизм, получил в наследие всю сокровищницу знаний, накопленных человечеством, чтобы передать знания широким массам для пользы освободительного движения. Это — тот человек, для которого в целом мире и в личной жизни существует лишь одно благородное дело, ради осуществления которого он жертвует всей своей жизнью. Прототип такого человека — Ленин».

В третьей главе автор рассматривает В. И. Ленина как политического деятеля, указывает, что направляющей линией для него была политика, а затем пишет: «Для Ленина слова «политика» и «человечность» — синонимы. Когда мы говорим о том, что все действия профессиональных революционеров тесно связаны с их политической деятельностью, проникнуты политическими идеями и партийным духом, тем самым мы заключаем, что Ленин был великим гуманистом».

Анри Барбюс о Ленине

1936340
10000000

Там же французский писатель касается вопроса о партийности; по его мнению, партийность является необходимым фактором для выработки правильной политики. В качестве иллюстрации он приводит ленинскую цитату о том, что «беспартийность — это буржуазная идея, а партийность — социалистическая». «Партия, — продолжает Барбюс, — непрерывно исследует развитие общественных вопросов, изучает их и анализирует все то, что происходит в человеческих отношениях; ее интересует каждый человек... Политика В. И. Ленина, которой он посвятил всю свою жизнь, имеет глубокий смысл. Его «Письма к родным» — это была политика авангарда провозвестников Революции».

В четвертой главе, «Ленин-теоретик», анализируются теоретические труды Владимира Ильича, сыгравшие большую роль в защите основных положений марксизма. В конце указанной главы французский писатель подчеркивает, что «именно Ленин углубил и развил теорию диктатуры пролетариата, красной нитью проходящую через все учение марксизма. Ленин разработал в конкретных формах теорию перехода от капитализма к социализму и построения социалистического общества. Ленин, говоря о гегемонии пролетариата в современной революции, научно обосновал положение о социалистической индустриализации страны. Ленин возвел на высший теоретический уровень национальный и колониальный вопросы, заложив тем самым основу для практического решения величайшей проблемы, волновавшей современный мир. И, наконец, Ленин теоретически обосновал положение об организации коммунистической партии и ее роли в титанической борьбе двух миров в девятнадцатом веке».

Пятую главу своего очерка «Ленин-философ» Анри Барбюс посвящает соображениям В. И. Ленина по вопросам философии и здесь же разъясняет: «Для того чтобы полностью понять Ленина как политического деятеля, организатора и теоретика, необходимо изучить его деятельность в области философии. Сегодня круги интеллигенции разделяют марксизм-ленинизм, а также революционные рабочие прекрасно знают, что марксизм-ленинизм имеет свою собственную философию, и это именно есть материалистическая диалектика. В этом — целиком заслуга Ленина».

Писатель подробно останавливается на вопросе о том, как В. И. Ленин создавал свои философские труды. «С 1904 года, — пишет он, — Ленин ощутил необходимость вернуться к изучению философии... Однако в этом вождю помешала первая русская революция... Все же Ленину в 1908 г. удалось напечатать толстую книгу под названием «Материализм и эмпириокритицизм».

После этого, анализируя другие философские работы Ленина, Барбюс пишет: «В этих работах Ленин делает гениальный шаг вперед в истории революционной мысли. Как известно, Маркс и Энгельс применили диалектический материализм ко всем отраслям науки: политической экономии, философии, естествознанию, политике и тактике рабочего класса. Ленин же уделил особое внимание тому факту, что диалектический материализм — живой дух, теоретический фундамент марксизма».

Далее автор говорит о заслугах В. И. Ленина в области философии: «Ленин защитил философское учение марксизма, вернул рабочему движению материалистическую концепцию и диалектический метод, вооружив большевистскую партию грозным оружием, которое способствовало победе Октябрьской революции и успешному выполнению пятилетнего плана, но заслуга Ленина на поприще философии этим не исчерпывается. Как и в других отраслях общественных наук, Ленин и в философии продолжил дело Маркса, углубив и расширив его в новых условиях своего времени».

Следует заметить, что рассмотренный нами очерк А. Барбюса о В. И. Ленине до сих пор остается неизвестным широким читательским кругам: ни в русской, ни в грузинской критике о нем ничего не сказано. Только спустя двадцать лет после его опубликования отрывки из него были переведены на русский язык и напечатаны в № 4 журнала «Иностранная литература» за 1956 год. Даже в библиотеке Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС не оказалось никаких сведений о нем.

Этот очерк в 30-е годы сыграл большую роль в деле пропаганды марксизма-ленинизма, способствовал победе Народного фронта во Франции. Книга переходила из рук в руки, ее с увлечением читали рабочие, студенты, писатели, ученые... Спрос на книгу был настолько велик, что она была вновь переиздана издательством «Ридэр».

СЕРДЦЕ КОММУНИСТА

Недавно попала мне в руки изданная в 1964 году книжка моих очерков «Человек идет вперед». Я не люблю перечитывать свои произведения в печатном виде. Но на этот раз изменил своему правилу. «Беспокойное сердце» — значилось в оглавлении. У человека, которому посвящался очерк, действительно было беспокойное сердце, сердце коммуниста.

И спустя двенадцать лет решил я вновь с ним встретиться, разузнать, что сделал мой герой за это время, как жил. В газетах мне часто попадались сообщения о нем, не раз я видел его на телеэкране, слушал по радио, и все же захотелось еще раз посмотреть на него собственными глазами.

Но сначала перескажу очерк, написанный в 1964 году, чтобы показать, как стремительно идет по жизни человек, как непохож его вчерашний день на сегодняшний, а сегодняшний на тот, что наступит завтра.

1

Красив мой Тбилиси. Изогнутые, узкие улочки и вытянувшиеся стрелой проспекты, многоэтажные здания и сады, террасами сбегающие вниз, к Куре, и взбирающиеся на горы, чудесное Тбилиское море и величественно вознесенная ввысь Мтацминда, цепочка заснеженных гор на севере и загорелые под южным солнцем лица тбилисцев... Тбилиси — седой и вечно юный. Источенные временем ограды храмов и крепостей, пахнущие известью и штукатуркой новые кварталы и массивы, фабрики и заводы...

Таким Тбилиси сделал человек. Наш город прекрасен не только своими новыми площадями, длинными и широкими проспектами, магистралями и дворами, театрами и музеями, вузами и научно-исследовательскими институтами, академией, памятниками старины. Тбилиси украшают его люди. Я хочу рассказать о славных делах некоторых из них. Они работают на знаменитом заводе, носящем имя Владимира Ильича Ленина и выпускающем грузинские электровагоны.

Сегодня тбилисцы так говорят об этом заводе, столь привычным для нас стало слово «электровозостроительный», словно этот вооруженный новейшей и сложнейшей техникой индустриальный гигант испокон веков существовал в нашем городе. Но оглянемся в прошлое: всего лишь двадцать восемь лет назад по всей нашей стране ходило — ни больше ни меньше — тринадцать электровагонов, привезенных из Италии и Америки. Сегодня же только один Тбилисский электровозостроительный завод ежегодно выпускает несколько десятков электровагонов. Это гигантское предприятие, на котором трудятся четыре тысячи человек, выросло на городской окраине, всего несколько лет назад покрытой лесом.

...Вспоминаю свои беседы с рабочими и инженерами. Листаю старую тбилискую книжку, и перед глазами встают знакомые лица. Вот руководитель бригады коммунистического труда депутат Верховного Совета СССР Василий Папинашвили, энергичный, полный жизни юноша.

347036340
3070010333

Электровоз состоит из двух секций. Одну из них монтировала бригада Василия Папинашвили, другую — бригада Закро Мамулашвили. Обе бригады работали добросовестно, систематически выполняли план и служили примером для всего завода.

«В нашей стране так работают миллионы людей, — задумался однажды Василий Папинашвили, — так работает рядом с нами, в другой секции, и бригада Тимофея Тедеева, так работают и в других электровозных секциях...» Эта назойливая мысль не давала ему покоя, и он пришел к председателю заводского комитета Дмитрию Бакурадзе.

— Вся бригада думает так же, как ты? — спросил председатель завкома.

— Точно так же, — ответил Папинашвили.

— Расскажите, что вы надумали.

— План будем выполнять на 160 процентов, — тотчас заявил бригадир. У него все было заранее продумано, взвешено и согласовано с членами бригады.

— Сможете? — усомнился Бакурадзе.

— Сможем, — ответил Василий Папинашвили. — Будем работать газосварщиками, освоим вторую профессию.

— Вторую профессию?..

— Наберем учеников и воспитаем их, — бригадир не дал прервать себя своему бывшему мастеру, заметив одобрительную улыбку на его лице, и продолжал: — Проведем дорогу в заводской поселок.

Дмитрий Бакурадзе с удовольствием глядявался в бригадира, в его умные, горячие глаза.

— Одолеете, Василий, столько дел? — задумчиво спросил он.

Василий Папинашвили ответил не сразу.

— Когда заводские конструкторы проектировали электровоз Н-8, — сказал, помолчав, бригадир, — многие тоже сомневались, что мы сумеем осилить такое большое дело, но по магистралям страны давно уже ходят наши электровозы.

Узнав о высоких обязательствах Василия Папинашвили, призадумались и в бригаде Закро Мамулашвили.

Как же быть? — рассуждали члены бригады Закро. — Не может ведь бригада, собирающая одну электровозную секцию, работать обычно, по старинке, в то время как другая будет бороться за выполнение повышенных обязательств? Но замысел Василия Папинашвили представлялся им неосуществимым. Потому и не торопились они с выводами. Решили сначала понаблюдать за соседями. Они приглядывались к работе бригады Василия, учились, обдумывали, прикидывали, ни одну мелочь не оставляли без внимания и с каж-

дым днем все больше убеждались в том, что бригада Василия Папинашвили не нарушит слова.

Не зря говорится: горячее желание — половина успеха. Бригада Василия к желанию добавила самоотверженность, чувство долга и сознательность, любовь к своему делу и своему народу. И члены бригады Закро Мамулашвили сами не заметили, как появились и у них и желание, и самоотверженность, и чувство долга, и сознательность, и любовь к заводу, как подключились они к большому делу, сделав невозможное возможным.

Они не брали на себя официальных обязательств, не бросали бригаде Василия Папинашвили вызов на социалистическое соревнование, просто старались работать так же, как Василий и его друзья. Постарались и добились своего. Такова сила примера.

Не только бригада Закро Мамулашвили — весь завод пристально следил за Василием Папинашвили и его бригадой. Их узнавали всюду. И они старались держаться так, как и положено людям, с которых берут пример. Не только трудом выделялись они на заводе — поступками, обращением, даже внешним видом.

— И работают, и живут по-коммунистически.

Эти слова часто можно было слышать в цехах. Членам бригады старались подражать. И это окрыляло их, вдохновляло и сплачивало.

Прошло время. И однажды Василий Папинашвили вновь открыл двери завкома.

— Хотим взять новые обязательства, — сказал он.

— Какие еще обязательства? — удивились члены завкома и переглянулись в недоумении.

— Смонтируем сверх плана пропиточное отделение.

Члены комитета не поверили своим ушам. Вдобавок ко всему тому, что делала бригада, еще и это!

— Сможет ли бригада выполнить обязательство?

— Коммунисты смогут, — сказал один из членов комитета.

— Смогут, — подтвердил второй.

И бригада вскоре оправдала эти слова. Ценой огромного трудового напряжения пропиточное отделение было смонтировано в обещанный срок.

— Почему мы не присуждаем этому коллективу звания бригады коммунистического труда? — заговорили в цехе.

— Бригада примерная как в труде, так и в быту.

— Такой бригады на заводе не было...

- Такой трудолюбивой...
- Такой дисциплинированной...
- Такой образцовой...

На общезаводском собрании было рассмотрено предложение рабочих и единогласно было решено дать бригаде Папинашвили рекомендацию.

Высокоосознательное, поистине коммунистическое отношение бригады Василия Папинашвили к своему делу было по достоинству оценено заводским комитетом. Двух мнений не было.

Кажется, все уже было у бригады: слава, хорошие заработки. Члены бригады работали дружно, слаженно, друг друга уважали, уважали их и все окружающие. Они учились, овладевали новыми знаниями, а значит, и не могли остановиться на достигнутом, не могли жить только сегодняшним днем, не думая о завтрашнем.

Новые обязанности налагало и звание бригады коммунистического труда. И вот, внимательно пересмотрев свои возможности, они убедились, что в работе над секцией сделали все, что могли, благодаря повышению производительности труда, экономии материалов, укреплению трудовой дисциплины перекрыли и свой фонд заработной платы.

Рядом с Василием Папинашвили на другом электровозе работали бригады Нодара Саури и Тимофея Тедеева. Бригада Саури была молодежной — часть рабочих только вернулась из армии, часть пришла из ремесленного училища. Да и сам бригадир не так уж давно работал на монтаже электровозов. Не удавалось ему никак сплотить опытных юнцов в единый коллектив. А это мешало ритмичной работе секции. Поскольку отставала бригада одной секции, поневоле тормозилась и работа бригады Тимофея Тедеева на другой секции. И это задерживало монтаж электровоза в целом.

Нодар Саури со стыда не мог смотреть в глаза рабочим своей бригады и всего цеха. Не справляюсь я с бригадирством, винил он себя, из-за меня дело страдает, электровоз не сойдет в срок. Я позорю товарищей, весь завод! И он решил просить, чтобы его освободили от руководства бригадой. Но это не было выходом из положения.

Василию Папинашвили судьба Нодара Саури и соседней бригады не давала покоя. Его заботило доброе имя цеха, завода. После окончания рабочего дня Василий задерживался на работе, чтобы помочь молодому бригадиру, он давал ему советы, учил, помогал в монтаже, в чтении чертежей. Но Василий сам видел, что всего этого недостаточно.

Саури нуждался в серьезной помощи.

Завод готовился к выпуску созданного грузинскими конструкторами нового электровоза Т-8. Его мощность на 20 процентов превосходила мощность серийного электровоза. Весил он на 8 тонн меньше, а скорость его была выше.

«Все охвачены чувством радости, все хотят внести свой вклад в создание нового электровоза. Нас ждет тяжелая, напряженная работа. И в такое время бригада Нодара Саури стоит на грани развала, — беспокоился Василий Папинашвили. Все, что касалось интересов родного коллектива, товарищей, завода, он считал своим, личным. — Надо поговорить с моей бригадой, как быть, чем им помочь».

Однажды утром Василий Папинашвили случайно услышал упрек, брошенный Тимофеем Тедеевым Нодару Саури: твоя бригада и нас назад тянет.

Во время обеда Василий Папинашвили отыскал в столовой Нодара Саури и подошел к его столу. Молодой бригадир сидел хмурый, насупившийся. Перед ним стоял нетронутый обед.

— Давай выпьем по кружке пива, — предложил ему Василий Папинашвили. Нодар покачал головой.

— Знаешь, — сразу приступил к делу Василий, — мы в нашей бригаде посоветовались, обдумали все и решили перейти на секцию Тимофея Тедеева, а он со своими ребятами пусть идет на нашу.

— Это еще почему? — удивился Нодар и добавил: — Я ничего не имею против Тимофея!

— А против меня имеешь? — улыбнулся Василий.

— Что изменится от такого обмена? — невесело махнул рукой Нодар.

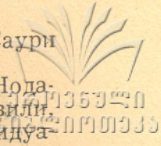
— Посмотрим, может, что-нибудь и изменится, — ответил Василий Папинашвили. Потом встал, подошел к стойке и попросил налить две кружки пива. — Пей, холодное, — сказал он, ставя одну перед Нодаром.

— Подумали ли вы, Василий, что переход на мой электровоз отразится на зарплате всей бригады?

— Мы обо всем подумали, Нодар, — ответил Василий Папинашвили и, стукнув полной кружкой пива по кружке Нодара, добавил: — За нашу совместную работу!

Нодар Саури, не скрывая удивления, смотрел на веселое лицо Папинашвили.

Хорошо понимал Василий, что не так-то легко будет поставить на ноги бригаду Нодара Саури. Для этого придется немало поработать, даже пойти на какие-то жертвы. Отдавал он себе отчет и в том, что на них будут обращены пристальные взоры всех бригад цеха. Но это лишь подстегивало его, укрепляло его веру в успех, заставляло напрягать

все силы, чтобы доказать и себе, и всем вокруг правильность своего решения — вывести бригаду Нодара Саури в передовые.

Первые недели он внимательно приглядывался ко всем членам бригады Саури. Он перераспределил их по рабочим местам, учил, как лучше пользоваться инструментом, для того чтобы выполнять каждую операцию быстрее и качественнее. Он установил им норму ежедневной выработки и, в случае ее невыполнения, выяснял причину, требовал отчета, стыдил: из-за вас, мол, и у нас дело отстает, на нас весь цех смотрит... К каждому из молодых рабочих прикрепил он опытных членов своей бригады, а сам до позднего вечера оставался с ними, помогал доделать то, что не успели за смену, и исправлять ошибки в работе.

И воспрял духом Нодар Саури, приободрились его ребята. Убедились они, что и им под силу работать так, как трудится бригада Василия Папинашвили, почувствовали они, что недалеко уже то время, когда с них снимется позорное клеймо отстающих.

Постепенно стал уменьшаться брак в бригаде Нодара Саури, медленно, но верно повышался процент выработки, из месяца в месяц росла зарплата. Нодар Саури быстро перенимал мастерство и опыт своего шефа. Он начал свободно разбираться в чертежах, работал споро и безошибочно. Соответственно рос у него и спрос с членов своей бригады — он требовал качества, темпов.

«Нодар еще многих в хвосте оставит», — с удовлетворением думал Василий Папинашвили, наблюдая за работой бригады Саури. И действительно

— через восемь месяцев бригада Саури дала 140 процентов плана.

К этим высоким показателям Нодара Саури привел Василий Папинашвили, чья душа чужда корысти и индивидуализма. Чувства долга и коллективизма были двигателями его и его друзей, всего завода, огромный коллектив которого состоит преимущественно из молодежи. Беспечный и неуемный молодой задор проявляется в постоянных поисках нового. Мысли и чувства рабочего и инженера направлены здесь на то, чтобы внести новые усовершенствования в конструкцию электропровода, сделать еще выше его мощность и скорость, снизить брак и себестоимость.

Даже находясь на лечении в санатории, Василий Папинашвили часто ловил себя на том, что думает о заводских делах, о том, почему чрезмерно растянут трубопровод системы управления электропровода, почему не уменьшается его длина... Сколько труб экономит его сокращение, насколько снизит трудоемкость и себестоимость работ!

На второй же день после возвращения из санатория он направился в отдел главного конструктора. С радостью и одобрением встретили конструкторы его предложение, удивились, как не додумались до этого сами.

Василий Папинашвили не заканчивал ни техникума, ни института, ни специальных курсов, но он отлично овладел своим делом, и потому нередко к нему за советом обращались даже инженеры. Ему принадлежит не одно рационализаторское предложение. Так, к примеру, он является автором пневматического станка для вальцовки концов труб. Прежде эта операция делалась вручную, кустарно. Он же сделал и испытательный стенд конических углов.

Окончание следует

ДЕТИ ПОБЕДЫ

ОЧЕРК

НЕ ТАК ДАВНО, когда я перелистывал свою полевую записную книжку, из нее вдруг выпал цветок. Вернее, не выпал, а выпорхнул, трепеще, словно бабочка, своими высохшими, но сохранившими всю причудливость раскраски, спрессованными лепестками. У цветка этого есть своя маленькая история, и попал он в записную книжку не случайно...

Высоко в горах, покрытых огромной толщиной снега, проходило тактическое учение. Когда «газик», натужно рыча, утопая колесами в сплошном месиве снега и грязи, наконец вынес нас на самый гребень перевала, вниманием нашего фотокорреспондента завладел какой-то «неповторимый кадр». С молниеносной быстротой он выскочил из машины и исчез. Его появление также было неожиданным: при спуске по второй спирали горного серпантина впереди нас с крутого обрыва вместе с облаком снежной пыли что-то рухнуло, а когда облако развеялось, перед нами предстал наш фотокорреспондент. Счастливый, радостный, он нырнул в открытую дверцу повеселевшего на спуске «газика» и с возгласом «шедевр!» вручил мне тот самый ярко-голубой, как околыш летной фуражки, с яркими белыми, как снег, прожилками на лепестках цветок.

«Шедевр». Это слово, сразу можно было понять, относилось не к цветку, а к «неповторимому кадру», который, как видно, все же удалось «схватить» фотокорреспонденту. Но цветок... Разве же является он одним из огромного множества шедевров великой кудесницы-природы?

Скоро на одной из высот, господствующей над тесной долиной, разрезанной горной рекой, мы встретились с Героем Советского Союза генералом И. М. Третьяком. Цветок был у меня в руках, и я не преминул показать ему его.

— Полюбуйтесь, Иван Моисеевич, на гостя с перевала. Пятиметровый снег еще держится, а природа представляется в самом красивом виде...

Генерал оказался человеком, обладающим удивительной способностью: не прерывая хода мыслей, которыми он занят в данный момент, сумеет поддержать разговор на вдруг возникшую тему. Вот и теперь, не отрывая взгляда от поля предстоящего «боя» и, видимо, уже рисуя в своем воображении его развитие, он, добродушно философ-

ству, ответил такой глубокомысленной фразой:
— Весна! Весна, дорогой, пошла в горы. Ее остановить нельзя. Необоримый закон природы. Сказав это, генерал как бы ушел в себя. И ясно было: не об одних внешних эффектах весенней поры сейчас он думал, и не только о закономерностях природы.

Генерал думал о другой, непреходящей весне. Он думал о весне исторического 1945 года, о тех, кто своим ратным трудом, не страшась смерти, расчищал ей дорогу.

Вдруг генерал встрепенулся: он заметил выдвижение танков и мотопехоты.

— Вот они, дети Победы! Настоящие орлы!

Как метко сказано: дети Победы!

...Немного раньше мы встретились с группой воинов. Разговорились об учениях, о предстоящем празднике Победы, о том, как идет дела у молодых солдат. Кто-то из старослужащих, окая, сказал:

— Хорошие ребята. Молодцы. Да им и нельзя быть другими, у них скоро двойной праздник — праздник Победы и год службы в армии, а кое у

кого еще и день рождения!

Вот один из них — совсем юный, застенчивый, с большими ясными глазами солдат. Рядовой Хачик Мхитарян. Автоматчик, он по-комсомольски, со всем усердием несет многотрудную службу, завещанную старшим поколением воинов, свято храня верность боевому Знамени, Родине, народу.

Рядовой Михаил Яковлев на семь дней моложе Хачика. Отец его участник Великой Отечественной войны, политработник, имеет правительственные награды. Сын окончил механический техникум, уже водил тепловозы по железнодорожным магистралям, а вот сейчас солдат Советской Армии. Солдат толковый, развитый, сообразительный, знающий цену наказу отца: «Я и люди моего поколения завоевали победу, отстаивали честь и свободу социалистического Отечества, тебе охранять его. И смотри, не посрами чести старших!».

— Устали, ребята?

— Было немного, а сейчас передохнули, и нет ее, усталости.

А за плечами у ребят длинный путь, два трудных снежных перевала, не раз им приходилось покидать свой бронетранспортер, чтобы по глубокому снегу решительными бросками атаковать «противника». И такая бодрость духа! Поистине достойные сыны своих отцов.

Отцов... А сколько этим отцам было лет тогда, в военную лихую годину! При этой мысли я невольно возвращаюсь к генералу. Он закончил войну в возрасте тех «детей Победы», которых я вижу сейчас на поле учебного боя. Но закончил с Золотой Звездой на груди, со шрамами, с осколком, который до сих пор соседствует с одним из самых уязвимых нервов. И, вероятно, эта мера, мера испытаний, мера грозного времени, когда нередко минута равчалась целой жизни, дает ему основание сказать иной раз — я, мол, старик! Вот они какими были, тысячи, сотни тысяч, миллионы отцов Победы. Это были дети отцов первой нашей весны — весны Великой Октябрьской социалистической революции.

— Откровенно говоря, — признался мне генерал, — я раньше не поверил бы, что они смогут преодолеть такое препятствие. Но солдаты — выше всяких похвал! Посмотрите вон туда, пожалуйста.

Я увидел танки, точнее, услышал их мощный рокот. Они сначала шли в глубоком ущелье по узкому берегу реки, потом, когда кромка берега сошла на нет, они, разбрасывая фонтаны брызг, пошли по бурливой воде, затем стали выбираться на крутые высоты. Кто-то пошутил: «Танки-скалолазы». И в этом была доля правды. Вот один из них забрался на самую вершину высоты и, казалось, замер, словно грозный монумент на пьедестале. Но это только казалось. Через мгновение он сделал кивок передней частью и, не страшась крутизны, играя блеском гусениц, устремился вниз, в долину.

Танк подходит все ближе и ближе. Что это на-

писано на башне? Читаем: «Имени Героя Советского Союза гвардии капитана Теплякова». Кто этот герой? Капитан Дмитрий Антонович Тепляков — однополчанин тех, кто составляет экипаж танка имени. Он командовал батареей и героически погиб в схватке с фашистскими «тиграми».

Весь экипаж танка имени Героя Советского Союза капитана Теплякова состоит из воинов, отцы которых — участники Великой Отечественной войны. Механик-водитель танка младший сержант Валерий Мейер — земляк Олега Кошевого. Он знает мать Олега, не раз встречался с ней, и потому образ бесстрашного героя особенно близок ему, а теперь и его товарищам: командиру танка младшему сержанту Михаилу Шевчуку, заряжающему рятовому Юрию Будниченко.

Отцы Победы, герои, обессмертившие свое поколение беспримерными подвигами, отстаившие свободу и жизнь Советской Родины, вместе с детьми Победы, в одном с ними строю, они ведут их, окрыляют, вдохновляют.

Каждый день, каждый час учений — это испытание мужества, силы воли, готовности отдать жизнь за Родину, это испытание человечности советских солдат — да, человечности, потому что советский солдат призван охранять и оберегать Мир во всем мире, жизнь и свободу Человека.

...В воздухе у рядового Бахтияра Мустафаева не раскрылся парашют, и он попал в стропы парашюта рядового Василия Свиначика. Положение было исключительно опасное, но советского воина это не испугало. Свиначик прежде всего думал не о себе, а о товарище. Рискуя собственной жизнью, отважный десантник всеми силами удерживал его до тех пор, пока оба они благополучно не приземлились.

А благородный поступок рядового Омара Джохадзе, который ценой собственной жизни спас от верной гибели мальчика! Какой дух жил в нем и руководил им в сложных обстоятельствах? Не дух ли Александра Матросова, Тины Йосебидзе и многих других, известных и неизвестных героев?!

Ефрейтор Николай Пяскорский добровольно поехал в далекий Алжир. Он извлек из алжирской земли тысячи и тысячи мин, искусно упрятанных изгнанниками колонизаторами, и погиб, подорвавшись на той — последней, роковой...

Эстафета боевой славы продолжается!

Из ущелий, теснин, с высот вышли и развернулись в боевой порядок танки, мотопехота. Заняли свои позиции артиллеристы... И все это двинулось вперед, заговорило и заиграло на своих нотах, создавая суровую, мощную, победную симфонию современного боя. И в этом оркестре все сильнее и сильнее прорывается голос самого юного поколения воинов, детей Победы, достойных преемников боевых традиций старшего и старейшего поколения революционных солдат.

На снимках — эпизоды ратной учебы Краснознаменного Закавказского военного округа. 1. На стартовой позиции — ракетчики сержант А. ТЕВДОРАДЗЕ и рядовой И. СОМОВ. 2. Боевые машины пехоты и вертолеты преследуют «противника». 3. На тактических занятиях в горах воины-альпинисты капитан Г. ГРОМОВ, заместитель командира отличного взвода старший сержант З. ДЖУЛАКИДЗЕ и лейтенант И. ЕГОРЫЧЕВ. 4. Старший лейтенант В. МУРМАНИДЗЕ ставит задачу командиру танка старшему сержанту П. ВИКТОРОВУ.

Фото Владимира АБУЛАДЗЕ

*Критика и
литературоведение*

ПО ТРУДНОМУ ПУТИ...

В НОВОМ сборнике Тамаза Чиладзе «Дворец Посейдона», в который помимо одноименной повести вошли еще рассказы «Журавль», «Пятница» и «Постояльцы», есть все, что определяет своеобразие его прозы в смысле и проблематики, и стиля. Писатель четко разграничил круг своих интересов, выделяющий его как среди грузинских писателей вообще, так и в том литературном поколении, с которым его связывает не только возраст, но и нечто более важное.

Когда мы говорим о новшествах в современной литературе, наиболее показательным в этом смысле представляется именно творчество Тамаза Чиладзе. В нем ясно проявились урбанистический дух и его тенденция, сформулированная, как отчуждение человека, пристальный психологический анализ, увлечение морально-этической проблематикой, заинтересованность судьбой «маленького человека» и многое другое, что сегодня волнует прогрессивных писателей мира. В грузинской литературе все это резко и четко проступает в прозе Тамаза Чиладзе и определяет своеобразие его стиля, глубоко оригинальное художественное осмысление фактов нашей действительности и его писательскую манеру.

Проза Тамаза Чиладзе требует вдумчивого прочтения, напряжения мыслей и чувств, определенного настроения. Иначе невозможно сполна воспринять то, что хочет сказать автор, и покажется менее значительным все, что так глубоко заложено в его произведениях.

На мой взгляд, Тамаз Чиладзе совершенно сознательно и намеренно не вносит в свою прозу ту непринужденность

и свободу, которые делают произведения легким чтением. Обычно в сложных, проблемных, значительных по смыслу и напряженно-драматических, а то и с трагическим звучанием произведениях автор делает короткие или продолжительные паузы, снимающие напряжение, дающие разрядку мыслям и чувствам читателя, и таким путем подготавливает его к новым переживаниям и размышлениям. Я имею в виду не только тот определенный стиль, когда писатель реализует свой глубокий и значительный, а иногда и драматический замысел с помощью легкого тонкого юмора, с улыбкой сквозь слезы, прекрасный образец которой представляет собой творчество Нодара Думбадзе, принадлежащего к тому же поколению, что и Тамаз Чиладзе.

Такие легкость и раскованность в манере письма, дающие возможность отдохнуть от напряженных ситуаций, мы встречаем и в больших полотнах социального или психологического плана, где нет и крупицы юмора. Тамаз Чиладзе не предоставляет читателю таких льгот, и потому в его произведениях нужно вчитываться, они трудны для восприятия. Это обстоятельство еще более подчеркивается тем, что писатель не прибегает к пересказу даже важных, казалось бы, событий, когда уже сюжет, как таковой, овладевает вниманием читателя.

ля. Главным и основным для него все время остается художественная фиксация душевного состояния человека, исследование тех его внутренних переживаний, которые недоступны постороннему взгляду. Вместе с тем он избирает как объект исследования героя обыкновенного, с заурядной биографией, ничем не выделяющегося, а прототипы его персонажей, внешне неприметные, неэффективные, возможно, и вовсе оказались бы незамеченными. Эти типы становятся интересными в художественной интерпретации Тамаза Чиладзе, потому что писатель умеет разглядеть в жизни намного больше того, что доступно нам, читателям, заглянуть глубже в душу своих героев, чтобы извлечь из нее по крупицам и дурное, и доброе.

Все это с самого же начала определяет сложность творчества писателя. Возможно, определенной части читателей трудно воспринять его, но тот, кто однажды ощутил «вкус» его прозы, кому близки острые психологические наблюдения и проникновение в глубины самых тонких движений человеческой души, не может не стать ее почитателем. И тогда между писателем и читателем устанавливается надежный, приносящий взаимное удовлетворение контакт.

Но было бы несправедливо говорить о сложностях прозы Тамаза Чиладзе, исходя из одних лишь читательских вкусов. Самое главное в том, что писатель сам пошел по пути неизмеримо куда более трудному, чем читатель может себе представить. Для него путь психологических наблюдений и анализа проходит не на той умеренной высоте, на которой можно удержаться, ухватившись за любые другие приемы и средства. Этот путь ведет его по очень высокому и опасному краю, когда оступиться — значит обязательно сорваться — в творческом смысле. И Тамаз Чиладзе, взглядываясь и примеряясь, упрямо следует по этому избранному им самим трудному пути, и, по моему глубокому убеждению, эта настойчивая смелость заслуживает быть оцененной по достоинству.

Читая прозу Тамаза Чиладзе, можно ощутить ту огромную борьбу за слово, в которой протекает его работа. Мы часто имеем дело с такими единственно точными психологическими деталями, для осознания которых, тем более — для правдивой и убедительной передачи и полного раскрытия которых, помимо таланта, необходимо и огромное усердие. У писателя, как правило, необычной и сложной бывает не только мысль, но и осложненные формы изображения. И это, естественно, свидетельство не только его профессионального мастерства, но и пристрастия к преодолению трудностей.

А трудности эти — отнюдь не самоцель. Дело в том, что для раскрытия характеров писатель редко использует действие, сюжет, развитие событий — это вынуждает его обращаться к метафорическому мышлению, символизму, ассоциациям, видениям, напоминаниям, к незначительным, на первый взгляд, действиям, на которые, однако, выпадает большая нагрузка. И так через все это, приобщаясь к необходимому психологическому состоянию, мы постепенно, как бы исподволь, будто нанизывая бисер, приходим к тому большому и важному, что и стремится высказать автор. «Дворец Посейдона», «Пятница», «Журавль», «Постояльцы» — все произведения, вошедшие в сборник, в этом смысле в высшей степени показательны.

Ассоциативное мышление писателя, приведенное логикой в единую стройную систему, позволяет прибегать в произведениях к частым переходам от реальности к видениям, от сегодняшнего переживания к прошедшему, от прямого описания к метафорическому. Читатель всегда должен быть начеку, напряженно следить за каждой высказанной мыслью, чтобы не упустить нечто важное. Одним словом, Тамаз Чиладзе требует глубокого проникновения в суть явлений не только от самого себя, но и от читателя, в котором он всегда видит человека заинтересованного, добросовестного и доброжелательного. И мне это представляется очень ценным в его творчестве, потому что Тамаз Чиладзе никогда не пытается ввести читателя в заблуждение, никогда не пользуется «приманкой» для облегчения его задачи. Он уверен, что вопросы, которые он ставит, достаточно важны и требуют к себе серьезного отношения, высокого уровня мышления и способности к сложным переживаниям, высокой восприимчивости.

Целенаправленность же и характер произведений Тамаза Чиладзе обусловили их принадлежность к так называемой «интеллектуальной прозе», которая в высшей степени обязывает к очень развиту, так называемому чувству умеренности, при самой малейшей измене которому в подобной прозе сложности перерастают в запутанность и авторская мысль выглядит туманной, непонятной даже для самого внимательного читателя. Тамазу Чиладзе присуще это чувство умеренности, вернее, он стремится его сохранить ценой большого и напряженного труда, хотя изредка все же переступает эту грань, излишне осложняя повествование сменой времен и видений. Иногда ему не удается найти необходимых штрихов для того, чтобы подчеркнуть эту смену; поэтому установить границы, заметить переходы из одной формы в другую в какой-то мере

бывает трудно и вынуждает читателя возвращаться к уже прочитанным эпизодам, чтобы восстановить правильную ориентацию.

С писателя многое спрашивается. Прежде всего он обязан лучше других видеть происходящее, глубже проникать в душевное состояние своего современника, в его думы и настроения, горести и радости, в слова и дела, слава из этого его нравственный облик. Но для выполнения этой задачи ему необходимы и художественные преувеличения, и подчеркнутое обнажение и горестей, и радостей, поскольку иначе писателю трудно способствовать устранению всего того, что мы называем недостатками.

Тенденция самоудовлетворенности на протяжении последнего десятка лет стала нормой общественной жизни нашей республики, и это принесло нам немало вреда. Имеются в виду не только чьи-то явно выраженные преступные действия. Намного хуже то, что это привело к возведению в норму для иных людей собственничества и эгоизма, личного обогащения, протекционизма, чиноискательства. И грузинская литература прониклась благодушием, хотя некоторые наши писатели и высказали свою непримиримость с этим очевидным социальным злом, писали обличающие произведения.

К творениям такого рода принадлежат и рассказы Тамаза Чиладзе. Правда, в его творчестве нет решительного, любового и резко выраженного протеста. Его произведения не облечены в ту публицистическую форму, в которой обличительный пафос находится на поверхности и заявлен со всей неприкрытостью. В психологической прозе он находится как бы в подвальной ее части, скрыт и, возможно, потому, несмотря на свое приглушенное звучание, ощущается острее. Тамаз Чиладзе целится в душевную черствость или опустошенность. Он более стремится проникнуть к истокам, порождающим эти явления, нежели демонстрировать явные преступления с социальной подоплекой. И думается, такое обнажение тяжелых недугов, требующих длительного лечения, обладает огромной обличительной силой. Основной пафос рассказов, объединенных в этом сборнике, направлен против душевной грубости, человеческой черствости. И еще — Тамаз Чиладзе настойчиво уверяет нас в том, что одним из самых страшных недугов человека является его духовное одиночество. Эти два бедствия часто переплетены друг с другом, так как именно чужая черствость вызывает желание остаться наедине с собой и порождает чувство одиночества. Мы много раз слышали патетические заявления о том, что

в нашей действительности, в условиях такого общественного устройства, проблема душевного одиночества возникнуть не может, что она навязана искусственно и заимствована из чуждого нам образа жизни и чуждой литературы. Но такой ли уж это в действительности для нас заморский фрукт?

Человеку образованному вряд ли нужно внушать, что социалистическое общество видит решение проблемы гуманизма именно в сближении людей, в их объединении, в воспитании чувств коллективизма и интернационализма, а это в основе своей противоречит чувству одиночества, столь характерному для империалистического мира. Но жизнь ведь намного многообразнее и сложнее, чем всеми признанные принципы. И хотя сегодня в нашем государстве принципы социалистического и коммунистического общности распространены больше, чем когда-либо прежде, это все же не исключает возникающего чувства одиночества среди определенной части людей.

Я не собираюсь здесь анализировать одиночество как тенденцию — это дело социологов и психологов. Не хочу сказать и то, что по своему характеру или тем более по своей масштабности и корням у нас оно было бы идентичным тенденции, вызывающей такую тревогу у прогрессивно мыслящих писателей и социологов Запада.

Но так ли категорически исключены у нас тенденции отчуждения человека и как ее следствие — обострение чувства одиночества? Обычно, когда мы говорим о социальных или нравственных пороках, большую часть их обоснованно называем пережитками. Но пережитки эти, к сожалению, достаточно сильны, они глубоко сидят в человеческой природе и не так уж редко мы преодолеваем их силой разума.

Процесс урбанизации, такой всеобщий и закономерный, искусственно воспрепятствовать которому просто невозможно, сам по себе в какой-то мере вызывает тенденцию отчуждения. И надо приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать ее развитию.

Хотя факты раздвоения или духовного очерствения человека в произведениях Тамаза Чиладзе художественно преувеличены, обострены, писатель не искажает правды. После чтения его рассказов возникает потребность проявить тепло и дружелюбие к тем, кто рядом с тобой. Именно в этом активном воздействии на читателя и заключается высокогуманистическое значение прозы Тамаза Чиладзе.

В «Пятнице», «Дворце Посейдона» и «Постояльцах» писатель показывает, как тяжелое душевное состояние одно-

чества и его последствия приходят к человеку на разных этапах жизни.

В рассказе «Пятница» автор с большой эмоциональной силой доказывает, что в нежной, чувствительной детской душе любая рана — большая или маленькая — сказывается острее и болезненней. Он намеренно сконцентрировал внимание на злключениях маленького Миша, довел до крайности и обострил мысль с целью усилить эмоциональное воздействие — таков его обычный художественный прием.

Воспоминание о тех счастливых днях, когда мальчик был у моря вместе с матерью, как чудесный сон, долго не покидает Миша. И хотя он был болен и смотрел на море из постели, все было для него тогда блаженством. Мать в белом платье, белых босоножках и в соломенной шляпе не отходила от мальчика целыми днями, сидела у изголовья, читала ему или занималась рукоделием. И еще — каждый день к морю приходила незнакомая девочка Мзия, которая изредка осмеливалась приблизиться к лежавшему Мише. Этот душевный покой и романтическое настроение, которое усиливали и девочка Мзия, и высокие сосны на берегу моря, и ослепительно сверкавшее там, за соснами, море, — все это освещало его детские представления иным светом. Мечтательная натура Миша с удовольствием поддавалась такому настроению. В душе мальчика жили большие красивые мечты, которые, заполняя ее, почти не оставляли места для размышлений о реальной жизни. Поэтому мы не удивимся, когда прикованный к постели Миша, проведя рукой по покрывалу, скажет Мзии: «Это снег, я лежу в снегу». Или еще, когда звон колокольчика Элы, дочери дачника-соседа, уносит больного мечтателя в мир облаков и звезд.

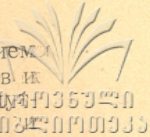
Из мира далеких звезд и синего морского простора Миша возвращается в реальный мир: здесь же, на отдыхе, он ощутил первый холод зла. Чтобы увидеть Мзию и море, Миша с высокой температурой удрал из дому; бедняга забрел в чей-то двор, чтобы обмыть больное колено, а хозяин дома огрел его крапивой по коленям, чтобы «отучить гулять по чужим дворам». Всего несколькими штрихами рисует писатель тип этого собственника с колпаком из женского нейлонового чулка на лысой голове, до самых ворот хлеставшего напуганного Миша пучком крапивы по коленям, и нам сполна раскрывается характер этого жестокого существа.

Писатель рассказывает о том, как Миша бежал домой и громко плакал. Сердце у него разрывалось. Иногда он отставивался и притрагивался к горевшим коленкам. Ему так хотелось, чтобы все видели эти совершенно незащужен-

но причиненные ему страдания. Но никто не остановился, никто не обратил на него никакого внимания, никто даже не взглянул в его сторону.

Это был первый горький урок для мечтателя Миша, и этот урок так и осел в глубине его души. Но от присутствия матери и близости моря исходил душевный покой, который перевесил это переживание и снова наполнил мальчика счастьем. Вскоре это равновесие снова нарушилось: вокруг маленького Миша разыгралась семейная драма. Писатель не пытается разобраться, кто в ней прав, кто виноват, хотя будто исподволь отдельными штрихами проявляет к этому свое отношение. Мать оставила семью. Отец, известный певец, выглядит достаточно примитивным, холодным и эгоистичным человеком. Но и тот, из-за кого ушла мать и кого мы вместе с Миша сумели окинуть минутным взглядом, тоже покажется нам душевно черствым человеком. И мы догадываемся, что трагическая смерть матери вовсе не случайность, потому что произошла она непосредственно после ее встречи с мужем. Мы подозреваем, что это был роковой шаг доведенной до отчаяния женщины, сделанный совершенно сознательно при столкновении со столь искусно замаскированным злом. Но писателя интересует не эта драма, а ее отзвук в душе подростка, травма, которую он в связи с ней переживает, его надлом. Все это в произведении раскрыто с большой художественной правдой и глубиной. Семейная идиллия нарушилась, и Миша тотчас же начал со всей остротой ощущать душевную грубость, сталкиваясь с ней на каждом шагу. Ближайший их сосед Робинзон с клеймом обывательского счастья на всем его существовании: собственная «Волга», расстегнутая на жирном животе сорочка, постоянное довольное похихикивание. Он тешит собственное достоинство лишь ущемленным достоинством другого, пусть даже ребенка. Смакует каждую деталь чужого несчастья, отравляя мальчику существование. Так родная и близкая Миша обстановка превращается в нечто чуждое, жестокое, где ребенок одиноко мечется, не находя себе места. И сейчас перед глазами впечатлительного мальчика носятся уже совсем другие видения. Так, он ясно увидел довольного и сытого Робинзона Крузо, развалившегося на солнце с трубной в зубах, а в ногах у него примостился несчастный Пятница, с собачьей преданностью заглядывающий ему в глаза. Может быть, вместо Пятницы он сам был в ногах Робинзона, и тот, когда ему вздумается, щелкал его по голове, так как не умел ни бросать камни, ни курить трубку.

Хотя в душе Миша и пробуждается тот ли протест, то ли инстинкт самосохра-

нения, ему все равно уготовлена роль Пятницы, поскольку вокруг него сильные и черствые люди. И им все больше овладевает желание уединиться, потому что контакт с людьми не приносит никакого утешения.

Миха проходит через все, что обусловило его надлом в жизни, потому что не нашлось человека, который бы просто подсел к его постели хотя бы только для того, чтобы взглянуть на него, погладить по голове, побыть с ним.

Трагическая смерть матери заставила его остро ощутить мучительное чувство одиночества, Отец готовится к панихиде, как к спектаклю, он плачет навзрыд и тут же в соседней комнате деловито спрашивает Михаила: «Ты почему не плачешь?» — и при этом смотрит в зеркало. Этот лицемерный спектакль включает «бодрый, как пионерский горн», голос Робинзона, этого церемониймейстера панихиды.

Преисполненный искренней печали Миха удирает с кладбища, не вынеся этого фарса. Его впервые одолевают мучительные раздумья о смысле жизни и смерти.

То, что довелось пережить Миха, раньше времени вывело его из детства, заставило по-иному осмыслить происходящее.

Примерно в той же степени чувство одиночества овладевает и Гигой из «Дворца Посейдона». Разница между этими двумя персонажами не только и не столько в возрасте. Если путь к одиночеству одного пролегает сквозь душевную черствость окружающих, то в другом случае это чувство вытекает из качеств, заложенных в самом человеке. В отличие от Миха, ставшего жертвой человеческого цинизма, Гига сам приносит в жертву обывательскому благополучию одно из подлинных человеческих сокровищ. Он сам выбрал «возникшую как бы саму по себе в повседневной суете бетонную дорогу равнодушия, которая объединяет кратчайшее расстояние между двумя точками — бытием или небытием». И если Миха счастливые видения прошлого успокаивают, то Гигу они только раздражают, потому что он сознательно сошел с той дороги, которая ведет к настоящему счастью.

«Рядом с жизнью человека течет многоводная река его памяти, иногда она выходит из берегов, и мы по шее стоим в ледяной и мутной воде». Эта сентенция, высказанная громко, вслух, принадлежит Гиге. И если в начале рассказа она режет слух, то в конце с поразительной отчетливостью проясняет весь ужас душевной дряхлости и опустошенности героя. И будто бы обнадеживающий финал: «Моя квартира была полна моим тихим пением, стуком печатной машинки, дымом моих сигарет, ше-

потом Лии, гиканьем Мамуки, гудением телевизора, и свитая из этих звуков и ощущений сеть вытягивала меня из мутной и ледяной воды, куда-то толкала, в голове стучало: я должен жить, жить, жить!» — в действительности наполняет нас чувством безнадежности: Гиге ничто уже не поможет. Он так глубоко завяз в болоте обывательского счастья, что не хочет даже рукой пошевелить, чтобы помочь самому себе, а теплый и прозрачный ручеек его памяти представляется ему мутным и ледяным потоком.

Фактически это означает и раздвоение человека, когда он действует против своих убеждений и своего назначения. К такому положению ведет если не множество, то, к сожалению, несколько хорошо утопанных дорог. В их числе и самая знакомая — дорога, выбранная по слабоволию человека, когда он спокойно отдается течению жизни, ищет легкого выхода, легко расстается с собственными убеждениями и идеалами, чтобы найти кратчайший путь к обывательскому благополучию. И если на этом пути совесть все-таки мучает его, это еще очень далеко от трагических переживаний.

Трагизм только тогда сопутствует душевному раздвоению, измене или потере убеждений, подавлению собственного «я», когда все это происходит вынужденно, под воздействием внешних сил. И Гигу когда-то подтолкнули: в свое время ограниченный и сухой редактор преподал молодому писателю первый горький урок жизни и подсказал «простое» решение, а тот, по слабоволию, рабски последовал неразумному совету. Видимо, убеждения его были недостаточно тверды, чтобы любой ценой отстаивать свои идеалы и верность призванию, чтобы, преодолевая любые преграды, бороться за поставленные цели. Потому он с легкостью и оставил избранный в литературе путь и переключился на другой жанр, чтобы добиться хоть сомнительного, но легкого успеха. И хлынул поток его легковесных рассказов и романов.

Гига хорошо осознает происходящее, но у него не хватает твердости духа, чтобы сойти с протоптанной дорожки, отказаться от обывательского существования. В этом нас глубоко убеждают его исповеди.

Гига утратил желание стать настоящим писателем. Вместе с Лией для него не существует «лирика жизни, которая нежит человеческую душу». Он сознательно сказал свое «нет» искренним отношениям, настоящей любви, человеческой жизни. И все это он променял на работу, не приносящую удовлетворения, на лицемерные по сути своей отношения, на «мою пепельницу», «мой

стул», «мой стакан», «мою тарелку». И исчезли хоть что-нибудь из того, что тешил его собственническое нутро, он почувствует себя «как близорукий, потерявший очки».

Он создал себе собственную комфортабельную тюрьму, убежал от настоящей жизни, незаметно стал пленником собственной квартиры, где, шаркая теплыми домашними тапочками, ходит из одной комнаты в другую. Когда же, измельчавшего от такого бытия, его изредка одолевают неприятные мысли, он, лежа в темноте, утешает сам себя: «Лучше побеспокоиться о себе, угрызения совести — это не что иное, как признаки скудоумия. Изволь пребывать в своей шкуре».

Мы не часто сталкиваемся с фактом, когда герой на наших глазах с таким самозабвением срывает маску, которой он пытался прикрыть свою сущность, свою внутреннюю опустошенность. Ему некого обвинить, он сам предпочел просторному владению Посейдона, наполненному светом, обывательскую берлогу, комфортабельную тюрьму, где есть все, кроме главного — гордой и мечтательной души.

С большой силой во «Дворце Посейдона» раскрыто «вознесение» Гига, а по существу — итог его бессилия и падения.

Доброе начало, которое было заложено в нем и смолоду пыталось пробиться наружу, — оно-то и было залогом подлинного человеческого счастья, — с годами оказалось подавленным бездушием, безволием, душевной черствостью.

Но нельзя не заметить и того, что в рассказах Тамаза Чиладзе, которые покоряют нас как бы приглушенной, неназойливой, естественной манерой, вдруг иногда обращает на себя внимание небрежно положенный цвет, выпадающая из общего тона деталь, нарушающая художественную гармоничность. Литература — вещь тонкая, и как только в повествовании возникает нечто режущее глаз или слух, оно воспринимается как манерничанье, и произведение теряет живую красоту, начинает походить на искусно наряженный манекен. Так во «Дворце Посейдона», особенно вначале, мы не можем не почувствовать стремления к «красивости» в повествовании. Но такую манеру можно оправдать и тем, что рассказ написан от первого лица — герой сам раскрывает свое душевное состояние, и подобный стиль в устах такого позера, как Гига, почти естествен. Когда же начинается самообличение, он сам вынужден заменить свою высокопарность сатирической интонацией, язвительными и насмешливыми штрихами, чтобы нарисовать свой собственный портрет.

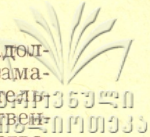
Та иллюзия семейной идиллии, которую искусственно создали Гига и его супруга и которую они так настойчиво утверждают в своей среде, выливается в кукольном домиком, и, если бы не усердие их обывательских душ, он давно был бы разрушен. Им обоим выгодна эта лицемерная игра в большого писателя и его супругу, так как это льстит их тщеславию, приносит удовлетворение в чисто бытовом плане, который выдвинут ими на главную линию их жизни и изгнал из их душ стремление и способность познать настоящее счастье, вытравил даже потребность в этом. Когда в их семье появляется Софиго и напоминает о гордом и вольном царстве Посейдона, возвращая их к памяти о настоящих ценностях жизни, ими овладевают мучительные переживания, отнюдь не приносящие духовного очищения.

Гига не сумел установить никакого духовного контакта ни со своей женой Лией, ни с сыном Мамукой. По существу каждый из них троих совершенно одинок в своем доме. Постоянно обманывая друг друга, они пытаются создать иллюзию благополучной семьи. Гига лицемерит, когда говорит: «Внезапно неопикуемый страх овладел мною: неужель и вправду я был один, отверженный, сидя и прячась в «блестящем музоре». Он прекрасно знает, что так оно и есть, ведь он сам убедил нас в этом, но из этого спектакля, который годами разыгрывали в его семье, прошлое было изгнано, как нетерпимый, грубый, бестактный, говорящий все в лицо актер. И сейчас, когда даже на секунду все это стало предметом раздумий, произошло, как непрочно и зыбко обывательское счастье, как оно раскалывается при малейшем испытании. Гига пытается усомниться в своем духовном одиночестве, хотя и знает, какая это горькая правда. Он изо всех сил хочет отогнать от себя мысли об этой правде и убедить себя в том, что истинное счастье — в том благополучии, которым он себя окружил.

В этом рассказе духовно одиноки все — и Гига, и Лия, и Мамука, и Софиго и ее ребенок или пасынок — средство от одиночества, само по себе обреченное на одиночество. Но Софиго такое вынужденное бытие причиняет острую боль. Дети же еще ничего не понимают, но предчувствие какой-то страшной опасности, злого наваждения заставляет их будто замереть в ожидании.

В рассказе «Постояльцы» мучительное чувство наполняет трагическими переживаниями главного героя — Иону. Его никто не понимает — ни жена, ни сын, ни окружающие.

Ближе всех для него был друг или добрый товарищ Силован. Когда возникала острая потребность в общении с кем-ни-

будь, он обращался к нему. И не потому, что их как будто должна была объединить общность интересов: сам он был учителем пения, а Силован — артист. Отнюдь. У них было очень мало общего, но Иона чувствовал, что у обоих одно похожее невысказанное страдание.

Так в чем же причина одиночества Ионы? Он сам не умеет высказать, что его мучает, а никто из родных и близких не пытается заглянуть ему в душу. Потому он часто попадает то в смешные, то в нелепые положения. Иона не отличается энергичностью и активностью. И все его начинания, связанные с желанием сделать что-нибудь значительное, обычно принимают самый нежелательный оборот. А близким его инертность кажется выражением равнодушия, внутренней пустоты, и они даже не подзревают, как ошибаются в своем отношении к нему. Только добрый и чуткий глаз писателя замечает, как сердце Ионы полно непроявленной или невысказанной любви ко всем, кого он встретил на своем жизненном пути, — к жене и детям, заброшенным войной постояльцам, соседям, даже к первому встречному.

К своей жене Иона не испытывает ничего, кроме любви и самых теплых чувств, хотя она причинила ему немало душевных страданий. Вся «вина» Ионы становится ясной из его же исповеди: «Потому никто не любит меня, что я умею разговаривать без толку. Оставьте меня — я буду говорить сам с собой, вас не побеспокою! Бедная Элисабед, — вдруг пожалел он жену, — чего ты, женщина, убиваешься? Вот уже двадцать лет ты моя жена, до сих пор не поняла, что я представляю собой? Правда, иногда я думаю одно, а говорю другое, но разве я этого хочу? Что мне делать...».

Да, Иона действительно не отличается красноречием, но ведь никто и не пытается понять его.

«В этом мире все любят своих — и человек, и птица и, если хочешь, улитка. Этой маленькой любовью мир сплетен как гнездо. Я же, как выпавший из этого гнезда птенец, и бьюсь для самого себя» — в этом самая большая боль и мука Ионы, но в его сердце от этого не убавилось ни теплоты, ни сочувствия к ближнему. Иона преисполнен любви к окружающим, его самого же никто не любит. Иона всюду сеет добро, но покинуть его ему самому не приходится. Иона великодушен, ему же никто ничего не прощает.

Эту трагедию доброго, тихого человека Тамаз Чиладзе раскрывает с психологической глубиной, отчето рассказ, наполненный не только человеческим сочувствием, но и подлинными художе-

ственными находками, волнует и надолго остается в памяти. Особенно драматичен финал рассказа. Иона окончательно убеждается в том, что его единственная надежда — сын Вахтанг, существование которого помогло ему верить в свое спасение от одиночества и ради которого он жил, отказывая себе во всем и состарившись раньше времени, оказался по сути чужим для него человеком...

На первый взгляд рассказ «Журавль» по своему настрою и смыслу стоит в этом сборнике особняком. Но, по существу, и он органически связан с общей проблематикой. Дело не в том, что трудовой человек, старый рыбак Або или священник горько сетуют на судьбу, испытывая одиночество, и даже не в том, что герои рассказа Цира и Уча — а это очевидно — страдают от духовного сиротства. Главное заключается в очень глубоком и тонком раскрытии неиссякаемого внутреннего стремления человека к вольной и полной надежде жизни.

Подавляющая душу атмосфера одиночества порождает естественное желание разорвать ее. Одним оно присуще в острой, пронзительной форме, другим в более мягкой и невнятной. Иона из «Постояльцев» самый пассивный и подавленный человек из всех, о ком рассказал Тамаз Чиладзе, но и его сжигает это желание.

Гигой из «Дворца Посейдона» также иной раз овладевает желание разрушить стены возведенной его же руками духовной темницы. С завистью смотрит он из собственных окон на бурлящую жизнь улицы. Гита еще не однажды убежит из дому и будет бродить без цели в раздумье, но он внутренне так прирос к своей комфортабельной тюрьме и сжился с ней, что в конце концов сам покорно возвращается туда. Намного смелее и сильнее Гиги маленький Миха («Пятница»), который в знак протеста оставляет удушливую обстановку, хотя идти ему совершенно некуда. Но все же это неодолимое желание освобождения, которое живет в нем, вселяет надежду, что Миха найдет свою дорогу в жизни.

И наконец, своеобразным символическим выражением фанатического стремления человека к преодолению духовного одиночества является рассказ «Журавль». Цира, по мнению окружающих, чудачка. Это странная молодая женщина, резко выделяющаяся среди снующих на ярмарке людей своим красным зонтом, белой одеждой и белыми босоножками, а главное — внешней невозмутимостью и мечтательным взглядом. Она вносит в притихший дом Уча мягкую грусть и улыбку. Мы наблюда-

ем за ней, когда она, преисполненная нежности, общается с природой, как украдкой улыбается своим мыслям, как тайком, спрятавшись в укромном месте, горящими глазами следит за жизнью провинциального аэродрома, где один за другим взлетают в воздух самолеты. Кто знает, что за огонь сжигает ее сердце, какая мечта уносит ее к далеким и неизвестным дорогам. Уча чувствует, что это волнующее, переполняющее Циру стремление — ее тайна, познать которую ему не дано, но и без нее представить себе жизнь Циры невозможно. Писатель же хорошо знает, какие истинно человеческие переживания скрыты в этой неодолимой любознательности Циры, в ее

мечтательной душе, в ее жажде сломать все, что порождает душевное одиночество. Потому и проявляется Тамаз Чиладзе такое сочувствие к своей героине, потому и рисует с такой любовью образ прекрасной, непонятной для окружающих, но такой привлекательной для читателя женщины.

Рассказы Тамаза Чиладзе, вошедшие в сборник «Дворец Посейдона», являющийся образцом сочетания элементов интеллектуальной, психологической и лирической прозы, звучат как предостережение и напоминание о том, к каким тяжелым последствиям приводят душевная грубость и черствость, эгоизм и самоотчуждение.

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ внимание наших критиков все больше привлекает жанр поэмы. Одни — анализируют ее конкретные образцы, другие — пытаются обнаружить новое в этом виде творчества, третьи — прослеживают эволюцию жанра, четвертые — высказывают общие наблюдения над ним, пятые — делятся своими раздумьями о поэме и так далее.

Такой повышенный интерес свидетельствует о том, что поэма сегодня владеет умами и читателя, и критика. Разговор о ней продолжается, и наш журнал тоже предоставляет свои страницы авторам, полемизирующим вокруг вопросов, связанных с этим жанром. Есть в их суждениях и совпадения, и расхождения. Они естественны и плодотворны, ибо, как известно, истина рождается в столкновении мнений. Редакция наша также полагает, что такое обсуждение пойдет на пользу делу. Поэтому, напечатав в первом номере этого года статью К. Имедашвили «Пафос утверждения личности» (имеется в виду в поэме), в апрельской книжке журнала мы снова предлагаем вниманию читателя высказывание на эту тему, но уже представителя более старшего поколения современной грузинской критики.

Владимир ДЖИБУТИ

ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЛО ТРЕБУЕТ ГЕРОИЧЕСКОГО СЛОВА

ЖИЗНЬ выдвигает все новые и новые проблемы. Расширяются физические и духовные возможности человека, растут его запросы. Все это, естественно, влечет за собой качественные изменения во всех сферах человеческой деятельности. И если литература действительно зеркало жизни, то все эти процессы не могут в ней не отразиться.

Взять хотя бы поэзию. Здесь наиболее ощутимы перемены, которые произошли в нашей жизни за последние годы. Прежде всего это проявилось в раскрепощенности стиха, в расширении его возможностей, в неустанных поисках новых средств выражения, соответствующих напряженному ритму наших дней. Грузинский стих заметно трансформировался. Изменения тут происходят в границах жанра и касаются преимущественно формы. Однако, говоря о расширении жанровых границ, нельзя забывать, что любое качественное изменение определяется прежде всего содержанием и никак не исчерпывается поисками одной лишь формы, которая, родившись, подскажет все остальное. Ведь бессмертное творение Шота Руставели — это тоже поэ-

ма, но поэма, вобравшая в себя все могущество, все величие и всю силу этого жанра. А ведь стихотворный размер «Витязя в тигровой шкуре», так называемый шаири, был известен в Грузии задолго до появления этого произведения. Следовательно, важно, не каким размером оно написано, а как написано, какой идейный и эмоциональный заряд несет. Вот уже более семи столетий идут рядом с нами герои Шота Руставели, и никому никогда не придет в голову сказать, что они устарели. Точно так же никто сегодня не станет писать поэму этим традиционным размером. Так в чем же все-таки дело? А дело в том, что каждая эпоха рождает свой стиль выражения, ибо ни одна литература не может существовать вне своего времени. Именно глубокой связью с жизнью народа, с его культурой и духовным миром определяется долгая жизнь того или иного произведения, непреходящая ценность его для последующих поколений. Насколько поэт сумел выразить свое «я» через своих героев, настолько он опередил своих современников, предопределив тем самым успех своего творения. Следовательно, не форма, а содер-

жание — первейший фактор развития жанра, обуславливающий его границы и возможности.

Возьмем, к примеру, поэму Галактиона Табидзе «Джон Рид». Она уже не укладывается в традиционное, классическое понимание этого жанра и является собой его новаторское развитие, приближение к действительности, к бурным ритмам революционного преобразования общества.

Даже на этих примерах можно проследить эволюцию данного жанра. Если раньше поэма предполагала рассказ о жизни героя, прослеживала его путь на определенном отрезке времени, то впоследствии на смену ей пришла поэма не с одним, а с несколькими героями. Отсюда уже лежал путь к обобщенному, собирательному образу, к поэмо-монологу, обращенному к современникам, к потомкам. В такой поэме героем может быть не только конкретное лицо с конкретными делами, участвующее в конкретных событиях. Это может быть и образ собирательный — народ, эпоха, событие. В конце концов, герой — это и взволнованный голос публициста, обращенный к людям и призывающий их к новым делам и свершениям во имя тех великих идей, проводником которых выступает автор.

Поэма — это художественное полотно, открывающее возможности для больших обобщений, для глубокого проникновения в мир нашего современника, человека, освобожденного революцией, как писал М. Горький, не только социально, физически, но и эмоционально, интеллектуально. Говоря его же словами, «жизнь требует героической поэзии», а «героическое дело требует героического слова». Героический же эпос нашего времени требует поисков новых способов всестороннего изображения социалистической действительности. Конечно, это отнюдь не означает, что классическая форма эпоса потеряла свое значение. Наоборот, она остается основной формой эпического воплощения действительности. В классической форме воплощены многоплановые поэмы таких замечательных поэтов, как Г. Леонидзе, А. Мирцхулава, К. Каладзе, Г. Абашидзе, О. Челидзе, Х. Берулава, О. Чиладзе, и некоторых других. Это не мешает их произведениям быть достигшими современной советской грузинской поэзии, вызванным к жизни новой действительностью.

Так какой же должна быть сегодняшняя поэма? В первую очередь — современной, проникнутой ясной мыслью, высокими идеалами, духом коммунизма.

Это вовсе не означает, что лирика на сегодняшний день утратила свое значение. Она всегда была и остается душой поэзии. Но лирика, ограниченная

камерными, индивидуальными рамками, насыщенная субъективными образами, не может основываться на глубокой мысли, на жизненном материале. Лишь поэзия высокого идейного содержания и здравого смысла может иметь широкое общественное звучание. Возьмем, к примеру, ранние стихотворения Валериана Гаприндашвили. Они почти однородны по настроению, пассивно созерцательны, овеяны духом безысходного пессимизма.

Кромешный мрак — как избавленья
дар —
Позор сокровет, боль души врачуя,
Крест одиночества в ночи влачу я,
Во тьму бегу я, как Элеазар.

(Перевод Д. Голубкова)

«Сентиментальный триолет», «У рояля», «Я — в зеркале», «Ночные листья» и другие стихи, созданные поэтом до революции под влиянием декадентской литературы Запада, давно забыты, несмотря на изысканную форму и высокое мастерство. Надо сказать, что стихотворение вообще самый совершенный способ рационального использования слова человеком, и разминывать его на пустые дела — равносильно преступлению. Если же говорить более конкретно, то поэзия не может плестись в хвосте событий. Она должна обгонять время, помогать человеку в его борьбе за новое, указывать пути к нему. Эту истину В. Гаприндашвили твердо и глубоко осознал после великих преобразований реальной действительности, происшедших в нашей стране. Один из основоположников поэтической школы «Голубые роги» Тициан Табидзе писал: «Нас, как и русских футуристов, спасла Октябрьская революция, совершенно перестроив всю нашу жизнь и в перестройке изменив сущность поэзии». И это действительно так. Стихи Т. Табидзе и В. Гаприндашвили (который тоже был членом символистской школы «Голубые роги»), написанные после Великого Октября, коренным образом отличаются от всего созданного ими раньше и отвечают высоким требованиям эпохи.

Торжество революции вызвало к творчеству лучшие силы, эпоха Октября расширила поэтический кругозор и Т. Табидзе, и В. Гаприндашвили, которые отметили анархистское понятие «свободы творчества». Свобода творчества — это животворный метод социалистического реализма, подразумевающий подлинное многообразие форм, отражающих нашу действительность. Вот как воспринимает В. Гаприндашвили новое, рожденное социалистическим укладом жизни:

Этой музыке неумолкающего труда,
Что годами творят в напряжении
вечном Советы,
Всей стране, что всегда,
Как герой и строитель, тверда,
Стих поэта сегодня опять посылает
приветы.
О, страна, что скажу? Вдохновенне
и горячей
Говорили другие с тобою. Я лучше бы
вывел
Просто чувства мои, как толпу
изумленных детей,
Что смиренно букеты тебе поднесут
полевые.
Что ни фабрика, что ни колхоз,
созидается в них

Новый пламенный ритм.
Он гармоний грядущих основа,
Ледники против нас,
Мимо бездн мы проходим крутых,
Но мы были бесстрашны
И будем бесстрашными снова.

(Перевод С. Спасского)

Итак, талант — это огромное дарование, высшая его степень, но это еще далеко не все. Для глубокого показа жизни необходимо уметь находить в ней ростки нового, правильно отражать жизнь. Нужно, чтобы талант писателя, художника основывался на передовом мировоззрении. Это подтверждает и творчество В. Гаприндашвили. Будучи до революции и по стилю, и по мировоззрению типичным выразителем идей декаданса, он после октябрьских преобразований сознательно пришел к пониманию идей, рожденных новым миром. Это еще раз говорит о том, что подлинно большой поэт никогда не может стоять в стороне от жизни, занимать позицию наблюдателя. Поэт — всегда активный борец за утверждение нового, передового. Быть на уровне задач, выдвинутых эпохой, утверждать всем своим творчеством правду жизни — к этому призывает нас партия. Наступательная боевая пропаганда наших достижений, утверждение коммунистической идеологии — вот что должно стать основой творчества каждого художника.

Нельзя не отметить, что наступательный и боевой дух всегда был присущ грузинской советской поэзии, рожденной в двадцатых годах в битвах за

торжество идей Октября. Продолжая и развивая традиции наших классиков, Г. Табидзе, И. Гришашвили, Г. Леонидзе, А. Абашели, Т. Табидзе, П. Яшвили, С. Чиковани и другие создали немало блестящих жизнеутверждающих произведений, в которых с большой художественной силой отражена современная жизнь, в ярких образах переданы мысли и чувства, думы и чаяния советского человека. Эти стихи насыщены глубоким содержанием, актуальными проблемами нашей эпохи. И поэтому не случайно они нашли горячий отклик в сердцах читателей.

За последние годы в нашу поэзию пришли молодые поэты, которые художественно зрело отражают жизнь и духовный мир советского человека, его передовые стремления. Назову хотя бы Заура Болквадзе, чьи произведения смело можно отнести к лучшим образцам социалистического реализма. Успешно работают в жанре поэмы и такие молодые поэты, как Дж. Чарквиани, Г. Гегечкори, Т. Чангурия и другие.

Однако это отнюдь не значит, что мы должны успокаиваться на достигнутом и замалчивать недостатки, присущие отдельным стихотворениям, лишенным четкой идеи, мысли, широкого общественного звучания. Встречаются, к сожалению, стихи, в которых игнорируются основные принципы искусства — простота и естественность, совершенно нивелируется позиция автора, предвещающего перед читателем в роли пассивного созерцателя жизни. «Если не о чем говорить, то надо молчать. Таков первый закон искусства», — говорил великий французский писатель Ромен Роллан. Как не напомнить его иным поэтам? Молодым авторам, у которых все еще впереди, не вредно помнить эти слова как одну из важнейших заповедей. Тем более что народ наш сейчас, как никогда, пожалуй, проявляет огромный интерес к поэзии, в частности, к стихам, насыщенным пламенным гражданским пафосом. Гражданственная, а также и философская лирика имеет у нас большие традиции, и вполне понятно, что стихотворение, лишенное глубоких чувств и мыслей, не сможет утвердиться в нашей литературе, почетная задача которой — служить людям, строящим коммунизм.

●
АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ
И ГРУЗИЯ
●

ДРУГ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ уделял литературам народов СССР особое внимание, считая, что развитие каждой из них в общем труде по созиданию коммунизма ведет к новым достижениям всей советской многонациональной литературы, укрепляет ее авторитет и международное значение. Не случайно в замечаниях на проект схемы-плана «Истории советской литературы» А. Фадеев настаивал на широком показе процесса развития советской литературы как литературы многонациональной.

Рассматривая план главы «Пути развития советской литературы», он писал: «В этой главе фактически говорится только о русской литературе. Это неправильно. Нужна специальная глава о многонациональной советской литературе. И примеры (везде!) должны быть взяты из литературы всех народов СССР... И нужно дать гораздо больше статей (индивидуальных) о писателях нерусских — украинских, белорусских, грузинских, армянских, казахских, татарских, таджикских и т. д.»¹.

Верно подметил в своих воспоминаниях поэт Гурген Борян: интерес А. Фадеева к братским литературам не был «ни формальным, ни должностным», а

«проистекал из всего его существа»¹. «Чисто русский человек», А. Фадеев, по словам Шалвы Дадиани, «всегда разделял горе и радости всех других народов»².

Ратуя за развитие национальных литератур, А. Фадеев стремился как можно глубже постичь жизнь, быт, традиции того или иного народа с тем, чтобы лучше понять его культуру, литературу, искусство. В полной мере это относится и к Грузии, о которой Фадеев сказал однажды, что это «одна из действительно поэтических стран с очень большим поэтическими традициями в созвездии наших народов»³. Сам он неоднократно бывал в нашей республике.

В период работы над четвертой частью романа «Последний из удэге» А. Фадеев несколько месяцев жил на Черноморском побережье Грузинской ССР — сначала в Синопе, потом в Сухуми (с ноября 1935 г. по май 1936 г.). Абхазия оказалась для А. Фадеева ис-

¹ Г. Борян. С Александром Фадеевым. «Литературная Армения», 1966, № 4, стр. 80.

² Летопись дружбы грузинского и русского народов. Изд. «Литература да хеловнеба», Тб., 1967, т. 2, стр. 367. В дальнейшем цитирую по тому же изданию.

³ Стенограмма творческого вечера Г. Табидзе в Москве от 4.III.1937 г., стр. 21. Гос. Литературный музей Грузии им Г. Н. Леонидзе. В дальнейшем цитирую по этой же стенограмме.

¹ Отдел рукописей ИМЛИ им. А. М. Горького, ф. 138, о. 1, ед. 11. Оpubл. в «Известиях АН СССР», отд. литературы и языка, 1960, т. XIX, вып. 3.

точником творческого подъема, вдохновения, местом, «где работалось». Это подтверждают его письма к родным, друзьям.

Ю. Н. Либединскому (29 ноября 1935 г.): «Живем мы в гостинице-пансионате «Синоп». Хорошие комнаты, сносное питание, красивый парк, жить и работать можно»¹.

А. Фадеевой (январь-февраль 1936 г.): «Что касается моего сухумского сидения, то оно уже приносит свои плоды: в работе над четвертой частью романа я перевалил далеко за половину и — в конце февраля, середине марта — надеюсь кончить» (т. 7, стр. 99—100).

Э. И. Шуб (26 февраля 1936 г.): «Я пишу теперь по 10—12 часов в день, стал очень злым и старым от табака и нервного напряжения» (т. 7, стр. 103).

Ей же (7 апреля 1936 г.): «Я давно уже тебе не писал, — объясняется это только тем, что я все гоню и гоню вперед четвертую часть и совершенно осатанел от работы» (т. 7, стр. 104).

Природа, окружавшая писателя, благотворно влияла на него. «Здесь весна в полном разгаре, — писал он Эсфири Шуб. — Много деревьев в белом цвету. Опять же море. Дельфины. Дельфины...» (т. 7, стр. 105). И хотя он там же замечал: «Все это не для меня» — натура его жадно впитывала новые впечатления. Морская ширь вызывала ощущение простора, а вместе с тем — усиленную работу мысли, желание ярче, неповторимее передать окружающий мир.

А. Фадеев в Сухуми много читает, причем круг чтения широк и разнообразен. Об этом можно судить по его записным книжкам, письмам к друзьям и близким, с которыми он делится мыслями, впечатлениями о прочитанном. Так, в письме к И. Г. Лежневу (9 февраля 1936 г.) А. Фадеев сообщал, что только здесь, в Сухуми, смог достать и прочесть его книгу «Записки современника» (т. 7, стр. 101). В письме к Э. Шуб (7 апреля 1936 г.) делится впечатлениями о романе Ю. Тынянова «Пушкин» (т. 7, стр. 104—105). Перечитав раннего Кнута Гамсуна («Пан», «Виктория» и др.), в письме к П. А. Павленко (17 декабря 1935 г.) высказывает восхищение его умением отражать красоту пейзажа в органическом единстве с психологией, душевным состоянием, чувствами человека. Ему же сообщает, что прочел «Фицсту» Хемингуэя и «Смерть героя» Олдингтона (т. 7, стр. 98).

Живя в Сухуми, А. Фадеев находился в курсе всех литературных споров и дискуссий по вопросам искусства, кото-

рые происходили в столице. В одном из писем к Э. Шуб А. Фадеев писал: «За дискуссией в кино, театре, литературе следил по мере сил, много смеялся, много злился. Потом понял, что все идет на пользу тем, у кого любовь к искусству неотделима от любви к стране и народу и у кого есть голова на плечах и позвоночник в теле» (т. 7, стр. 105).

Пребывание в Абхазии писатель использовал и для того, чтобы как можно глубже познакомиться с местным фольклором, литературой.

В абхазской литературе его привлекло творчество Д. Гулиа, И. Тарба, Г. Гулиа. В их произведениях он нашел яркое отражение сегодняшнего дня Абхазии, ее быта и природы, характера народа. Особенно заинтересовала А. Фадеева деятельность Дмитрия Гулиа, которого он назвал «абхазским Леонардо да Винчи». «Старик Гулиа, — рассказывал он, — является и доктором, и поэтом, и человеком других профессий. И вот когда фольклорист привозит фольклор, старик Гулиа говорит: «Позвольте, какой же это фольклор! Это же я написал...».

Пребывание на Черноморском побережье Грузии принесло А. Фадееву радость встречи и знакомства с Николаем Островским, жившим тогда недалеко от Сухуми — в Сочи. «Я очень рад был познакомиться с тобой, — писал он Островскому из Сухуми. — Радостно сознавать, что большевики уже нашего с тобой поколения, т. е. относительно молодого поколения, дают образцы такого непревзойденного величавого и простого мужества и преданности революционному долгу» (т. 7, стр. 106).

В письме от 28 июня 1936 года, написанном ему уже после приезда в Москву, сказано: «Я прочел «Как закалялась сталь» с полгода назад и делал об этой книге доклад в Сухуме. То, что я напишу тебе здесь, является как бы кратким содержанием доклада» (т. 7, стр. 106).

Речь идет о выступлении в Сухумском клубе субтропических культур на вечере, посвященном обсуждению романа «Как закалялась сталь». Сообщая о вечере, газета «Советская Абхазия» писала о его большом воспитательном значении¹.

Не случайно, конечно, в период пребывания А. Фадеева в Сухуми наблюдалось оживление работы писательской организации Абхазии. Он принимал участие почти во всех собраниях абхазских писателей, литературных вечерах и конференциях.

¹ А. Фадеев. Собрание сочинений в семи томах. Изд. худож. лит., М., 1971, т. 7, стр. 96. В дальнейшем цитирую по тому же изданию.

¹ Ценное начинание. Обсуждение книги Н. Островского «Как закалялась сталь». «Советская Абхазия», 1936, 29 марта.

С его участием были проведены собрания писателей Абхазии, посвященные вопросам борьбы с формализмом в советской литературе, обсуждению новых произведений, в том числе и молодых авторов. Велась активная подготовка к декаде абхазской литературы в Тбилиси и в связи с нею — к изданию «Антологии абхазской поэзии и прозы». Был издан сборник «Рождение песни» (Абгиз, 1936), в который вошли стихотворения и переводы молодых русских поэтов, живших в Абхазии. Стихи отражали борьбу за установление Советской власти в Абхазии, сегодняшний день солнечного края, его социалистическую новь, красоту природы, моря. Редактором сборника был А. Фадеев.

Председатель Союза советских писателей С. Чанба отметил на одном из собраний, что «занятый основной своей творческой работой, тов. Фадеев, однако, оказывает во время своего пребывания в Сухуми большую помощь писателям Абхазии, благодарным ему за здоровую, большевистскую критику, способствующую росту абхазской литературы»¹.

Нередко А. Фадеев совершал с деятелями грузинского и абхазского искусства и литературы поездки по краю. Об одной из них, инициатором которой был режиссер Н. Шенгелая, А. Фадеев шуточно рассказывал в письме к Э. Шуб (7 апреля 1936 г.): «Можешь себе представить, какие это были дни?.. Где-то мы ездили... какие-то смутные воспоминания о пещере Симона Канонита остались в мозгу... И снова пишу как проклятый» (т. 7, стр. 104).

Фактически в Сухуми четвертая часть романа «Последний из удэге» была закончена. Публикация отрывков из нее, как известно, началась с мая 1936 года в «Литературной газете», журналах «Красная новь», «На рубеже».

В декабре 1937 года А. Фадеев вновь на грузинской земле. Вместе с В. Ставским, А. Серафимовичем, К. Фединым, Д. Бедным, Л. Леоновым и другими советскими писателями и поэтами он приезжает в Тбилиси для участия в работе юбилейного пленума правления Союза писателей СССР, посвященного 750-летию со дня написания поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Много нового и интересного узнал для себя А. Фадеев в эти юбилейные дни. Выступления на пленуме и особенно доклад И. Джавахишвили о материальной и духовной культуре эпохи Руставели и поэме «Витязь в тигровой шкуре» произвели на него столь сильное впечатление, что спустя три года после юбилея он отмечал: «Писатели

братских республик, слышавшие блестящий доклад И. Джавахишвили на руставелевском пленуме, сохраняют о нем благодарную память»¹. Самого Руставели А. Фадеев причислил к «теориям человечества», творчество которого стало достоянием миллионов благодаря утверждению социалистического строя, ленинской национальной политике.

Вместе с участниками пленума А. Серафимовичем, П. Павленко, С. Вургунном и другими А. Фадеев посетил юбилейную выставку Государственного музея Грузии «Руставели и его эпоха», присутствовал в театре имени Руставели на просмотре пьесы Шалвы Дадиани «Из искры».

В те дни еще более окрепли дружеские отношения А. Фадеева со многими грузинскими литераторами, в частности с С. Чиковани, Ш. Дадиани, А. Кутатели. Об этом свидетельствуют надписи А. Фадеева на книгах, подаренных друзьям. Так, на книге «Разгром», предназначенной С. Чиковани, сделана надпись: «Дорогому Симону Чиковани на добрую память о замечательных руставелевских днях в Тбилиси — с дружеским приветом Ал. Фадеев. 31.XII.1937 г.»². Теплую, дружескую надпись сделал А. Фадеев и на книге «Последний из удэге», подаренной Александру Кутатели³.

В 1939 году он приезжал в Тбилиси для участия в работе второго съезда советских писателей Грузии, выступил на нем с речью⁴.

Незабываемы были для него впечатления от встречи с грузинским поэтом Сандро Шаншиашвили в Кахетии в 1947 году. Приехав в Баку на торжества по случаю 800-летия со дня рождения азербайджанского поэта Низами (сентябрь 1947 г.), А. Фадеев вместе с Самедом Вургунном и Николаем Тихоновым совершил поездку по республике, а затем через Лагодехи и долину Алазани прибыл в Кахетию, в Джугаань.

В доме С. Шаншиашвили в застольной беседе говорилось, как вспоминает Н. Тихонов, о многом: «О прошедшем празднике Низами, о нашей волшебной дороге через азербайджанские лесные чудеса, об охоте, о домашних новостях, о литературе, о небе и о земле, о дружбе, о любви... Фадеев был в самом добром расположении чувств. Он искренне радовался, что видит старых друзей, он читал стихи, ходил по комнате, высокий, легкий, веселый...»⁵.

¹ «Заря Востока», 1940, 21 ноября.

² Летопись дружбы грузинского и русского народов, стр. 438.

³ Там же, стр. 365.

⁴ Речь А. Фадеева опубликована в газете «Заря Востока», 1939, 2 октября.

⁵ Н. Тихонов. Двойная радуга. Изд. «Сов. писатель», М., 1964, стр. 59.

¹ В Союзе советских писателей Абхазии. «Советская Абхазия», 1936, 10 апреля.

О том, сколь сильно было впечатление от этой поездки, можно судить по письму А. Фадеева Самеду Вургуну (10 января 1954 г.):

«...Вспомнил наш путь, весь наш путь по дальним дорогам в братскую республику Грузию... вспомнил еще, сколько мы прочитали вслух и прослушали стихов и какой феерической была наша встреча с Сандро Шаншиашвили и даже еще фееричней наш с тобой отъезд, ибо совершенно непонятно, как под проливным дождем, по размытой оползающей глине мы проехали с тобой черной ночью над обрывом возле грузинской деревенской церкви, — вспомнил я все это, дорогой друг, подумал о том, что все эти мгновения неповторимы, что это были счастливые мгновения в нашей жизни..., что самым большим счастьем надо считать наличие друзей» (т. 7, стр. 414).

Высоко ценя проявления дружбы со стороны представителей грузинской общности, А. Фадеев искал и находил примеры им и в прошлые века, в истории русско-грузинских литературных взаимоотношений. Именно этим, нужно полагать, объясняется его интерес к таким памятникам старины, как часовня в Донском монастыре и церковь в селе Всехсвятском, где было похоронено много грузинских деятелей XVII, XVIII и первой половины XIX веков. В письме в Совет Министров от 16 сентября 1950 г. А. Фадеев, указывая, что эти памятники «старинных русско-грузинских связей», представляющие своеобразное окно в историю как Грузии, так и России, все больше разрушаются, ставил вопрос о превращении их в музей с непосредственным подчинением Комитету по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР (т. 7, стр. 276—277).

Таким образом, пребывание в Грузии сблизало А. Фадеева с общественностью нашей республики, обогащало его художественный мир новыми впечатлениями, побуждало ко все более глубокому и интенсивному изучению грузинской истории, культуры, литературы.

* * *

Проникая в мир инациональной литературы, писатель, как правило, акцентирует внимание на том, что отвечает его мировоззрению, его собственному творческому кредо. Оценив с этих позиций достижения данной литературы, он отбирает для себя, а затем пропагандирует наиболее значимое, поучительное.

Точно так же А. Фадеев при оценке литератур народов СССР руководствовался теми идейно-художественными принципами, которые сложились у не-

го на протяжении его творческой жизни. Путеводной нитью служили ему при этом лучшие традиции русской классической литературы, продолженные и развитые на новом историческом этапе советскими писателями, и прежде всего традиции Л. Н. Толстого.

А. Кутатели в своих воспоминаниях о Фадееве рассказывает об одной из их бесед о великом русском писателе. А Фадеев полностью разделял ленинскую оценку творчества Л. Н. Толстого. Именно Толстой-художник, умевший проникнуть в глубины психологии и характера человека и многосторонне изобразить его во всей конкретности и чувственной осязаемости в связи с процессом народной жизни, в единстве с историческим развитием общества, был близок А. Фадееву. А. Кутатели пишет: «Мы говорили о могучем таланте Толстого, о неподражаемой художественной силой рисующего внутренний и внешний облик своих героев, устанавливая при этом органическую связь между ними. Говорили о жизненной правде, о художественном методе, о художественных деталях Толстого, в силу которых выведенные им персонажи подаются с корнями, они как бы сходят со страниц книг, и мы общаемся с ними, как с живыми»¹.

Память об этой беседе сохранила и надпись А. Фадеева на книге «Последний из удэге»: «Дорогому Саме Кутатели — в замечательный день нашего разговора о Толстом, о Веселовском, о жизненной правде, которая поправила многих талантливых людей прошлого времени, — дарю эту свою несовершенную книгу с искренней дружбой. А. Фадеев».

Критерии художественного творчества, сформулированные Л. Н. Толстым, — думать и говорить за все человечество, любить предмет, о котором пишешь, уметь все это выразить, — стали для А. Фадеева той мерой, с которой он подходил к оценке литературных явлений.

Анализируя произведения писателей и поэтов братских республик, в том числе и Грузии, А. Фадеев выявлял важнейшие стороны жизни, отраженной в их творчестве, постигал сделанные ими обобщения и оценивал с позиций современности ту высоту, на которую художественное видение и талант поднимали факты и явления национальной жизни. Ибо, по мнению А. Фадеева, «только подлинно национальное, то есть выражающее самый дух народа в его историческом прогрессивном развитии, становится интернациональным, общечеловеческим» (т. 5, стр. 415), а интернационализм, в свою очередь, усиливает

¹ Летопись дружбы грузинского и русского народов, т. 2, стр. 364.

ресурсы художественного восприятия, делает взгляд писателя глубже, зорче, пронизательней.

Одновременно А. Фадеев ставил вопрос о сущности национальной формы. Он писал: «Что значит национальная форма в искусстве? Это значит прежде всего — родной язык! Это значит также — своеобразный для каждого народа дух и строй речи, вобравший в себя в течение столетий народный фольклор. Это значит — традиция национальной классической литературы, что особенно важно в поэзии. Это значит, наконец, тот неповторимый национальный склад характера, психологические, эмоциональные особенности народа, которые и создают неповторимый цвет и запах каждого национального искусства» (т. 35, стр. 256). Только высокохудожественная форма, полагал писатель, может ярко и многокрасочно воплотить все богатство содержания жизни данного народа, его быта и нравов, образа мышления, чувств.

Именно такое единство находил А. Фадеев в лучших произведениях грузинской классики. Его высокую оценку заслужили те из грузинских писателей и поэтов, чьи произведения были проникнуты интернациональным, гуманистическим пафосом, отражая при этом такие важнейшие черты грузинского национального мышления и характера, как гражданственность, патриотизм, мужество, нравственную чистоту, человеколюбие, умение постигать все то высокое и значимое, что свойственно другим народам.

«...Поэзия мужественная, как сама история, и в то же время глубоко гуманистическая и моральная, как народ, ее породивший, она, эта поэзия замечательного сына Грузии Давида Гурамишвили, будет жить вечно», — писал А. Фадеев в статье «Давид Гурамишвили и современность»¹. Слова эти, сказанные в адрес Д. Гурамишвили, дают возможность уяснить, какие черты грузинской истории и грузинского национального характера воспринимались А. Фадеевым как наиболее существенные. Сам Д. Гурамишвили привлек его неукротимым духом борца-гражданина. Не случайно Фадеев подчеркивал, что «до преклонного возраста, когда его физически согнули раны и болезни, Гурамишвили сражался: сражался за свободу родной Грузии, сражался как герой в войнах, которые ве-

ла Россия. Есть в этом типе поэта нечто наиболее отвечающее нашему современному пониманию, каким должен быть поэт эпохи бурь»¹.

Гражданственностью и патриотизмом привлекло А. Фадеева творчество писателей-демократов Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели. Глубоко полюбил он и исполненного гуманизма, веры в будущее, в торжество светлого начала в жизни, философской глубины, тончайшего лиризма и музыкальности поэзию Николоза Бараташвили. Жена поэта Тициана Табидзе — Нина Александровна рассказывала, что А. Фадеев постоянно хранил в кармане пиджака листок со стихотворением Н. Бараташвили «Цвет небесный, синий цвет», которое знал наизусть и часто декламировал.

Об этом же вспоминает поэт И. Абашидзе, указывая на большую любовь А. Фадеева к поэзии вообще. Он пишет, что А. Фадеев «беспрерывно любил поэзию. Он великолепно пел замечательные русские народные песни и с увлечением слушал песни других народов; с неменьшим увлечением слушал и читал понравившиеся ему стихи русских и нерусских поэтов. Помню, например, как своеобразно читал он стихотворение Н. Бараташвили «Цвет небесный, синий цвет»².

Нерасторжимую связь идейной насыщенности, глубины отображения жизненных процессов, тех новых отношений, которые сложились между людьми и которыми народ живет сегодня, с высоким художественным мастерством, основанным на лучших традициях национальной поэзии, находил А. Фадеев и в лучших произведениях современной грузинской литературы — в творчестве Галактиона Табидзе, Симона Чиковани, Георгия Леонидзе, Григола Абашидзе, Иосифа Нонешвили.

В письме к Симону Чиковани (14 октября 1954 г.) А. Фадеев благодарил поэта за присланный сборник новых стихов³ и указывал на те произведения, которые ему особенно понравились. Он писал: «Дорогой Симон! Спасибо за книгу, прочел с удовольствием. Большинство стихотворений в разделе «Под сенью гор», «Свет Севана» — очень хороши. Понравились также «Укрощенное море», «Тополь», «Пасечник», «Два письма из Татр», «Народная пляска», «Перелет через Кюстрин», «Березка» и некоторые другие.

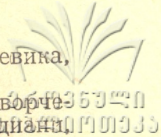
Поздравляю тебя, крепко жму руку. Александр Фадеев» (т. 7, стр. 454).

¹ А. Фадеев. За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. Изд. «Сов. писатель», М., 1957, стр. 604. Разрядка моя (В. Б.). Впервые статья была опубликована в «Литературной газете» в связи с 250-летием со дня рождения великого грузинского поэта.

¹ Там же.

² И. Абашидзе. Слово об Александре Фадееве. Газета «Литератури Сакартвело», 1971, 24 декабря (на грузинском языке).

³ С. Чиковани. Избранное. Изд. худож. лит., 1954.

В понравившихся А. Фадееву стихотворениях отразились такие традиционные черты грузинской поэзии, как необычайный лиризм в раскрытии патристической темы, историзм, когда прошлое народа легко и естественно влетает в современную тему, органическое единство художественного мира поэта с природой.

О новом сборнике стихотворений С. Чиковани А. Фадеев писал: «Сборник «Новые стихи» Симона Чиковани радуется чувством современности, разнообразием явлений жизни, на которые поэт откликается, в особенности выходом его на простор больших интернациональных тем (циклы «На польской дороге», «Цветы за Одером») и высоким уровнем поэтической работы» (т. 6, стр. 295).

В творчестве молодого тогда Иосифа Нонешвили А. Фадеева привлек «большой цикл об освоении целинных земель», на котором он увидел яркую «печать индивидуальности» (т. 6, стр. 295).

Подтверждением того, как глубоко проникнул А. Фадеев в глубины инациональной литературы и умел по достоинству оценивать ее лучшие достижения, как он постигал своеобразие каждого мастера, являются дополнения, которые он вносил в проект схемы-плана «История советской литературы» к спискам прозаиков, поэтов, драматургов народов СССР, в том числе и грузинских, которым предполагалось посвятить отдельные статьи и очерки.

Так, в число прозаиков, среди которых грузинские писатели вообще не были названы, он вписывает: «Лео Киацели, Гамсахурдиа». Из поэтов Грузии предполагалось посвятить отдельный очерк только Галактиону Табидзе. А. Фадеев добавляет: «Мосашвили, Машашвили, Грипашвили (это — один из крупнейших)».

В список статей о драматургах, где из грузинских писателей фигурировал лишь Шалва Дадияни, делает добавление — «Шаншашвили». Комментируя раздел «Советская литература для детей», вносит предложение о составлении индивидуальных очерков. Перечисляя, кому они должны быть посвящены, указывает и на грузинскую писательницу Мариджан¹.

Широкий взгляд на жизнь, людей и литературу, самозабвенная любовь к художественному слову сблизили А. Фадеева со многими представителями грузинской литературной общности. Деятели грузинской культуры запомнили его как человека большого обаяния, удивительно нежного сердца, редкой душевной чистоты, а также как не-

преклонного и твердого большевика, воплощение принципиальности.

«Светлыми были его жизнь и творчество, — рассказывал Шалва Дадияни, вспоминая, каким большим, добрым и, вместе с тем, взыскательным другом грузинских литераторов был А. Фадеев, как он приходил в восторг от достижений грузинской литературы и горевал по поводу ее временных неудач. — Наше дело он считал своим кровным делом, он был настоящим партийцем — кристально чистой личностью... Его полные глубокой мысли и обоснованные выступления на собраниях наших грузинских писателей до сих пор живут в моей памяти». И далее: «А. Фадеев был обаятельным человеком и истинным другом: его открытое, полное благородства лицо притягивало как магнит, с ним никогда не хотелось расставаться. Всегда жизнерадостный и неотомимый, он с жаром включался в наши беседы, любил и умел сказать острое слово, не щадя ни своих собратьев по перу, ни самого себя»².

Акакий Хорава вспоминал: «Удивительно прямой и принципиальный, строгий, где это было нужно, и, вместе с тем, необычайно сердечный, человеколюбивый, он был как брат... Но когда А. Фадеева что-либо возмущало, он горячился, становился грозным, непримиримым. Случалось, даже не мог говорить. И тогда просил меня: «Акакий, ты скажи!»².

А. Фадеев причислял А. Хораву к «крупнейшим деятелям искусства» (т. 5, стр. 408). Незадолго до смерти он прислал ему телеграмму: «Дорогой Акакий Алексеевич! Болезнь помешала мне в день Вашего 60-летия выразить Вам мои дружеские чувства и мое преклонение перед Вашим талантом. Сердечно поздравляю с первомайским праздником!».

Теплая и искренняя дружба связывала А. Фадеева с рано ушедшим из жизни поэтом Тицианом Табидзе. «Фадеев очень тепло и очень дружески относился к Тициану, — вспоминала Н. А. Табидзе. — Каждый наш приезд в Москву он непременно встречался с нами. Часто он и Тициан вели долгие беседы о поэзии — русской, грузинской».

При непосредственном участии А. Фадеева был проведен в Москве в 1937 году творческий вечер Тициана Табидзе, выступая на котором он отметил: «Его поэзия известна не только в Грузии — Тициан Табидзе и наш, русский поэт... Только подумайте, какое количество талантов, истинных талантов и на-

¹ Ш. Дадияни. О друзьях. В сб. «Летопись дружбы грузинского и русского народов», стр. 367.

² Газета «Литератури Сакартвело», 1971, 24 декабря.

¹ Отдел рукописей ИМЛИ им. А. М. Горького, ф. 138, о. 1, ед. 11.

родов творят великое искусство... Возьмите всех поэтов всех национальностей, все фольклоры, и музыку, и танцы — это означает, что мы подняли такую народную силу, которая обогатила и украсила весь мир. Поэтому я чрезвычайно рад этому вечеру, который у нас сейчас проходит, и от души, от лица всех русских товарищей поздравляю Тициана Табидзе с тем успехом, которого он добился своими прекрасными стихами»¹.

Указанными примерами не исчерпывалось, конечно, общение А. Фадеева с деятелями грузинской литературы. Свя-

¹ Стенограмма творческого вечера Тициана Табидзе в Москве 4 марта 1937 г. Государственный Литературный музей Грузии им. Г. Леонидзе.

зи его были необычайно широки, поскольку сам он был личностью глубокой и многогранной. Всем сердцем любил он театр, музыку, живопись и кино. И в случае необходимости выступал их деятелям. Когда, например, у режиссера Н. Шенгелая возникло решение экранизировать роман «Поднятая целина», А. Фадеев пишет М. Шолохову большое письмо, в котором, поддерживая инициативу совместной работы режиссера и писателя, рекомендует Н. Шенгелая как «очень талантливую режиссера» и просит М. Шолохова заняться «работой над картиной вплотную»¹.

¹Отдел рукописей ИМЛИ им. А. М. Горького, ф. 138, о. I, ед. 14.

К НОВЫМ ВЫСОТАМ КУЛЬТУРЫ

Социалистическая культура Советской Грузии сложилась и растет в процессе развития самой передовой в мире советской социалистической культуры на основе общих для советских народов закономерностей.

Начальный этап развития социалистической культуры грузинского народа связан с периодом восстановления народного хозяйства (1921—1925 годы), когда произошла коренная перестройка всех отраслей культуры, были созданы все необходимые условия для ликвидации неграмотности, культурного роста трудящихся. Развернулась подготовка национальных кадров народной интеллигенции.

В развитии школьного дела в Грузии нашли воплощение основополагающие идеи марксизма-ленинизма и программные требования Коммунистической партии по вопросам народного образования, принципы новой советской школы, созданной Великой Октябрьской социалистической революцией.

Спустя три месяца после установления Советской власти Ревком Грузии принял декрет о ликвидации безграмотности среди населения республики. В ее городах и селах уже в 1921—22 гг. действовали 300 школ ликбеза¹. При Совнаркоме Грузинской ССР под председательством М. Г. Цхакая был создан общественный комитет по ликвидации неграмотности и малограмотности. Для работы по ликвидации неграмотности было мобилизовано 6 000 работников культуры и просвещения, 5 000 комсомольцев, 10 000 студентов и учащихся старших групп средних школ, до 5 000 агрономов и работников советских учреждений².

В результате осуществления всех этих мероприятий ликвидирована неграмотность около полумиллиона человек³.

Первое высшее учебное заведение Грузии — Тбилисский университет — было вместе с тем первым научно-исследовательским учреждением, сыгравшим выдающуюся роль в развитии культуры грузинского народа. Один за другим открывались новые факультеты, кафедры, научно-исследовательские институты, кабинеты, лаборатории. Уже в 1922 году в Грузии функционировало 21 научно-исследовательское учреждение⁴.

В развитии науки, в выращивании национальных научных кадров и в создании необходимой для научных исследований материально-технической базы Грузии большую помощь оказала Советская Россия.

Выполняя заветы В. И. Ленина, грузинские ученые в период восстановления народного хозяйства вместе с деятелями науки нашей страны развернули широкую исследовательскую работу по обеспечению промышленности сырьем и топливом, открыли новые залежи полезных ископаемых, принимали непосредственное участие в электрификации страны, улучшении многоотраслевого сельскохозяйственного производства республики.

¹ Сорок лет Советской власти в Грузии. Краткий очерк, Тбилиси, 1961, стр. 217.

² Партархив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 11, д. 3159, л. 311.

³ И. М. Чантурия. Народное образование в Советской Грузии, Тбилиси, 1956, стр. 307 (на груз. яз.).

⁴ Наука в Советской Грузии за 25 лет, Тбилиси, 1946, стр. 16 (на груз. яз.).

В 1921 году было организовано первое государственное издательство Грузии «Сахелгами», которое развернуло планомерную работу по изданию массово-политической, учебной, художественной литературы на грузинском языке. Уже в 1922—25 годах были переведены и изданы массовыми тиражами многие произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, 17 томов первого Собрания сочинений В. И. Ленина. Вдохновителями и практическими руководителями большевистской печати Грузии на первых порах ее деятельности были Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, М. Д. Орахелашвили, А. Ф. Мясников.

Грузинская советская литература, как неотъемлемая составная часть самой идейной, передовой, революционной, многонациональной литературы Советского Союза, росла и развивалась в тесном единении и в творческом содружестве с братскими литературами народов СССР.

Велика роль русских советских писателей в процессе постоянного взаимобогащения литератур братских советских народов.

Идейной закалке и росту художественного мастерства грузинских писателей во многом способствовало благотворное влияние А. М. Горького и В. В. Маяковского, которые своей жизнью и творчеством тесно были связаны с грузинским народом, грузинской культурой. В советские годы еще более упрочились творческие связи А. М. Горького с Грузией. Грузинские советские писатели имели в лице Алексея Максимовича искреннего друга и наставника. В 1924 году В. Маяковский одно из своих лучших стихотворений «Владикавказ — Тифлис», которое впервые было напечатано в республиканской газете «Заря Востока», посвятил Грузии. Выступления Маяковского, личные встречи с грузинскими писателями способствовали распространению влияния новаторской поэзии выдающегося мастера социалистического реализма.

Идейно-художественная зрелость грузинской литературы этого периода определялась умением писателей раскрыть в положительных образах черты нового человека, борца за революционную ломку старых общественных отношений и социалистическое переустройство жизни. Грузинская литература успешно решила эту задачу во всех жанрах. Появилось много повестей, рассказов, стихов, написанных на местном материале и отражающих современную жизнь.

Развиваясь под непосредственным руководством Коммунистической партии на основе ленинских принципов партийности, народности и социалистического реализма, высокого уровня профессионального мастерства достигли театры Грузии.

23 октября 1921 года открыл сезон новый Государственный драматический театр, которому постановлением Ревкома Грузии было присвоено имя Шота Руставели. Осенью 1922 года руководителем художественной части театра был приглашен широкоизвестный мастер сцены Константин Александрович Марджанишвили. С его именем связан творческий подъем грузинского театра на первом этапе культурного строительства в Грузии. За четыре года работы в театре имени Руставели (1922—1926) он осуществил великолепные постановки ряда произведений грузинской, русской и западноевропейской драматургии, сыграл значительную роль в воспитании замечательных мастеров грузинской сцены. Вместе с К. Марджанишвили неопределимый вклад в становление грузинского советского театра внес художник большого темперамента и творческой инициативы, талантливый режиссер Сандро Ахметели.

Были восстановлены и созданы профессиональные театры в крупных городах республики. Театры Грузии сосредоточили внимание на отображении современной тематики, на произведениях, утверждающих коммунистические идеи, отличающихся пережитки, мешающие строительству новой жизни.

Первый грузинский советский полнометражный художественный фильм «Арсен Джорджиашвили», отображающий один из эпизодов революции 1905 года в Грузии, был выпущен на экран в ноябре 1921 года. Это один из первых советских художественных фильмов, посвященных революционной тематике.

Всей Советской страной был восторженно принят выпущенный в 1923 году Госкинопромом Грузии увлекательный фильм «Красные дьяволята». Картина изображает эпизоды борьбы Первой конной армии Буденного с бандами Махно. Этот фильм заложил основу приключенческого жанра в советском кино.

За первые годы своего существования (примерно до 1927 года) грузинская советская кинематография выпустила до 50 фильмов¹.

Первые же годы существования Советской власти в Грузии ознаменовались появлением новых произведений оперного, камерного, вокального, хорового, симфонического и других жанров.

19 декабря 1923 года Тбилисский оперный театр показал новую оперу Захария Палиашвили «Даиси», получившую вскоре всенародное признание и во-

¹ 30 лет советской кинематографии, Госкиноиздат, М., 1950, стр. 40.

шедшую в сокровищницу советской музыкальной культуры. Интенсивную творческую работу развернул композитор Мелитон Баламчивадзе, который написал замечательную кантату, посвященную В. И. Ленину. Композитор Виктор Долидзе создал первую советскую оперу на тему гражданской войны «Цисана». Композитор Дмитрий Аракишвили плодотворно работал над созданием хоровых сочинений, отражающих величие социалистической эпохи. Среди произведений этого жанра особой популярностью пользовалась его «Песня о Родине». Д. Аракишвили был создателем классических образцов грузинского романса.

В республике выдвинулась талантливая плеяда мастеров вокального искусства, возникла грузинская советская вокальная школа, наиболее ярким представителем которой был народный артист Грузинской ССР Вано Сараджишвили.

Важное место в социалистической культуре грузинского народа заняло изобразительное искусство. Выдающиеся мастера грузинского изобразительного искусства Гуго Габашвили, Яков Николадзе, Мосе Тоидзе, Александр Мревлишвили и другие безоговорочно встали на защиту великих завоеваний народа и приняли деятельное участие в культурной жизни молодой советской социалистической республики. Они принесли в искусство социалистической Грузии свой большой творческий опыт и оказались живым звеном связи нового советского искусства с демократическими традициями дореволюционного периода.

Большое число грузинских художников, мастеров разных видов и жанров искусства включало в работу по созданию образа гениального Ленина. В 1925 году Я. Николадзе первым в грузинской скульптуре создал мраморный бюст В. И. Ленина.

Один из первых в стране памятников В. И. Ленину был установлен на ЗАГЭС (автор И. Шадр). Воздвигнутый на высоком постаменте, над бурлящей рекой, образ вождя как бы олицетворяет творческие силы революции. Об этом монументе А. М. Горький писал: «Очень красиво построена мощная силова станция ЗАГЭС с ее монументом В. И. Ленину на скале среди Курь. Впервые человек в пиджаке, отлитый из бронзы, действительно монументален и заставляет забыть о классической традиции скульптуры. Художник очень удачно, на мой взгляд, воспроизвел знакомый властный жест руки Ильича, которым он, Ленин, указывает на бешеную силу течения Курь»¹.

Преодолевая в своем творчестве элементы формализма, эстетства, схематизма и стилизации, проникшие в советское изобразительное искусство в 20-е годы, грузинские художники, окруженные повседневной заботой Коммунистической партии и Советского правительства, все решительнее становились на путь социалистического реализма.

Второй этап развития культуры Советской Грузии связан с осуществлением социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, победой социализма в СССР (1926—1940 гг.).

На этом этапе была решена первостепенная задача культурной революции — полная ликвидация неграмотности. 30 апреля 1932 года столица Грузинской ССР — Тбилиси была объявлена городом сплошной грамотности. В республике безграмотность полностью была ликвидирована к началу 1941 года.

В период развернутого строительства социалистического общества были созданы все условия для дальнейшего развития высшего образования, воспитания кадров советской интеллигенции, овладения молодежью наукой, знаниями, культурного роста трудящихся.

На базе факультетов Тбилисского государственного университета были созданы Грузинский политехнический институт им. В. И. Ленина (1928 г.), Грузинский сельскохозяйственный институт (1929 г.), Грузинский медицинский институт (1930 г.).

Научными силами вузов республики был подготовлен ряд фундаментальных научных трудов по математике, физике, химии, биологии, геологии, географии, истории, философии, языкознанию, литературоведению, праву и другим дисциплинам. Изданы 843 монографии, многие из которых широко известны в нашей стране и за ее пределами. Выпущено более 600 оригинальных учебников для студентов вузов на грузинском языке². Учебники, составленные академиком Н. И. Мухелишвили по математической теории упругости, академиком И. С. Бериташвили по физиологии мышечной и нервной системы, академиком Академии наук Грузинской ССР А. С. Чикобава по языкознанию, профессором К. С. Бакрадзе по логике, были изданы на русском языке для студентов вузов СССР.

¹ Цитируется по книге В. М. Зименко «Образ великого Ленина в произведениях советского изобразительного искусства», изд. Академии художеств СССР, М., 1962 стр. 22.

² 40 лет Советской Грузии, изд. Тбилисского государственного университета, Тбилиси, 1961, стр. 146 (на груз. яз.).

Грузинскими учеными выполнены крупные работы по изучению физико-химических свойств чистурских марганцевых руд, получению новых металлических сплавов, эфирных масел, лекарственного сырья и т. д. Значительные результаты были достигнуты в области исследования биохимии нервной и мышечной ткани, изучения вопросов химической мелиорации почв...

Развернулись научные исследования в области изучения природных ресурсов, почв, лесов, водных и других богатств и их широкого использования в народном хозяйстве. Были разведаны и сданы в эксплуатацию новые месторождения угля (Ткварчельское и Ахалцихское). Грузинская геологическая школа, созданная академиками АН Грузинской ССР А. И. Джанелидзе и А. А. Твалчредидзе, обогатила геологическую науку важными данными, имеющими большое теоретическое и практическое значение.

Широко развернулась научно-исследовательская работа в области общественных наук.

Были научно проработаны и опубликованы почти все памятники грузинской классической литературы, из них многие напечатаны впервые.

За 20 лет существования Советской власти в Грузии в деле публикации грузинского литературного наследия было сделано больше, чем на протяжении трех веков с начала книгопечатания в Грузии, то есть с первой половины XVII века по 1921 год.

Состояние книгоиздательского дела, периодической печати, радиовещания в республике до Великой Отечественной войны отражало огромные достижения культурной революции.

Из года в год увеличивался выпуск социально-экономической, индустриально-технической, сельскохозяйственной, научной, учебной, художественной, детской литературы. Непрерывно улучшалось полиграфическое и художественное оформление книг.

С 1932 года перевод произведений В. И. Ленина был сосредоточен в Грузинском филиале ИМЛ при ЦК КПСС, где работала специально созданная Центральным Комитетом Компартии Грузии для этой цели редакционная коллегия во главе с Ф. Махарадзе. Осуществился выпуск на грузинском языке четвертого издания сочинений В. И. Ленина. Выдающимся событием в идеологической жизни республики стало издание на грузинском языке в 1930-34 годах всех трех томов «Капитала» К. Маркса.

В тридцатые годы грузинские художники слова — прозаики, поэты, драматурги во всех жанрах, начиная с лирики, песни и кончая пьесой, романом-эпосом, разрабатывали темы социалистического строительства, классовой борьбы, огибразжали трудовой подвиг народа, стремились художественными средствами раскрыть духовный мир советского человека, вносили свой вклад в общую сокровищницу многонациональной советской литературы.

Уже в довоенное время на грузинский язык были переведены и изданы большими тиражами многие основные произведения классиков русской и зарубежной литературы, а также известных советских писателей — М. Горького, В. Маяковского, А. Серафимовича, Д. Фурманова, Ф. Гладкова, А. Фадеева, М. Шолохова, К. Тренева, Вс. Иванова, Ф. Паюферова, Б. Лавренева. Систематически переводились и издавались также лучшие образцы украинской, белорусской, армянской, азербайджанской литературы.

В период Великой Отечественной войны Советского Союза, в годы тяжелых испытаний и напряженной борьбы грузинские писатели в своих произведениях отражали героические подвиги советских людей на фронте и в тылу, страстно призывали народ к ратным и трудовым подвигам во имя свободы Отечества, создавали образ советского человека, отважного, безгранично преданного родной земле.

В истории грузинской советской культуры событием большой важности явилась Декада грузинской литературы в Москве летом 1944 года. Это первое широкое выступление грузинских художников слова в столице нашей Родины превратилось в смотра достижений многонациональной советской литературы, в демонстрацию нерушимой дружбы братских народов Советского Союза.

Третий этап развития культуры грузинского народа связан с послевоенным периодом — завершением строительства социализма и развернутым строительством коммунистического общества (с 1946 года по настоящее время).

За последние годы значительно повысилась роль вузов республики в решении важнейших проблем естествознания и гуманитарных наук. В соответствии с растущими требованиями народного хозяйства созданы новые специальности: электроника, автоматика и телемеханика, химия высокомолекулярных соединений, радиотехника и физическая кибернетика, механизация счетно-вычислительных работ и другие.

Кузницей подготовки специалистов с высшим образованием в области педагогики, иностранных языков, музыки, живописи, театрального и других видов ис-

кустава, физкультуры и спорта стали семь педагогических институтов, Институт иностранных языков, консерватория, Академия художеств, Театральный институт, институт физической культуры.

Ширятся взаимные связи высших школ Грузии с вузами братских республик. Ими проводятся совместные научные сессии и конференции, происходит взаимный обмен научной литературой, научные работники командированы для проведения цикла лекций и так далее. Такие деловые связи, координация научных исследований, обмен опытом во многом способствуют улучшению учебно-воспитательной и научной работы.

Наряду с высшими учебными заведениями в подготовке квалифицированных специалистов для всех отраслей народного хозяйства важную роль играют техникумы и специальные училища, число которых из года в год растет.

«Огромную созидательную роль играет, — сказал Л. И. Брежнев, — новая народная интеллигенция Грузии. Теперь это уже не узкий круг избранных. Теперь это десятки, тысячи учителей и врачей, инженеров и агрономов, ученых и организаторов производства, деятелей культуры и преподавателей вузов. Вместе с рабочими, вместе с крестьянством грузинская интеллигенция активно участвует в строительстве новой жизни, отдает все свои знания, ум и талант на благо народа.

...Здесь сложились математическая, физиологическая и другие научные школы, которые составляют гордость отечественной науки. Грузия располагает сейчас не только прекрасно оборудованными институтами, но и крупными, известными во всем мире учеными, которые в содружестве с учеными других республик вносят огромный вклад в научно-технический прогресс страны»¹.

В настоящее время грузинские ученые успешно занимаются исследованиями почти по всем основным отраслям современной науки.

Успехи ученых Грузии в области общественных наук нашли отражение в создании многих ценных работ по проблемам истории и теории социалистического общества, в обобщении опыта социалистического и коммунистического строительства на примере республики. Замечательные успехи развития науки в Грузинской ССР являются результатом совместной работы советских ученых.

Научные работники Грузии совместно с учеными РСФСР, Украины, Узбекистана и других союзных республик исследуют предпосевное радиоактивное облучение семян, работают над проблемами, связанными с созданием единой электрической сети Советского Союза, и другими проблемами, имеющими всесоюзное значение².

Благодаря грандиозным социалистическим преобразованиям, которые произошли в жизни грузинского народа под направляющим руководством Коммунистической партии, грузинская литература достигла выдающихся успехов, создав многочисленные произведения, вошедшие в золотой фонд советской литературы. Рост грузинской литературы обусловлен общим процессом развития всей многонациональной советской культуры. Он происходит в условиях невиданного в мире братского сотрудничества и взаимного обогащения культур социалистических наций, олицетворяющих собой морально-политическое единство советского народа.

За годы Советской власти в Грузинской ССР количество театров возросло в семь раз.

Значительно повысился идейно-художественный уровень постановок произведений советской драматургии.

Благотворные результаты братской дружбы и сотрудничества народов СССР отчетливо сказываются и на развитии грузинской музыкальной культуры. В послевоенный период в республике выросла новая плеяда талантливых композиторов, музыкантов, исполнителей. Созданы новые оперы и музыкальные драмы, симфонические и камерные произведения. Грузинская музыка вышла широким фронтом за пределы республики и зазвучала на всесоюзной и международной арене.

Послевоенные годы — период интенсивного развития всех видов грузинского изобразительного искусства.

Ряды художников Грузии пополнились молодыми одаренными силами. Содержательные произведения показали мастера грузинского изобразительного искусства на всесоюзных художественных выставках.

Опыт культурного строительства Грузинской ССР имеет не только внутреннее, но и международное значение. Он показывает, что ранее угнетенные нации в условиях советского социалистического строя успешно создают и развивают передовую культуру.

¹ «Правда», 1971, 15 мая.

² Строительство коммунизма и проблемы культуры. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 345.

НА УРОВЕНЬ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ

НА ОБЩЕМ собрании Отделения литературы и языка Академии наук СССР состоялось обсуждение деятельности Института истории грузинской литературы имени Руставели в области разработки проблем ее теории и истории. Директор института академик АН ГССР А. Г. Барамидзе выступил с докладом, в прениях по которому приняли участие академики Н. Б. Храпченко, Д. С. Лихачев, Г. В. Церетели, И. К. Белодед и другие.

Ниже мы приводим сокращенный текст основного доклада, а также выдержки из выступлений Д. С. Лихачева и Г. В. Церетели.

Академик АН Грузинской ССР А. Г. Барамидзе:

Институт имени Руставели — ведущий научно-исследовательский центр нашей республики, занимающийся разработкой вопросов теории и истории грузинской литературы. Основан он в тревожные дни августа 1942 года. В его составе было тогда всего 13 человек. Затем по мере роста расширялась и становилась все более разнообразной тематика осуществляемых его силами работ.

Грузинская литература — одна из самых древних и богатых литератур народов Советского Союза. Судя по дошедшим до нас письменным памятникам, она имеет 15-вековую историю. Древнейший, вполне зрелый памятник оригинальной грузинской литературы — это мартирологическое, по существу, беллетристическое произведение Якова Цуртавели «Мученичество Шушаник», относящееся ко второй половине V века. Исследование процесса зарождения, становления и развития этой литературы вплоть до наших дней и является задачей института. Развивалась она в непосредственной взаимосвязи с цивилизованными странами как Востока, так и Запада, как христианского, так и мусульманского мира.

Научное изучение грузинской литературы имеет большие традиции. Еще в дореволюционное время на этом поприще подвизались такие выдающиеся представители советской филологической мысли, как Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, К. С. Кекелидзе, А. Г. Шанидзе и некоторые другие. Однако подлинное возрождение грузинского литературоведения и вообще всей грузинской науки обусловила Великая Октябрьская социалистическая революция.

С самого начала своей деятельности Институт имени Руставели приступил к разработке таких узловых вопросов истории родной литературы, как ее периодизация, зарождение, развитие и так далее.

Одновременно шла подготовка и публикация важнейших памятников богатого литературного наследия, необходимые для создания больших обобщающих трудов, главным образом для составления на основе марксистско-ленинской методологии сводного курса истории грузинской литературы с древнейших времен по советский период включительно.

С этой целью ряд сотрудников (К. Кекелидзе, А. Барамидзе, И. Лолашвили, Г. Микадзе, Е. Вирсаладзе) занимался научным описанием рукопис-

ного наследия, находящегося в разных древнехранилищах республики. Итогом этой работы явились: «Библиография древнегрузинской литературы» (Г. Микадзе, II, 1970; I в производстве) и «Аннотированная библиография руствелологической литературы: 1712—1956 гг.» (Г. Имедашвили, 1957).

Институт участвовал также в подготовке библиографических сборников, издаваемых Книжной палатой Грузии. Опубликована аннотированная библиография по фольклористике, подготовленная под руководством Е. Вирсаладзе.

Многое сделано и по подготовке и публикации классического наследия. Взять хотя бы полные собрания сочинений классиков XIX века и советской литературы: Н. Бараташвили (1945), Акакия Церетели в 15 томах (1950—1963), Важа Пшавела в 10 томах (1964), Василия Барнова в 10 томах (1961—1964), двухтомник Н. Лордкипанидзе (1958—1959), завершающееся издание 12-томника сочинений Галактиона Табидзе, первые два тома сочинений Михаила Джавахишвили и так далее.

Институт подготовил также первые 5 томов популярного у нас двадцатитомника избранных произведений грузинской литературы («Наше сокровище»); причастен он и к изданию 15-томника грузинской поэзии («Накадули»).

Несколько слов о поэме Руставели. В 1956 году нами издана наиболее пространная рукописная редакция, включающая многочисленные вставки, дополнения и продолжения. Спустя 10 лет опубликован критический текст (под редакцией А. Шанидзе, А. Барамидзе) с главнейшими разночтениями по всем основным рукописям и печатным изданиям. Сейчас специальная Комиссия по установлению текста «Витязя в барсовой шкуре» планирует издание ее академического текста и интерполяций к ней с исчерпывающе полным научным аппаратом. Первый том этого многотомного фундаментального издания уже сдан в печать. Подготовлен научно проверенный подстрочник для нового немецкого перевода поэмы, выполненного Германом Буддензигом из Гейдельберга.

Особое внимание уделяем мы разработке руствелологических проблем. Издается специальная серия («Руствелологические разыскания»), в которой публикуются преимущественно текстологические и архивные материалы.

Следует выделить серию монографических работ С. С. Цаишвили. Развивая и уточняя положение А. Г. Шанидзе и некоторых других руствелологов (Е. Такайшвили, К. Кекелидзе, К. Чичинадзе), он доказал, что первое печатное, т. е. Вахтанговское, издание «Витязя» 1712 года, безусловно, критическое. Это очень важный вывод для руствелологической науки вообще. В «Истории текста «Вепхистнаосани» автором предложена в целом научно обоснованная схема классификации редакций и подредакций поэмы и в определенном порядке описаны все дошедшие до нас рукописи и отдельные фрагменты, в общей сложности до 170 единиц.

В моей монографии «Руставели и его поэма» подведены итоги и обобщены результаты исследовательских работ в области отечественной и зарубежной руствелологии.

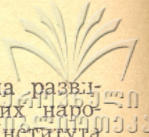
Делаются попытки публикации памятников грузинской литературы на русском языке. Таковы «Памятники древнегрузинской агиографической литературы» (1956) и «История и восхваление венценосцев» (1954). Автором обоих переводов с исследованиями и комментариями является К. С. Кекелидзе.

Опубликовано немало монографических работ, посвященных отдельным проблемным вопросам, а также жизни и творчеству крупнейших представителей грузинской художественной и общественной мысли дооктябрьского и послеоктябрьского периодов.

Работы, касающиеся наиболее злободневных и актуальных тем, вышли отдельными книгами. Назову, к примеру, «Оригинальные грузинские агиографические произведения V—XII вв., как памятники художественной литературы» (Р. Барамидзе), «Грузинская литература, отражающая революцию 1905 года» (Э. Шарашенидзе), «Грузинская поэма XIX века» (Н. Алалия), «Проблема романа в грузинской советской литературе» (Д. Венашвили), «О новаторской сущности современной грузинской лирики» (Г. Мерквиладзе) и другие.

В ряде работ рассматриваются вопросы зарождения и становления критического реализма в грузинской литературе.

Нельзя не отметить открытия и расшифровки многочисленных надписей на стенах пещерного монастыря Вани в Южной Грузии. Некоторые из них оказались лирическими стихами преимущественно элегического содержания. Неизвестные до сих пор авторы их жили на рубеже XV—XVI веков. Пока опубликованы предварительные итоги расшифровки этих стеновых надписей. В скором времени появится монография по данному вопросу.

Как было отмечено выше, грузинская литература с самого начала развивалась и обогащалась в тесных взаимосвязях с литературами соседних народов. Научное изучение этих связей — одна из первоочередных задач Института имени Руставели. Первый его директор К. С. Кекелидзе продолжал и углублял разработку проблемы византийско-грузинских литературных связей. До основания Института востоковедения (т. е. до 1960 г.) у нас успешно изучались персидско-грузинские литературные связи.

С большим размахом и интенсивностью, особенно в последнее время, исследуются в институте вопросы русско-грузинских литературных связей, а также взаимосвязей грузинского народа с братскими народами нашей страны.

Ряд работ освещает отражение интернациональной дружбы народов в грузинской литературе.

Научно-исследовательская работа, развернутая в Институте имени Руставели, подготавливала почву для создания наиболее полного и систематизированного научного курса истории всей грузинской литературы, основанной на марксистско-ленинской методологии. Составление такого курса в 6 томах началось в конце шестидесятых годов. Пока вышло четыре из них. V том давно лежит в Государственном издательстве Грузии. VI — Литература советского периода — закончен в авторской редакции. Первая попытка сравнительно краткого, но последовательного изложения многовековой истории грузинской литературы дана в вышедшей на русском языке «Истории грузинской литературы». Она получила довольно высокую оценку широкой научной и читательской общественности. Вскоре увидит свет «История грузинской советской литературы», подготовленная совместно с Институтом мировой литературы имени Горького (издается в Москве). Наш институт принимает участие в выпуске «Истории советской многонациональной литературы» и в 10-томной истории всемирной литературы. В 1969 году издан университетский курс истории древнегрузинской литературы. И наконец, краткий вузовский учебник по грузинской литературе издается на украинском языке.

К масштабным работам обобщающего характера относятся «Очерки по истории грузинской журналистики XIX века» (А. Каландадзе) и «Очерки по истории грузинской драматургии и театра» (А. Гачечиладзе).

Разработка теоретических проблем ведется с 1954 года, когда был создан отдел теории литературы. В ряде очерков широко освещаются сущность и значение социалистического реализма, преимущественно на основе развития грузинской советской литературы. Назову хотя бы несколько тем, разработанных у нас в этом русле: «В. И. Ленин и художественный метод советской литературы», «Генезис социалистического реализма в грузинской литературе», «Вопросы национальной формы грузинской советской литературы» и другие.

Особого внимания заслуживают исследования по вопросам поэтики грузинской литературы 20-х годов, в которых содержится общетеоретический анализ развития грузинской советской литературы этого периода.

Важное место в работе отдела занимают темы, касающиеся марксистско-ленинского учения о литературе. В этих трудах дается критика современного ревизионизма и вообще буржуазных литературно-эстетических теорий.

В области поэтики выполнены исследования о художественном языке, о грузинском стихосложении, об особенностях творчества отдельных грузинских поэтов, о родах и жанрах, о композиции, сюжете, теме и других специфических компонентах произведений художественной литературы.

В последние годы большое внимание в институте уделяется разработке теоретических вопросов художественного перевода, в частности темы «Ленинская теория отражения и вопросы художественного перевода».

Одним из наиболее важных достижений наших является создание первого в Грузии научного курса теории литературы, изданного в 1972 году. Этот труд представляет собой своего рода итог научно-исследовательской работы, проводимой институтом с 1955 года. Заслуживает также внимания «Краткий словарь теории литературы».

Институт проводит плодотворную работу по изучению истории эстетической мысли в Грузии.

В его тематике значительное место занимает критика буржуазных теорий в области литературоведения и эстетики.

Многое сделано в институте по собиранию, научной разработке и публикации фольклорных материалов.

У Института истории грузинской литературы имени Руставели установились хорошие, деловые отношения с коллективом Института мировой литературы имени Горького. Совместно выполнен ряд работ, проведено несколько научных сессий. Хочется с удовлетворением отметить опубликование в Грузии

интересных, принципиально важных статей по вопросам грузинской литературы наших друзей из Института имени Горького — Р. М. Самарина и И. Г. Неупокоевой.

И все же нами сделано еще далеко не все. Недостатки в нашей работе объективно ощутимы в свете постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». В институте трудится большой коллектив литературоведов, критиков, историков литературы как старшего, так и молодого поколений. Но в силу известных причин сравнительно больше внимания уделялось нами разработке вопросов грузинской литературы дореволюционного прошлого, чем злободневным проблемам современности, текущего литературно-художественного процесса. Вместе с тем далеко не все работы наших литературоведов и критиков отвечают высоким требованиям марксистско-ленинской методологии; зачастую они неглубоки, отмечены печатью субъективизма. Критические статьи некоторых сотрудников института (кстати, членов Союза писателей) то чрезмерно комплиментарны, то излишне резки и носят, так сказать, разносный характер.

В постановлении ЦК КПСС совершенно правильно отмечается, что «на развитии критики отрицательно сказываются серьезные недостатки в постановке научно-исследовательской работы, ведомственная разобщенность научных и творческих кадров, отсутствие должной координации в деятельности научных учреждений». Сказанное в полной мере относится и к Институту имени Руставели. Действительно, пора уже «активизировать усилия ученых в исследовании современного художественного процесса».

Определенная часть наших исследовательских работ не выдерживает критики с точки зрения критериев качества и научно-профессионального мастерства. Диспропорция между качеством и количеством все еще ощущается. Сказываются приятельские отношения в оценке и художественных произведений писателей, и исследовательско-критических работ. Мы не всегда достаточно взыскательны и требовательны к работам наших сотрудников.

Неважно обстоит у нас дело и с публикацией готовых к печати трудов. Печальный пример тому — шеститомник грузинской литературы.

К сожалению, приходится признать, что мы пока еще мало выпускаем работ на русском языке.

Но, я думаю, у нас есть все возможности справиться с указанными недочетами, с тем чтобы поднять уровень нашей работы на еще более высокую ступень.

Академик Д. С. Лихачев:

...Я поражен размахом работы Института имени Шота Руставели, и не только размахом, но и организацией ее, важностью и сложностью стоящих перед ним национальных задач.

Это институт, который решает сложнейшие научные вопросы на уровне национальных задач, задач грузинской культуры. Здесь и теоретические вопросы, причем очень широко представленные. Затем великолепные текстологические работы; а текстология — это основная, фундаментальная наука для литературоведения. Поэтому издание классиков и древнегрузинских авторов, насколько я могу судить, стоит там на очень высоком уровне.

Два сборника по вопросам текстологии, которые вышли на грузинском языке и с которыми я, к сожалению, мог ознакомиться только с помощью друзей, знающих грузинский язык, чрезвычайно интересны и важны в практическом отношении для издания грузинских текстов.

Меня поразило также внимание к библиографической работе и пониманию того, что библиография очень облегчает работу любого литературоведа.

Издание поэмы Руставели, насколько я могу об этом судить по той работе, которая ведется и велась по этому изданию, стоит в первом ряду текстологической работы в нашей стране, а ее текстология все-таки самая замечательная во всем мире. Руставели издается с полным словарем, причем для этого расписаны все памятники древнегрузинской литературы. Это колоссальная работа, которая позволяет не только понять темные места, но и правильно решить текстологические вопросы, потому что поэму приходится издавать по очень многим рукописям.

Институт издал фразеологический словарь Руставели. Изучаются его эстетические взгляды и т. д. В этой связи не могу не упомянуть о словаре Пушкина. Дополнительный том, сделанный на основе вариантов, т. е. на основе отброшенных самим поэтом слов, которых нет в основном словаре, чрез-

вычайно показателен. Если он будет издан, то станет самым интересным то-
мом «Словаря Пушкина».

Особенно привлекает меня изучение в Институте имени Руставели грузинско-грузинских связей. Я с завистью слушал о том, что там изучается древне-грузинская ареопагитика, потому что существует и древнерусская ареопагитика. Это важно для проблемы Ренессанса. Мне бы очень хотелось, чтобы древнерусские тексты Дионисия Ареопагита тоже были приняты во внимание. Там есть такие вещи, которых нет в древнегреческих рукописях.

Изучается в институте апофегматика. Мы этого делать не можем, ибо должны не только охватывать весь материал древнерусской литературы за 7 веков, но и выполнять ту работу, которой в Грузии, помимо Института истории грузинской литературы имени Руставели, специально занимается Институт рукописей, где дело поставлено на очень высоком уровне и где работает около 70 человек.

Вот что меня восхищает в этом высоком национальном уровне грузинской литературоведческой науки. Помимо Института имени Руставели, имеется Институт востоковедения, который тоже решает проблемы грузинской литературы.

К сожалению, я меньше могу сказать о работах, которые охарактеризовал член-корреспондент Латвийской АН Я. Я. Калнынь. Но должен отметить, что и здесь есть чему поучиться. Принципиально важна та работа, которая ведется в этом институте совместно с Литовской АН. Совместная работа в пограничных районах по фольклору литовскому и латышскому — это чрезвычайно важно, это дружба народов в науке, которая может дать чрезвычайно ценные плоды.

Очень важно, что фольклор изучается там в связи с этнографией и музикологией, в связи с хореографией. Этот принцип комплексности характерен для Прибалтики и крайне важен. У нас, к сожалению, из-за разбросанности наших фольклористских сил нет этой комплексности в изучении фольклора.

Затем — связь изучения литературы с изучением изобразительного искусства, истории и теории искусства с музыковедением. Это принципиально важно.

Академик Г. В. Церетели:

В докладе А. Г. Барамидзе очень сжато, но, я бы сказал, убедительно показана та большая работа, которая ведется в Институте истории литературы имени Ш. Руставели. Действительно, она поражает не только обширностью тематики и разнообразием трудов, но и своим высоким уровнем. Нужно подчеркнуть, что эта работа над грузинскими текстами, над памятниками грузинской литературы имеет не только, так сказать, региональное значение, — это было хорошо показано в докладе, — но и общее для всей науки и вообще для изучения целого ряда проблем методологического характера.

В этом смысле эта работа, конечно, достойна того, чтобы она была лучше известна и в других областях. И было бы желательно кое-что из трудов, которые у нас издаются, переводить на другие языки.

Я тоже хочу отметить, что, кроме учреждений, которые перечислены здесь, у нас имеется специальная Комиссия по изданию текста Руставели, занимающаяся главным образом его подготовкой и работой над всеми проблемами, связанными с этим изданием, включая словарь древнегрузинского языка и кончая поэтикой великого грузинского поэта.

Я рад услышать такой высокий отзыв крупнейшего нашего авторитета в области филологической науки Дмитрия Сергеевича Лихачева о работе Института истории грузинской литературы имени Руставели.

РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

(V—XVIII века)

«Глубокое усвоение художественного наследия прошлого, приобщение его к современной культуре требуют глубокого же и всестороннего исследования. Видение и ведение идут рука об руку. Они способствуют обогащению современной культуры, расширяют ее творческие возможности, расширяют «сектор свободы», увеличивают возможности выбора. Видение связано с искусством, ведение — с наукой. Литературоведение и искусствознание — это науки, борющиеся со смертью культуры, они вводят старое живое в живое современное. Они осуществляют связь времен, связь народов, укрепляют единство человечества».

Эти слова академика Д. С. Лихачева как нельзя лучше говорят о значении освоения культурного наследия прошлого, наполняя смыслом все исследование в этой области. Ведутся они и у нас в Грузии. Благодаря им многовековое грузинское искусство и литература, грузинская философская мысль становятся все более известны широкой общественности. Однако это трудно сказать о древнегрузинской литературно-эстетической мысли. Потребность же в этом особенно ощутима сегодня.

Каковы были литературно-эстетические принципы в пору создания древних памятников, в эпоху Руставели, Сулхана-Саба Орбелиани или Давида Гурамишвили? Что из теоретического наследия созвучно нашему высокогуманистическому пониманию художественного творчества? От какого наследия мы должны отказаться? Именно эти вопросы и затронуты в публикуемой ниже статье Р. Сирадзе об истории древнегрузинской литературно-эстетической мысли.

НЕСМОТРЯ на то, что отдельные вопросы древнегрузинской эстетики изучены весьма обстоятельно, все еще нет специального исследования о развитии древнегрузинской литературно-эстетической мысли, не разработаны связанные с ней отдельные узловые проблемы, что ведет к досадным ошибкам, допущенным в некоторых обобщениях и даже частных заключениях¹.

¹ Р. Г. Сирадзе. К вопросу о правильном понимании эстетической мысли прошлого. Журнал «Цискари», 1972, № 9, стр. 120—129 (на груз. яз.).

Поэтому прежде всего обратимся к изучению древнегрузинской литературно-эстетической терминологии (в данном случае об «эстетической терминологии» можно говорить только условно, в его средневековом, а не современном смысле), выделив два термина: «хеловнеба» (по-древнегрузински — «мастерство» — «techné») и «сахисметквелеба» («образное выражение»). Если первый в рамках всей древнегрузинской литературы сохраняет свое обычное «средневековое» значение (мастер-

ство, умение)², то второй обозначает художественное изображение. Уже сам факт появления такого термина свидетельствует об уровне развития теоретической мысли.

Специальное изучение материалов приводит нас к заключению, что для литературно-эстетической мысли основополагающее значение имело учение о двух видах мудрости (имеется в виду учение о взаимоотношении между человеческой и божественной мудростью). На раннем этапе считалось, что человеческая мудрость (и, в частности, литературно-эстетическая мысль) должна подчиниться божественной. Но развитие мысли проходило под знаком «эмансипации» человеческой мудрости, в результате которой литературно-эстетическая мысль приобрела самодовлеющее значение. Широкое распространение учения о двух видах мудрости обусловлено тем, что Грузия в средневековье была ареной соприкосновения между различными умственными течениями.

I. Ранний период развития древнегрузинской литературно-эстетической мысли (V—X вв.). Общеэстетические принципы обычно вырабатывались путем анализа и обобщения закономерностей литературы. И это необходимо всегда иметь в виду.

Если раньше подобные вопросы удавалось рассматривать лишь на литературно-теоретическом уровне, то теперь при изучении различных высказываний древнегрузинских авторов главными становятся литературно-эстетические и эстетико-философские аспекты. Именно под этим углом зрения мы и представим основные этапы развития древнегрузинской литературно-эстетической мысли, создав тем самым определенную предпосылку для исследования общей истории древнегрузинской эстетики.

Вот какое своеобразное определение литературного произведения дает автор «Жития Серапиона Зарзмели» Басил Зарзмели (X в.): «Это малое словесное выражение большой и весьма приятной жизни»³. Здесь, хотя и с свое-

² Впервые термин «хеловнеба» в современном значении («искусство») встречается в переведенных с русского языка Давидом Батонишвили в 1815 году «Эстетических рассуждениях» Ансильона (рукопись Н-2181 Института грузинских рукописей им. К. С. Кекелидзе АН СССР; см. Р. Г. Сирадзе «Хеловнеба», Журнал «Сабчота хеловнеба», 1973, № 8, стр. 71 (на груз. яз.).

³ Басил Зарзмели. Житие Серапиона Зарзмели. Русский перевод в книге К. С. Кекелидзе «Этюды по истории древнегрузинской литературы», т. XII, 1974, стр. 141.

образными изменениями, выделяются все три компонента (действительность, слово и художественное изображение), входящие в научное определение литературы; неизменным остается лишь второй компонент — то есть «слово»; понятие «действительности» в определении Басила Зарзмели ограничивается «жизнью» святых; «малое изображение» своеобразно заменяет понятие «художественного изображения»; оно подразумевает выделение из жизни в качестве описания характерных, «типичных» фактов⁴. Такое понимание древнегрузинские авторы аргументируют следующим образом: для того чтобы узнать вкус речной воды, не требуется выпить всю реку⁵.

В тот же период встречаются весьма интересные воззрения и на значение «слова». Часто «слово» («sitqvai» — «ситкван») заменяется терминами «выражение», «изображение» («gamochatvai» — «гамохатваи», «gamosachvai» — «гамосахваи»). Все они подразумевают перевод реальной действительности в другой план. В аналогичном смысле «слово» фигурирует в следующих высказываниях грузинских авторов: «слово — начало жития»; художественное произведение — это «выражение словом добродетели» (Басил Зарзмели); «причины вызывают слово, а слово излагает причины» (Арсен Сапарели)⁶; «слово» определяет правила повествования, такое понимание «слова» содержит термины: «граница слова», «поприще слов», «путь слова»⁷.

Эстетическая возвышенность «слова» выражается именно в том, что оно считается «божественным»⁸; «слово» единственное, в чем содержится мысль (икона в этом отношении только при-

⁴ Р. Г. Сирадзе. Об одном литературоведческом термине в древнегрузинской письменности. Сообщения АН СССР, № 1, 1968, 245—248 (резюме на русском языке).

⁵ «Житие Иоанна Зедазнели». Древние редакции житий сирийских подвижников в Грузии. Тексты с исследованием и вокабулярием издал Илья Абуладзе. Тб., 1955, стр. 61 (на груз. яз.).

⁶ Там же, стр. 2.

⁷ Р. Г. Сирадзе. Вопросы художественного мышления в древнейшей грузинской письменности (V—XI вв.). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тб., 1966, стр. 8—12.

⁸ П. А. Михелис показывает, что в средневековье «божественность» художественного изображения тесно связывается с эстетическим чувством «возвышенного» и основное отличие античной эстетики от средневековой состоит в том, что на месте идеала «прекрасного» выдвигается идеал «возвышенного» (P. A. Michelis. Esthétique de l'art byzantin. Paris, 1959, p. 10).

ближается к нему). Поэтому учение о «слове» занимает одно из центральных мест в тех воззрениях, в которых мы ищем эстетические рассуждения.

В грузинской агиографической литературе встречаются высказывания о принципах отбора темы для художественного произведения. Один из этих принципов Георгием Мцире выражается таким образом: «Если художник (буквально — «мастер», «*shelovani*» — «хеловани») не найдет предмета, подобающего его делу, как он проявит величие свое»⁹.

И у других грузинских авторов встречаются аналогичные теоретические высказывания, по которым в процессе создания произведений исходной должна быть литературно-художественная, а не только профессиональная точка зрения: «Некоторые факты — должно упомянуть, а другие — опустить, дабы не умножать писания и дабы не одолела скука читателей и слушателей»¹⁰.

На разных этапах своего развития теоретическая мысль по-разному определяла функцию литературы. Арсен Сапарели писал, что писатель должен осмыслить «причину описания» и показать ее читателю, «ибо причины вызывают слово, а слово повествует о причинах, поэтому, в первую очередь, обращаются к чувствам и отдают их принимающему, а принимающий отдает их вопрошающему, вопрошающий же — хранителю»¹¹. Вместе с тем осмысливаются различные интересы читателей («Молодежи повествование принесет твердость и радость, старцам — гордость и веселье, ...священникам и их юным ученикам — пользу», — писал Иоанн Сабанисдзе)¹².

В период развития грузинской агиографии (V—XI вв.) в изображении человеческих образов действуют следующие принципы¹³: литература дол-

жна изображать только человеческие идеалы (а не конкретные, скажем, бытовые или социальные факты); отрицательная личность не может стать главным героем произведения; человека следует ценить только по его духовным качествам (физическая природа личности игнорируется); идеализируется «простой человек», «униженная и оскорбленная» личность (в отличие от мифологического эпоса); герои произведений являются выражением общегрузинского национального идеала (агиографическая литература не знала локальных племенных героев, как это наблюдалось в фольклоре); положительный образ должен быть абсолютно совершенным (это же порой вызывает интерес даже к телесной природе: «существуют многие добрые дела, для совершения коих необходима телесная природа»¹⁴, читаем в одной из древнейших произведений); с другой стороны, отрицательный образ считается выражением только лишь абсолютного зла; следовательно, отрицается «диалектическое сосуществование» положительных и отрицательных качеств в одной и той же личности.

Этим принципам, распространенным в агиографической литературе, в основном соответствовали идеалы человека из грузинской фресковой живописи. Отдельные отличия объясняются спецификой «языка» изобразительного искусства, где, естественно, большее внимание уделяется телесной природе, чем в агиографии или гимнографии. Как в живописи, так и в литературе показателем развития художественного мышления является следующее: если раньше образ человека содержит лишь идею религиозного вдохновения, то на следующих этапах он одновременно становится олицетворением прекрасного.

Теоретические принципы отображения действительности, распространенные в грузинской литературе до появления светского направления (V—XI вв.), можно сформулировать так: темой литературы признавались только реальные (конкретно-исторические) факты; с другой стороны, конкретно-исторические личности должны были быть представлены обобщенно в образе идеального персонажа, соответствующего общему человеческому идеалу того времени¹⁵. Следовательно, идеал вырабатывается не в творческом процессе, не самим писателем, а существует априорно, как теоретическая норма, и является обязательным, как всеобщий

⁹ Георгий Мцире. Житие Иоанна и Евтимия. Памятники древнегрузинской агиографической литературы, т. II, Тб., 1967, стр. 129 (на груз. яз.).

¹⁰ Там же, стр. 52.

¹¹ Древние редакции житий сирийских подвижников в Грузии, стр. 2.

¹² Иоанн Сабанисдзе. Мученичество Або Тбилели, Русский перевод в книге: К. С. Кекелидзе «Этюды», XII, стр. 115.

¹³ Р. Г. Барамидзе. Очерки по истории художественной прозы (гл.: Изображение человека в древней прозе, Тб., 1966, стр. 5—56 (на груз. яз.); Г. Г. Парулава. К природе художественного образа в грузинской агиографии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тб., 1970; Р. Г. Сирадзе. Грузинская агиографическая литература и идеал национального героя. Журнал «Грузинский язык и литература в школе», 1968, № 1, стр. 31—35 (на груз. яз.).

¹⁴ Древние редакции житий сирийских подвижников в Грузии, стр. 36.

¹⁵ Р. Г. Сирадзе. Понятие образа в византийской эстетике. «Мацне» (АН ГССР), 1969, № 4, стр. 45—56 (на груз. яз.).

«эталон», не только для грузинской, но и для агнографической литературы других стран¹⁶.

Из этого вытекает следующий общезстетический принцип: идеальное (гесп. эстетическое) может существовать в действительности, ибо оно является проявлением божественного. Искусство должно изображать реальный факт, правдивый не с точки зрения возможности (типичный), а с точки зрения конкретно-исторической действительности. Понятие же отображаемой действительности определялось в то время довольно своеобразно: истинная действительность — та, которая проникнута божественностью (ср. определение литературы у Серапиона Зармели). Исходя из этого, указанный принцип отображения действительности был назван «описанием истины». Поэтому плоды фантазии, воображения человека не считались достойными описания.

Особенно ярко и конкретно принцип «описания истины» был сформулирован Георгием Мтацмидели («Мы ничего не описывали от себя»¹⁷), подчеркивавшим необходимость описывать то, что «слышали от достоверных личностей, которым был чужд всякий вымысел». «Поведай все истинно, как это случилось и как ты сам это знаешь»¹⁸, — так задача Иоанна Сабанисдзе была определена до того, как он приступил к созданию «Мученичества Або Тбилели».

Таким образом, судя по данному принципу, произведение следовало создавать на основе первоначальных впечатлений.

Во многих сочинениях древнейшей грузинской письменности рассматриваются не только конкретные стороны грузинского стихосложения, но и общетеоретические вопросы поэзии, ведущие к общим эстетическим принципам. Представители грузинской церковной литературы, следуя средневековой традиции, сохранявшейся даже в эпоху Возрождения (например, у Петрарки), общетеоретические вопросы поэзии анализировали на примере псалмов. Этих вопросов в древнейшей грузинской литературе касались распространенные в ней взгляды Афанасия Александрийского, изложенные в его трактате. Его грузинская редакция, датируемая X веком, содержит следующие рассуждения: «Всякая книга написана для пользы, а дар учения употребляется для души»; произведения бывают различны, «сила книги по-разному сообщается нам, не-

которые передают свой образ, некоторые — образы других»¹⁹; исходя из этого, сопоставляются псалмы и другие библейские книги, «которые передают слово других», то есть во время чтения псалма читатель будто говорит своими словами; стирается грань между авторскими и читательскими переживаниями: «когда кто-либо читает псалом, он не считает, что кто-то спасен или испытывает муки, ...мы считаем, будто все это произносим мы сами»²⁰. Следовательно, при чтении лирического произведения человек как бы выражает собственные переживания и настроения и таким путем возносится к возвышенным идеалам; в произведениях же другого рода мы знакомимся с определенными настроениями лишь с внешней стороны и не воспринимаем их как собственные, а только сочувствуем другим. Так противопоставляются друг другу поэзия и «непоэзия».

Наличие в древнейшей грузинской поэзии точной терминологии и следует считать результатом развития теоретической мысли. Благодаря этому вырабатывается четкая жанровая классификация гимнографической поэзии²¹. В данный период теоретические вопросы поэзии тесно связываются с вопросами музыкального исполнения. У авторов — «мехели» (поэтов-композиторов), у Иоанна-Зосима, Георгия Мтацмидели, Ефрема Мцире и других встречаются весьма важные рассуждения относительно грузинского стихосложения и вопросов древнегрузинской музыки (Ефрем Мцире разрабатывал теоретические вопросы даже из области византийского стихосложения). Забегая вперед, отметим, что Иоанн Петрици во вступлении к своему философскому трактату затрагивает вопросы специфики грузинской музыки, в частности полифонической гармонии. Он констатирует, что в грузинских песнях имеются три голоса: «мзахр», «жир» и «бам». Разбирая вопросы гармонического сочетания этой «триады» как одно целое, автор излагает один из главных принципов гармонии — единство разнообразности.

¹⁹ Древнегрузинские редакции Псалтыря (по рукописям X—XIII веков). Изд. Мзекала Шанидзе. Приложение I. Тб., 1960, стр. 446.

²⁰ Там же, стр. 446.

²¹ К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I (гл. Поэзия), Тб., 1960, стр. 587—619 (на груз. яз.); Е. Метрели. Две древние редакции грузинского ирмология (по рукописи X—XI веков), Тб., 1971, стр. 0120—1127; С. Г. Каухчишвили, Ефрем Мцире и вопросы греко-византийской метрики. Труды Тбилисского гос. университета, т. XXVII, 1946 (на груз. яз.).

¹⁶ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, стр. 104—127.

¹⁷ Памятники древнегрузинской агнографической литературы, II, стр. 40 (на груз. яз.).

¹⁸ Письмо Самуила Иоанну Сабанисдзе. К. С. Кекелидзе «Этюды», XII, стр. 113.

Еще в древнейший период раннефеодалного грузинского искусства были выработаны своеобразные нотные знаки. В неприкосновенном виде их донесла до нас антология Михаила Модреки (1978—1988 гг.; с системой данных грузинских музыкальных знаков были знакомы и представители древнеармянской музыкальной культуры), содержащая песнопения, называемые «мехури», — тексты с музыкальными знаками. Они создавались поэтами-композиторами — «мехели». В теоретических рассуждениях о «мехури» и «мехели» затрагиваются вопросы указанного синкретического творчества: о соотношении текстов с музыкой, о функции подобных песнопений, об отличительных чертах грузинских песнопений по сравнению с византийскими. В развитии эстетической мысли, как общей теории всех видов искусства, заслуживает внимания следующее обстоятельство: из различных отраслей искусства в первую очередь общность находят между поэзией и музыкой, а также между словесным и живописным изображениями.

Самым ценным, самым прогрессивным из всех отраслей человеческого умственного созидания в средневековье было искусство. Многие из теоретических воззрений, созданных в средние века, способствовали его развитию. Однако не следует забывать и о тех теоретических принципах, которые препятствовали этому развитию²². Довольно часто отрицательное воздействие на эстетику оказывали и неэстетические факторы.

В Грузии, в частности, до VII века была распространена монофизитская доктрина христианства. Монофизитство видело в Христе только божественную природу. В отношении монументальной живописи той эпохи такая доктрина имела нормативное значение: исходя из того, что в Христе видели только божество и отказывались одновременно видеть в нем и человека, отрицали и его изображение на фресках, руководствуясь тем, что божественную сущность нельзя изобразить: это считалось идолопоклонством. В результате этого до VII века развитие грузинской монументальной живописи задерживается²³. Позже в Грузии победила диофизитская доктрина, которая помимо божества видела в Христе также совершенного человека.

²² Некоторые из них рассмотрены в научной литературе: К. С. Кекелидзе. Творческий процесс в древнегрузинской литературе в связи с некоторыми моментами идеологического характера. Этюды, т. II, 1945, стр. 195—217 (на груз. яз.).

²³ Ш. Я. Амيرانашвили. История грузинской монументальной живописи, г. I, Тбилиси, 1957, стр. 19—20.

В определенном смысле это означало победу новой эстетики в области живописи. Она допускала изображение Христа, богородицы и святых «символизмом». Вслед за этим с VII столетия широкое развитие получила фресковая живопись.

Вслед за иконоборческим движением снова актуальной становится проблема образного изображения. Анализ исторических и литературных материалов показывает, что в Грузии не придерживались отрицания изобразительного искусства как следствия иконоборчества. Распространяются новые воззрения в защиту образного изображения. Такая позиция имела определяющее значение для дальнейшего развития монументальной и станковой живописи; в сфере же теоретической мысли она приводила к отрицанию сугубо спиритуалистической эстетики²⁴.

Еще в ранний период в грузинском литературно-эстетическом мышлении зарождается интерес к платоновскому учению, что создавало предпосылки для дальнейшего многостороннего освоения и разработки неоплатоновской эстетики. Это определялось, с одной стороны, общностью между христианством и платонизмом, с другой — тем, что художественному мышлению гораздо ближе платоновская «свободная спекуляция», чем строгая систематизация аристотелевского учения.

Заканчивая рассмотрение воззрений раннефеодалной Грузии на различные вопросы художественного мышления, следует сделать следующую оговорку, относящуюся ко всему средневековью: «Эстетика в средние века еще не приобрела самодовлеющего значения» (Н. В. Лазарев).

II. Из грузинской эстетики эпохи развитого феодализма (XI в.). В эпоху развитого феодализма ведущим направлением грузинской мысли является неоплатонизм, с которым представители грузинской литературы были знакомы и раньше. Это философское учение и вытекающие из него эстетические принципы получают дальнейшее развитие и на грузинской почве. Основу для этого создавал тот факт, что данное учение, в частности его космологическая иерархия, соответствовало идеологическим интересам развитого феодалного вассалитета в Грузии. Оригинальная разработка весьма широкого круга вопросов неоплатоновской философской проблематики позволяет ученым говорить о «грузинском неоплато-

²⁴ Об антиэстетизме иконоборчества см.: Gervase Mathew, Byzantine Aesthetics. London. 1963, p. 94—107.

низме», отчасти относится это и к тогдашней грузинской эстетической мысли²⁵.

Грузинская неоплатоновская эстетика с особой отчетливостью показывает, что при разработке эстетических принципов исходным пунктом служило учение о двух видах мудрости (о двойственной мудрости)²⁶. Более того, эстетика (в средневековом смысле этого понятия) представляется как бы отраслью данного учения, и это потому, что при отсутствии обобщающего понятия «искусства», в смысле «художественного творчества», отдельные виды искусств входили непосредственно в определенную группу «мудрости». Обычно характер эстетических воззрений той или иной эпохи определяется тем, как понималось указанное учение, а именно: отношением между божественной и человеческой мудростью, между религией и философией. Как известно, согласно воззрениям эпохи, предшествующей феодализму, учение о природе не отмежевывается от религиозно-мифологического учения. Здесь представлен этап первоначального слияния этих двух аспектов. После распространения религиозно-философской системы христианства впервые происходит разграничение и противопоставление вышеуказанных учений с подчинением религиозной системе философии (и вместе с ней — эстетики). В соответствии с этим «подлинное» искусство должно подчиняться религии и входить в религиозный культ. Новый этап отмечается с наступлением так называемой «классической эпохи» древнегрузинской литературы (XI—XIII вв.), когда ярко вырисовываются тенденции не размежевания, а, наоборот, отождествления двух видов учений: божественной и человеческой мудрости. Если Ефрем Мцире высказывается в пользу координационного отношения между ними, то у Руставели намечается их полное отождествление: человеческая мудрость то-

же считается божественной, а в итоге светская поэзия объявляется проявлением божественной мудрости²⁷. Этому новому этапу предшествовала секуляризация искусства и, одновременно, теории искусства, в результате чего и происходит признание ценности нехристианского (дохристианского, исламского, в частности персидского) искусства; подобная гуманистическая терпимость в особенности присуща эпохе Руставели. На следующем этапе развития грузинской эстетической мысли (XVI—XVIII вв.) отмечается полное размежевание религиозного учения и светской мудрости, причем исключается применение последней даже в пользу религии (подобная максималистическая тенденция является последней реакцией религиозной системы, осознавшей, что она теряет свое превосходство).

В грузинском неоплатонизме выделяются следующие, влияющие на развитие эстетической мысли, проблемы: мир — образное воплощение первообраза; отношение между чувственно-конкретной и высшей красотой²⁸; иерархическое проявление прекрасного; учение о микро- и макрокосмосе в связи с образом идеального человека; «эстетизация» философии и так далее.

В классический период грузинского неоплатонизма вырабатывается, особенно Иоанном Петрици, одно весьма важное положение, которое придает этому учению предренессансный характер и одновременно сближает его с античными воззрениями. Оно сводится к следующему: создание мира, отношение всевышнего к нему, постижение всевышнего через видимый мир — все три аспекта космологии фактически рассматриваются в эстетическом плане²⁹. Как известно, библейская креация представлялась сугубо-мистическим актом, отрицалось ее полное постижение методами философии. Выход из этого

²⁵ Ш. И. Нудубидзе. История грузинской философии, 1960, стр. 268—373; Ш. В. Хидашели. Основные мировоззренческие направления в феодальной Грузии (IV—XIII вв.), Тбилиси, 1962, стр. 229—350; Ег о же, Эстетические воззрения в грузинском неоплатонизме. Сб. Очерки из истории грузинской философской мысли, I, Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).

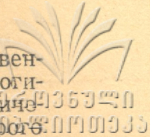
Под «грузинским неоплатонизмом» мы подразумеваем сочетание трех элементов: христианизированного неоплатонизма (ареопагитика), античного неоплатонизма (Прокл-Петрици) и исламизированного неоплатонизма (суфизма, из переводных произведений персидской литературы).

²⁶ Р. Г. Сирадзе. Учение о двух видах мудрости и его значение для древнегрузинской литературы. Научная сессия филологического факультета ТГУ (Тезисы), XI, 1967, стр. 26—27.

²⁷ Р. Г. Сирадзе. Отрасль мудрости. Журн. «Грузинский язык и литература в школе», 1972, № 4, стр. 38—45 (на груз. яз.).

²⁸ Ш. В. Хидашели. Эстетические воззрения в грузинском неоплатонизме. Сб.: Очерки из истории грузинской философской мысли, I, Тб., 1969, стр. 105—114.

²⁹ Р. Г. Сирадзе. Эстетический принцип иерархической структуры Вселенной в грузинском неоплатонизме. VIII научная сессия Республиканского координационного совета по литературоведению (АН ГССР), Тб., 1974, стр. 25—26. На некоторые эстетические моменты в ареопагитике указывается в специальной литературе (R. Roques. Structure hiérarchique du monde selon le Pseudo-Denys. Paris. 1954, с. 56). И. Петрици. Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадох (пер. и иссл. И. Панцхава). Тб., 1942.

положения Плотин старался найти путем применения метафизики света. Именно в этом кардинальном вопросе более рационального подхода придерживается И. Петрици. Согласно его воззрениям, предпосылки которых имеются в ареопагитике, мир относится к своей первопричине так, как художественный образ к замыслу художника; мир является образом всевышнего. С гносеологической точки зрения это означало признание познаваемости бога эстетическим путем, а именно: путем эстетического рассмотрения мира. Следовательно, путь познания мира уподобляется раскрытию смысла художественного произведения. Как из конкретно-чувственного образа извлекается его смысл, вложенный в него художником, так через видимый мир воспринимается его скрытый смысл, его закономерности — проявление всевышнего. Иерархическая система Вселенной у Петрици представляется как иерархия образов; можно сказать, что, по мнению Петрици, Вселенная начинается и кончается образами. Это сказано и на терминологии Петрици: при рассмотрении вопросов бытия он оперирует эстетическими терминами, вкладывая в них наряду с философским и эстетическое содержание. Следовательно, если раньше чисто эстетические явления осмысливались исключительно с точки зрения конфессионально-философского понимания, то теперь даже чисто философские проблемы решаются в эстетическом плане. Именно в этом заключается «эстетизация» философии. Создается впечатление, что грузинские мыслители (особенно Петрици), раздумывая об искусстве и познавая его закономерности, выработывали методы искусствоведения и эстетики, а потом решились этими же самыми методами познать даже общие закономерности Вселенной.

При рассмотрении данного вопроса необходимо учесть указание В. И. Ленина о том, что одну и ту же мысль можно выразить либо с эстетической точки зрения, либо с гносеологической (Полное собрание сочинений, т. 18, М., 1961, стр. 367). В грузинском неоплатонизме гносеологические рассуждения заменяются именно эстетическими.

В грузинском неоплатонизме особое место занимает ареопагитика. В этом учении затрагиваются и вопросы эстетики³⁰. «Ареопагитическое положение —

бог есть «все во всем» («Божественные имена», VII, 3) наряду с онтологическим и этическим имеет и эстетическое содержание, значение которого определено в соответствии со значением прекрасного как божеского предиката. Прекрасное является вторым предикатом первопричины (бога) после «красоты». «Место «прекрасного» в системе определений подтверждает его значение как в отношении к первопричине, так и к миру»³¹.

Наряду с другими аспектами Петрици развил ареопагитический неоплатонизм в эстетическом отношении, в частности вопрос о первопричине и разрывании ее в мироздании, о тенденциях обратного возвращения всего сущего к первопричине.

При этом нельзя не подметить одну особенность, вытекающую из анализа его соображений: чтобы понять структуру мироздания, его закономерности, надо разобраться в закономерностях искусства. В таких методах аналогии нельзя не усматривать возросшего уровня понимания ценности искусства, его значения. Избрание указанного метода находило свое оправдание в культурно-общественных тенденциях эпохи, когда ведущей отраслью умственного созидания стало искусство; не удивительно поэтому, что ощутимым становится необходимость интенсивно думать о нем. Сначала это делалось для применения аналогий при решении далеко не искусствоведческих проблем, но в дальнейшем данный метод мышления приобрел значение, определяющее всю систему мировоззрения мыслителей того времени.

С конца X века в грузинской литературе распространяется метафрастическое течение (как известно, его родоначальником был византийский писатель Симеон Логофет. X в.)³². С распространением метафрастики заметно возрастает изобразительная функция слова, меняется отношение к его эстетической функции; Ефрему Мцире принадлежит специальный трактат, в котором рассматриваются теоретические вопросы метафрастики (этот трактат был открыт академиком К. С. Кекелидзе в манускриптах Гелатской академии; факт этот вызвал широкий отклик ученых-медиевистов. Большой интерес он вызвал у академика В. В. Латышева. Дело в том, что многие неясные вопросы метафрастики выясняются благодаря данному трактату). Основная задача мета-

³⁰ Ш. В. Хидашели, *op. cit.*, p. 92—105. Соображения Ефрема Мцире и И. Петрици подтверждают, что «в восточнохристианской системе миропонимания эстетическое играет важную, если не первостепенную роль» (В. В. Бычков, *Взаимосвязь философского, религиозного и эстетического в восточнохристианском искусстве*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1972, стр. 4).

³¹ Ш. В. Хидашели, *op. cit.*, p. 96—97. Петр Ивер (Псевдо-Дионисий Ареопагит). Труды (древнегрузинский перевод). Изд. С. Я. Енукашвили, Тб., 1961.

³² Ефрем Мцире. Воспоминание о Симеоне Логофете — К. С. Кекелидзе, «Этюды», т. V, Тб., 1957, стр. 220—223.

фрастики заключается в следующем: с предмета изображения внимание переключается на средство изображения, на слово. В соответствии с этим осмысливаются вопросы художественного слова. В своем трактате Ефрем Мцире пишет, что метафрастика занималась «украшением», «приукрашиванием» древних произведений соответственно с новым эстетическим вкусом времени. Другой представитель этого же течения также говорил «о слове, подобающем времени и месту» (Георгий Мцире, XI в.). Этот принцип можно считать весьма значительным для той эпохи. Ефрем Мцире понимал, что новые эстетические принципы требуют, чтобы роль эмоционального воздействия отводилась не только фактам, но в первую очередь художественному слову.

Ефрем Мцире — один из виднейших представителей предренессансной грузинской теоретической мысли — различал два типа изображения: с одной стороны, это непосредственное, прямое изображение какого-нибудь содержания, с другой — «образное выражение» («сахисметквелеба»)³³. По словам того

³³ Ефрем Мцире. Толкование (Изд. Мз. Шанидзе). Труды кафедры древнегрузинского языка Тбилисского государственного университета, 1968, 11, стр. 77—79 (на груз. яз.).

же автора, в соответствии с этим произведением можно истолковать путем «определительного толкования» («сахисметквелеба таргманеба») и в то же время можно расшифровать их образное изображение, «расшифровать» смысл, вложенный в образы; этот метод назван «толкованием образов» («сахисметквелебити таргманеба»). Ефрем Мцире вместе с тем подметил, что можно по-разному «толковать образы», иначе говоря, художественное содержание образного изображения воспринимается по-разному.

Воззрения Ефрема Мцире и особенно Иоанна Петрици имели важное значение для развития грузинской литературно-эстетической мысли. Их теоретические интересы были довольно обширны³⁴.

³⁴ Ефрем Мцире и особенно Иоанн Петрици дали бы возможность Этьену Жильсону легче выяснить вопрос — существовала ли в средневековье до Фомы Аквинского философия, — чем это он мог сделать на примере некоторых западных мыслителей того же времени» (Étienne Gilson. L'Esprit de la philosophie médiévale. Paris. 1936, p. 21—22).

Окончание следует

СЛОЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ — ДОСТУПНО, ПОПУЛЯРНО

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ теоретики перевода наряду с разработкой своих собственных специфических вопросов и задач стали уделять больше внимания также проблемам смежных дисциплин, таких как литературные связи, влияние переводов на развитие родной литературы. Новая книга виднейшего теоретика художественного перевода Г. Р. Гачечиладзе так и называется — «Художественный перевод и литературные связи» («Советский писатель») и является значительным вкладом не только в историю и теорию перевода, но и в проблемы литературных связей Грузии с восточными странами.

История и традиции художественного перевода Грузии имеют глубокие корни. Грузия в силу своего исторического и географического положения в течение веков была двуязычной страной. Именно поэтому здесь издавна был велик интерес к проблемам и вопросам перевода. Но, как отмечает автор книги, развитие художественного перевода здесь имело свои особенности. В Грузии редко переводили дословно, не изменяя оригинала. Переводчики, исходя из собственных эстетических потребностей, либо сокращали, либо расширяли текст, часто превращая работу над переводимым произведением в самостоятельное творчество. Однако эти переводы не искажали сути подлинника. Различные примеры вольного перевода всегда были связаны с какой-нибудь особенностью быта или обычаев грузинского народа. Так, при переводе с персидского сглаживалась грубость в отношении к пожилой женщине, ибо это было не в обычаях грузинского народа. Исследователь также замечает, что иногда историк грузинской литературы и художественного перевода имеет дело с явлением, выходящим далеко за рамки вольного перевода, и здесь в некоторых случаях нужно говорить не о переводе, а о переработке, пересказе или подражании в зависимости от степени изменения переведенного произведения. По мнению Г. Р. Гачечиладзе, именно такое явление представляет собой

«Ростомиани», грузинская редакция поэмы «Шах-наме» Фирдоуси, самое любимое и популярное в Грузии произведение после «Вепхисткаосани».

«Действительно, — читаем в книге, — многое указывает на то, что «Ростомиани» стало национальным эпосом: превращение его героев в грузинских, замена персидских имен грузинскими, распространенность сюжета в грузинском фольклоре и т. д.

Таким образом, в главе «Традиции и современность», открывающей книгу, содержится наиболее интересный и содержательный материал по обзору перевода на грузинский язык персидских, арабских, индийских и тюркских поэм и эпосов и их влияния и роли в истории грузинской литературы.

Во второй половине XVIII и первой половине XIX вв. в связи с присоединением Грузии к России восточные влияния значительно ослабли. Для этого периода характерна переводческая деятельность Александра Чавчавадзе, обратившего свой взор в сторону России и переводившего Пушкина, Эзопа, Лафонтена. Автор подробно исследует ценный вклад в развитие переводческого искусства, вложенный грузинскими писателями и переводчиками Ильей Чавчавадзе, Иваном Мачабели, Акакием Церетели, а в послеоктябрьские годы — Ираклием Татишвили, Константином Чичинадзе, Геронтием Кикодзе и целой плеядой талантливых современных грузинских переводчиков, вдохновенный труд которых познакомил грузинский народ с выдающимися творениями русской и зарубежной литературы.

В главе «Некоторые общие вопросы» автор, опираясь на ленинскую теорию о соотношении практики и познания, обосновывает свою концепцию художественного перевода: дословно точный и вольный, между которыми и колеблется практика перевода. Кажущийся простым выход — синтез этих двух принципов — практически невозможен: два различных языка пользуются разными средствами для выражения одной и той же мысли.

Автор книги полемизирует с известным теоретиком перевода А. В. Федоровым и автором статьи «Методика литературного перевода» А. Смирновым по вопросу определения переводческих терминов и понятий «перевод», «адекватность» и других.

Центральную часть книги составляет третья глава — «Перевод как форма литературных взаимосвязей», где читаем: «Художественный перевод помогает сохранить национальные традиции в культуре того народа, на языке которого он выполняется. Он защищает свой язык от вторжения чуждых форм, которые уничтожают или заменяют национальные формы. А сохранение последних — это залог многообразия и богатства творчества всех народов, каждый из которых вносит свою лепту в мировую сокровищницу культуры именно благодаря своему национальному своеобразию».

Исходя из этого положения, и исследуются вопросы передачи национальной специфики искусства, которая связана с проблемой народности. Г. Р. Гачечиладзе освещает также вопрос о сопоставительной стилистике, как новом этапе развития перевода.

В главе о переводе прозы он подробно исследует проблемы, связанные с прозаическим переводом. Художественная проза менее регламентирована строгими законами, которые присущи поэзии: метром, ритмом, рифмами, строфой. Однако это не значит, что художественная проза свободна от всех и всяческих законов и норм, присущих переводу.

Большое значение для верного перевода прозы имеет нахождение «ключа», который даст возможность проникнуть в суть произведения. Переводчик должен познать ритм оригинала, интонацию, манеру передачи мысли.

В последней части работы речь идет о стихосложении и поэтическом переводе. Автор отмечает тот факт, что не только проза, но и поэтический перевод тоже требует нахождения «стилистического ключа» подлинника.

Книга Г. Р. Гачечиладзе на новом, более высоком этапе продолжает углубленную разработку вопросов теории и практики художественного перевода и начинается разработку многих новых еще не решенных дискуссионных проблем и задач.

В ней дается определение понятия переводчика и перевода в широком

смысле слова, то есть так, как понимали его древние.

История узбекского перевода насчитывает тысячу лет. Узбекская литература развивалась в тесной взаимосвязи с литературами арабской, персидской, а в истоках своих и с греческой. О последнем говорят недавно опубликованные материалы, посвященные тысячелетнему юбилею Абу Райхана Беруни, свидетельствующие также о переводческой деятельности этого выдающегося среднеазиатского ученого. Он переводил с греческого Евклида, Аристотеля, Птолемея. Был знаком с «Илиадой» и «Одиссеей» Гомера и, что для нас наиболее интересно, на полях рукописей оставил свои высказывания о переводческом искусстве. Такие произведения арабской и персидской литературы, как «Тысяча и одна ночь», «Кабуснаме», «Шахнаме», «Калила и Димна», «Хосров и Ширин» и многие другие, в течение веков переведенные на узбекский язык, органически вошли в историю узбекской классической литературы и оказали мощное влияние на ее развитие. Однако в области истории художественного перевода у нас в Узбекистане сделаны лишь первые шаги. Книга Гиви Ражденовича Гачечиладзе поможет и узбекским исследователям истории и теории перевода осветить закономерности и традиции среднеазиатской переводческой школы, определить ее особенности и отличия.

Таким образом, его книга явится общим творческим пособием для разработки частных историй и теорий перевода. Свои теоретические предпосылки автор подтверждает конкретными примерами из практики перевода на грузинский язык русской и зарубежной литературы.

Следует обратить внимание еще на одно достоинство этой работы — ее язык. Она написана простым, доступным языком, изящным слогом. По сравнению с другими книгами того же автора — более академическими — она в более популярной и доступной форме разрабатывает сложнейшие научные проблемы и методы, что делает ее интересной и для ученого, и для студента, для переводчика и каждого, кто интересуется проблемами художественного перевода во всех республиках нашей многонациональной Родины.

Гульнара ГАФУРОВА,
кандидат филологических наук.

Сдано в производство 13 февраля 1975 г. Подписано к печати 21 апреля 1975 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ 665

Тираж 4 000

УЭ 11292

33-1975

75-293

ბიბლიოთეკის
სტამბა

Цена 40 коп

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა